

Annotation

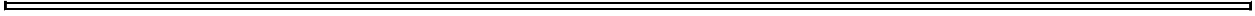
В основе рассказа - подлинные, события, но черты автора приданы образам обоих юных натуралистов. На глухариные тока в Заволжье А. Н. Формозов ездил уже не мальчиком, а юношей в 1921 и 1922 гг., один раз с отцом, а другой - со своим товарищем Георгием Дмитриевичем Шапошниковым (1902-1963), впоследствии инженером авиационной промышленности. Любопытно, что в архиве А. Н. Формозова хранится вырезка из газеты "Нижегородская коммуна" со статьей "Лесники - убийцы". В ней описывается примерно то же, что пережили герои повести. Произошло это уже после революции, но в тех самых заволжских лесах, где А. Н. Формозов охотился в гимназические годы.

Источник: <http://piterhunt.ru/pages/literatura/formozov/inforest/index.htm>

- [Формозов А.Н.](#)
  -
  -
  - [I. Случайная встреча. Почему Севку звали Пичужкиным](#)
  - [II. Весенняя вылазка и планы похода](#)
  - [III. В заволжские леса! Переход до первого ночлега](#)
  - [IV. Лесная сторона. Деревни остались позади](#)
  - [V. Последний переход до кордона](#)
  - [VI. Ночь у костра](#)
  - [VII. Новый день начинается...](#)
  - [VIII. Испытание](#)
  - [IX. Западня. Дождливый день. Новое пристанище](#)
  - [X. Снежное утро](#)
  - [XI. Ток найден! На новом ночлеге](#)
  - [XII. Глухари поют!](#)
  - [XIII. Заря над болотами. Второй глухарь](#)
  - [XIV. Обратный путь](#)
  - [Примечания.](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

Формозов А.Н.

Шесть дней в лесах

*Первому учителю в охотничьих
скитаниях по лесам и болотам,
дорогому отцу и другу —
Николаю Елпидифоровичу Формозову^[1]
эту книгу посвящает автор*

Приключения юных натуралистов

*Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на земле расцветает,
И сам уж не знаю, что станет со мной:
За сердце вот так и хватает!
Теперь у нас пляски в лесу молодом
Забыты и стужа и слякоть —
Когда я подумаю только о том,
От грусти мне хочется плакать!
Теперь, чай, и птица, и всякая зверь
У нас на земле веселится;
Сквозь лист прошлогодний пробившись теперь,
Синеет в лесу медуница!
Во свежем, в зеленом, в лесу молодом
Березкой душистою пахнет —
И сердце во мне, лишь подумаю о том,
С тоски изнывает и чахнет!*

(А. К. Толстой. "Садко"^[2])

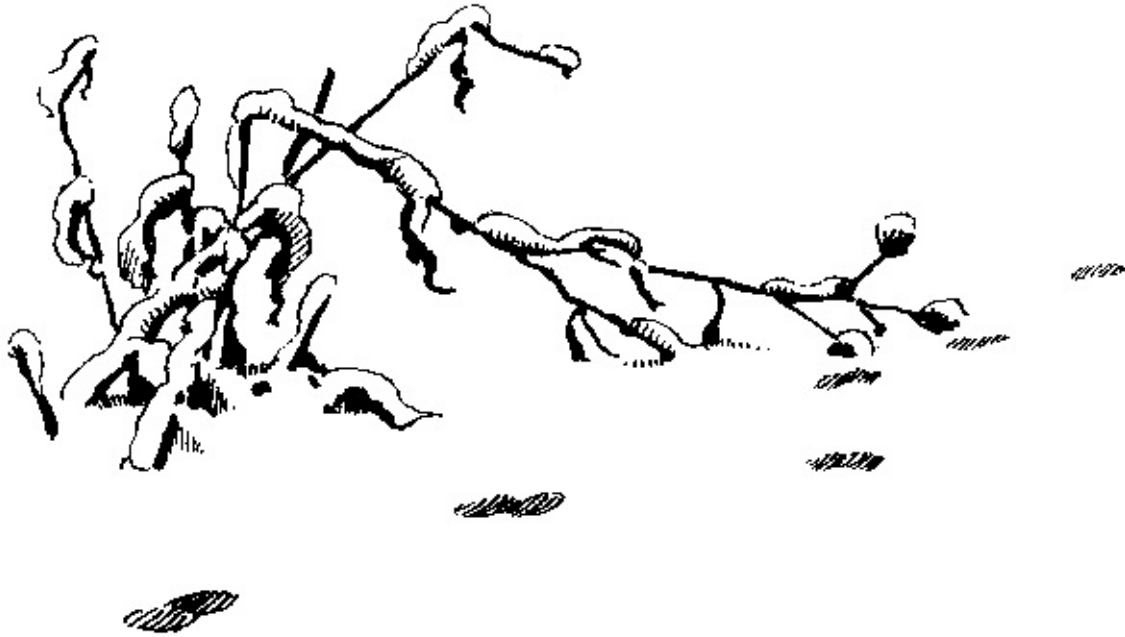
I. Случайная встреча. Почему Севку звали Пичужкиным

Горноста́й был виновником их первой встречи, а их дружба зародилась в орешнике сизым зимним вечером.

Это было два года тому назад. Над густым чернолесьем спускались сумерки и сороки уже прилетели на ночевку, когда Гриша натолкнулся на свежий след какого - то зверька. Двойные отпечатки лапок чередовались с длинными прыжками, и тонка ленточка следа, обегая кусты ивняка, скрывалась в орешник. Гриша опустил на колени, вынул записную книжку и только набросал контуры следа, как из - за кустов послышались шорох и легкий хруст ветки. Мгновенье спустя, с шипением снега, рассекаемого быстро бегущими лыжами, скатился в ложину высокий, худощавый мальчик с ружьем за плечами. Он был несколько старше Гриши и казался не менее удивленным, чем застигнутый врасплох и медленно поднимавшийся с колен художник. "Вам понравились следы горноста́я?" — спросил незнакомец, чтобы как -нибудь нарушить неловкое молчание. "Да я так... просто..." — сконфуженно пробормотал Гриша, словно пойманный на дурном поступке, и добавил еще более робко: "А разве это горноста́й?" Без тени поучения в голосе незнакомец описал отличительные признаки следа маленького хищника. Оказалось, что зверек, опутавший извилистой цепочкой пушистые снега лощины, был самчик (прыжки самки всегда короче и отпечатки лап меньше). Ребята разговорились и продолжали оживленно беседовать, быстро приближаясь к городу, один на хороших полулесных лыжах, другой на расколотых и заплатанных деревяшках.

Веселые черные глаза незнакомца, его зарумянившееся от ветра лицо, оленья шапка и плечи, усыпанные смерзшимся снегом, заплатки на серой куртке и ружье, казавшееся Грише верхом совершенства, — все - все располагало к себе сердце мальчика. Всеволода Бурцева в первой губернской гимназии знали больше под кличкой Севки Пичужкина. Из года в год его неутомимые попытки изображать овсянок, дятлов и синиц оставляли бесчисленные следы на тетрадах для алгебры и французского, даже на обложках учебников. На уроке латинского никто не произносил с таким чувством, как Севка, всем известную фразу учебника "Аквиле альтэ волянт" ("Орлы летают высоко"). В мечтах он и сам уносился в

подоблачные выси и парил вместе с птицами где - то высоко над кафедрой, за которой сидел суровый зычноголосый латинист Агафантел Васильевич^[3]".

Следы горностая

Смелые рисунки в Гришиной записной книжке сразу привлекли внимание Севки. Оба угадывали друг в друге собрата по страстному влечению к природе, по любви к живому, по упорному стремлению все увидеть своими глазами. Они удивлялись, что, живя в одном городе, не могли встретиться до сих пор. Гриша, как оказалось, учится во второй гимназии, которую гимназисты из первой считали лагерем заклятых врагов. При встречах полагалось давать им почувствовать это самым осязательным образом. Но здесь, на снежном ночном поле, было бы просто смешно вставать в позу дерущихся молодых петухов. Лыжи их шли рядом, тихо поскрипывали; мороз заметно крепчал. Мальчики на ходу перебрасывались короткими фразами. Не странно ли — оба они "страшно не любят математики..." оба ведут дневники наблюдений, оба заправские рыболовы, оба зачитываются рассказами Э. Сетона - Томпсона^[4] и В. Лонга.

Мало - помалу следы неловкости, все еще мешавшей им сблизиться, растаяли, словно иней утренняя после восхода солнца. Пять километров, отделявшие их от города, промелькнули совсем незаметно. Расставаясь на перекрестке улиц, они обменялись крепким рукопожатием и решили встречаться как можно чаще.

Две зимы и лето прошли с тех пор. У Гриши теперь было свое собственное ружье — длинная двухствольная шомполовка, а у одних знакомых он достал полевой бинокль, очень облегчавший наблюдения. Вместе с Севкой они совершили много прогулок в окрестностях города, но мелкие вырубленные крестьянские леса своим истерзанным, печальным видом все чаще и чаще заставляли друзей мечтать о глухих, заманчивых дебрях заволжских ельников, о журчащих пенистых речках, о птицах, знакомых только из книг, о всем том, что было и близко и так труднодоступно.

Целые часы проводили они в мечтах о походе. "Два неразлучных друга: Пичужкин и его... подруга" — острили гимназисты, ударением на последнем слове подчеркивая женственную мягкость в характере Гриши, и гоготали дикими голосами, что считалось признаком "хорошего гимназического тона".

II. Весенняя вылазка и планы похода

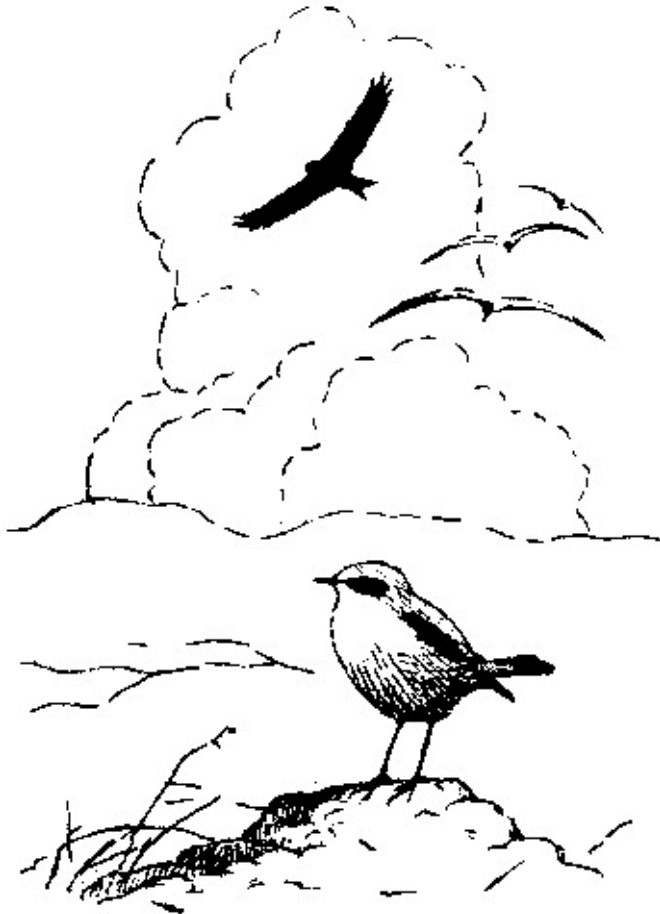
Тихо скрипнула дверь. Кто - то осторожно поднимался на второй этаж, стараясь остаться незамеченным. Но одна из галош так громко чмокала на каждом шагу и оставляла на лестнице такие заметные следы, что пришлось ее снять и нести в руке. Гриша — это был он — нерешительно постучался и, съездившись, скользнул в прихожую. По счастью, дверь отпирала сестра, и, прежде чем успела появиться мать, пострадавшие галоши уже были запрятаны в темный угол, но гимназическая шинель предстала ее глазам в том самом виде, в каком она неизменно прибывала с каждой весенней загородной прогулки мальчика. Большой шлепок мокрой глины в форме пятерни с растопыренными пальцами украшал ее левую полу. Он служил центром для бесчисленных мелких звездочек грязи — наглядных следов пяти - шести добрых прыжков через весенние ручьи. Зачерпнувша грязи галоша и забрызганная шинель вместе с традиционным и давно знакомым выговором матери (Гриша даже наперед знал, что она скажет) были единственными облачками, омрачавшими лазурные удачи сегодняшней прогулки.

Четвертого урока не было, а от пятого мальчик ускользнул, спрятав книги за пазуху. Шмыгнул мимо надзирателя, вихрем вылетел через гимназический двор, как у них всегда водилось, и, опоздав к обеду, провел четыре упоительно - радостных солнечных часа на первых проталинах на берегу Волги. Он видел, как летевшие на громадной высоте чайки с криками вынырнули из прозрачной ласковой сини неба и начали спускаться к реке, к большим полыньям у пригородной слободки. Заметил первого коршуна, кружившего над садами, белую трясогузку, каменку, гревшуюся на солнце. В овраге обнаружили только что распустившиеся цветочки мать - и - мачехи, маленькие, приземистые, но такие нежные, с тонким запахом, невнятно шептавшим, что близится, близится счастливая пора... Сейчас он бережно вытащил из кармана походный альбомчик и, наскоро пообедав, спешил занести в дневник наблюдения этой прогулки.

С минуты на минуту должен был появиться несчастный Севка, писавший сегодня классную работу по алгебре. Ее успех решал судьбу задуманного друзьями похода на глухариные тока. Уже неделю тому назад Гриша начал даже вести "дипломатические" переговоры с целью получить разрешение отца уйти охотиться на несколько дней и добился успеха. Дома

никто не был осведомлен о действительных опасностях этого предприятия. В свою очередь Севка от своего отца, старого охотника, и от некоторых знакомых получил ряд сведений, которые могли быть полезны друзьям в изучении весенней жизни леса. У Гриши все уже было готово к походу, у Севки оставалась лишь алгебра — с ней надо было "разделаться", чтобы беззаботно провести весенние каникулы.

Легко себе представить то нетерпение, с каким Гриша ожидал появления друга. "Ну, что?" — было первым его вопросом. "Решил!" -- приплясывая, отвечал Севка; торжествующее "ура" двух голосов покрыло короткое, так много обещавшее слово. Заговорщики засели в маленькой комнатке, где заботливо вычищенное ружье висело над столиком. Растянутая шкура барсука, загрызенного собаками и найденного Гришей близ окраины города, была здесь самой большой драгоценностью из числа блиставших в простенке между окнами. Друзья несколько раз подсчитали количество сухарей, хлеба, масла и пшена, необходимых для жизни в лесу. Они хотели, чтобы вес продовольствия ни в коем случае не превысил десяти килограммов на каждого. Мешки предстояло нести на своих плечах, а найти попутчика с лошастью в весеннюю распутицу не было никакой

надежды. Вместе с ружьями, зарядами, зимней одеждой, которую необходимо было взять, по словам отца Севки, котелками и другим скарбом нагрузка каждого должна была получиться довольно большой. Гриша, напившийся сегодня теплом и запахами проталин, был так уверен в весне, что горячо противился необходимости взять рукавицы и меховые шапки, но Севка настоял на выполнении совета отца. Друзьям не пришлось раскатыться в том, что они последовали указанию опытного охотника.

"Охотничий календарь" Сабанеева^[5] послужил друзьям в этот вечер предметом долгого и внимательного изучения. Мальчики несколько раз прочли все главы, касающиеся весенних охот, а многие места из статьи о глухариных токах выписали и заучили наизусть.

Вот главные сведения, почерпнутые ими из книги. "Глухари начинают токовать в конце марта, когда в лесу еще много снега, а кончают в последних числах мая, когда лес оденется первой листвой. Весенняя охота основана на том, что токующий глухарь, дела последнюю трель своей песни, очень плохо слышит и видит. В этот момент даже выстрел, не повредивший птицу, не может ее спугнуть. В промежутках между песнями и в начале щелканья необходимо соблюдать тишину и неподвижность — глухарь чутко вслушивается и долго оглядывается, прежде чем "распеться". День птицы проводят поблизости от тока, перед закатом летят к токовищу и ночью сидят на тех деревьях, где утром начинают петь. В половине апреля ток начинается около половины третьего ночи. Некоторые глухари хорошо, но недолго поют и на вечерней заре. Садясь на дерево, глухарь коротко и сильно хлопает крыльями. В тихий вечер, наблюдая за перелетами глухарей, выслушивая шум их посадки, удается точно определить место тока и количество слетевшихся петухов. Из года в год тока происходят на одних и тех же местах, чаще всего по окраинам моховых болот с редкими сосенками или на самом болоте. Часть глухарок не ночует на току, а прилетает утром, по их полету тоже можно разыскать токовище".

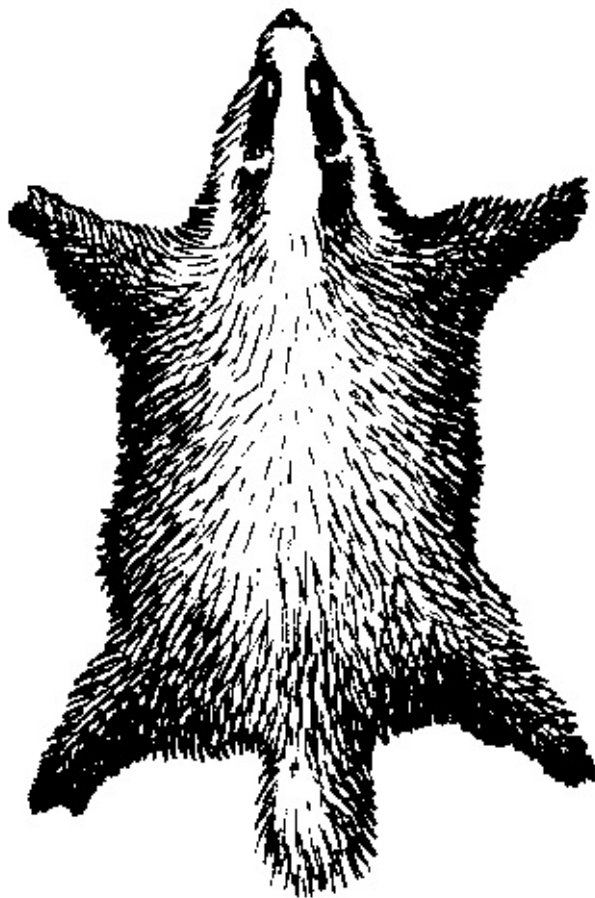
То, что скупо, без живых ярких красок, было описано в книге, дополняли рассказы Севкиного отца. Плохое здоровье, годы канцелярской службы давно лишили его возможности охотиться. Он ничего не мог сказать ребятам о ближайших к городу местах, где можно найти хорошие тока, но сразу оживлялся, вспоминая свои охоты в старину. "Верст двадцать за Волгу уйдете, там в деревнях разузнаете, — говорил он. — Да тетерева и сами себя покажут. Бывало, на зорьке в Красном Яру на крыльцо только выйдешь, а кругом по опушкам все так и кипит, так и клокочет! Столько поет поляшей, что не пересчитаешь! Бормочут, чуфыскают — далеко их в тихую погоду слышно! Глухарей искать потруднее... Редкая стала эта

птица; тока все по самым глухим местам. Да и поет петух тихо, слышно его шагов за двести, редко больше. Зато лучше охоты в наших местах, пожалуй, что и нет! Глухарь — петух красивый, огромный. По сучку пройдет, хвост веером развернет, шею вытянет, голову кверху запрокинет, пощелкает - пощелкает и заскиркает - заскрипит. На этом колене — как косу точит; тут к нему и подскакивать! А в лесу еще ночь — темнота, еле - еле зорька на востоке просвечивает. Под ногой ветка треснет или наст захрустит — так жаром тебя и обдаст: тихо надо подскакивать, без шума... Глухари не все сразу поют; бывает на ток пять - шесть штук слетится, а сидят молча; слышишь песню только одного. Таких "молчунов" легко подшуметь, тогда все дело испортишь. Ночью в лесу глаза беречь надо: сгоряча в темноте на сухие еловые лапы напороться недолго, - без глаз тогда останешься. И места надо хорошо примечать - направление помнить: в теми до рассвета так бывало закрутишься, что не знаешь, где право, где лево, куда выходить. Кругом болота, ломь непролазная...

Заманчиво звучали рассказы охотника о диких криках филинов в ночном лесу, о шумных схватках глухарей на земле, когда слетят они после восхода солнца, закончив игры и песни на деревьях.

III. В заволжские леса! Переход до первого ночлега

Прошло пять дней со времени "совещания" как громко называли мальчики свою вечернюю беседу. Волга вскрылась, полая вода прибывала на глазах, захватывая все большие и большие участки лугов. С высокой набережной оба друга готовы были часами смотреть на спокойную сверкающую гладь реки, на большие массы льда, медленно уходившие вниз по течению, на черные лодочки, бесстрашно сновавшие от одного берега к другому. Там, за рекой, беспредельные заволжские леса сливались с голубой трепещущей далью, туда — на вольный воздух неудержимо влечет ребят любовь к приключениям. Манило также странное чувство, каждую весну рождавшееся где - то в глубине души и сладко щемившее сердце. Вырваться из опостылевшего города, бросить все и идти! Кочевать неудержимо, как кочуют вот эти перелетные гуси, недосягаемой, еле видной вереницей уплывшие через реку к далеким озерам своей туманной родины. В ушах мальчиков звучит, не умолкая, чудесный зов гортанных, диких криков.

Приближался долгожданный час выступления в путь, и ровно в полдень на второй день праздников два пешехода, с ружьями и большими плотно набитыми мешками за спиной, спустились к перевозу на берегу Волги. Паром еще не работал, ожидая конца ледохода; на переправе действовали только лодочники. Одна лодка была почти полна пассажирами и собиралась отплыть. Мальчики быстро заняли свободные места. Рулевой встал, поплевал на руки и, навалившись на кормовое весло, оттолкнулся от берега. Гребцы дружно взмахнули веслами, нежно зажурчала вода, рассекаемая острым носом. Лодка, подхваченная течением, понеслась к далекому селу, лавируя среди множества изъеденных водою льдин, пригнанных течением к правому берегу. Мерно колыхаясь, сталкиваясь, звеня и шурша, они вереницами плыли туда, где суждено им растаять. Порою целые ледяные поля с отрезками зимних дорог, с ветками и еловыми лапами, еще недавно отмечавшими занесенный снегом путь, медленно проходили мимо лодки. Чайки с резкими криками вились над водой, вороны плыли по течению прихорашиваясь или важно расхаживая на льдинах бодрый говор и шум парили над рекой; веяло простором, пахло ветром, водой и смолой от костров, близ которых чинили лодки.

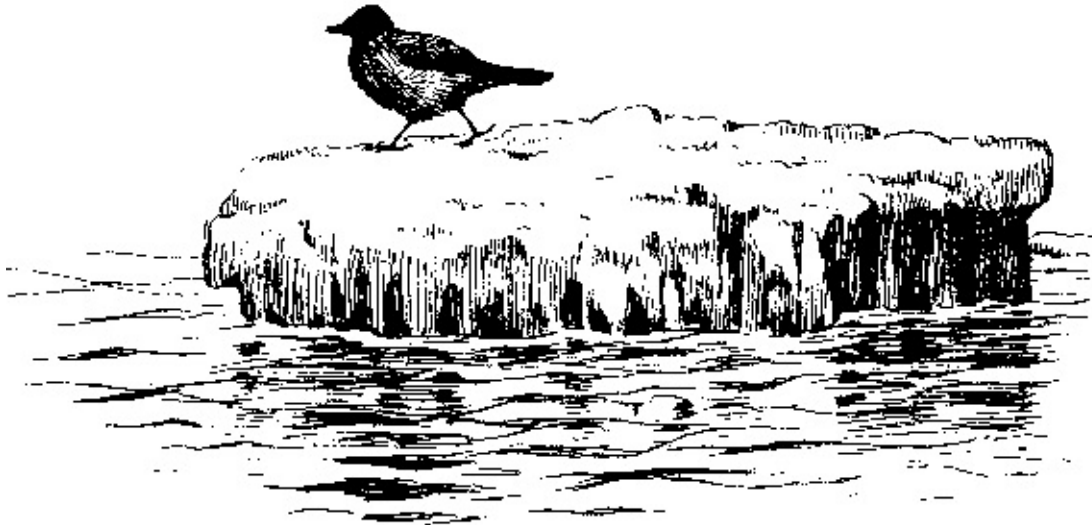

Речные чайки

Весла упруго гнулись при каждом взмахе, пузыри и пена струей бежали из - под кормы, берег быстро приближался, течение ослабевало. "Суши весла!" — скомандовал рулевой. Послышался легкий толчок - лодка остановилась, мальчики первыми выскочили на песок.

На радостях почти рысью пробежали они полосу лугов от берега до большого села, где на время приняли более степенный вид и пошли медленнее. Застенчивый Гриша, мало знакомый с деревенскими нравами, всегда чувствовал сильное смущение, когда дорога приводила его на улицу поселка. Иной раз он готов был сделать лишние два - три километра по грязной пашне или болоту, лишь бы стороной обойти деревню, не встречать незнакомых, но разговорчивых людей, не отвечать на их вопросы. И в то же время часто убеждался, что его нелюдимость - плохой спутник в дальних походах. С завистью наблюдал он за Севкой, легко сводившим

дорожные знакомства, бросавшим ответные стрелы шуток в задиристых деревенских ребят, каким - то особым чутьем находившим радушных "дяденек" и "тетенок" в каждой встречной деревне.

Колокольный залихватский звон плыл над улицами этого села. Группы празднично одетых ребят играли в бабки и лапту, гонялись взапуски по просохшим проулкам. Большая толпа стояла на площади около качелей. Двое наших путников, с их ружьями и мешками, привлекали общее внимание. Задорные выкрики, прибаутки летели им вдогонку. Особенно доставалось Севке, высокую тощую фигуру которого огромные отцовские сапоги делали довольно смешной. Оба облегченно вздохнули, когда людные улицы остались позади, а пенье хороводов и скрип праздничных качелей сменились голосами десятков жаворонков, игравших над зеленым бархатом озимей. Город, окутанный дымом, исчез за рекой вместе с гимназиями, латынью, двойками и тройками... Чувство полной свободы, близость природы, разбуженной солнцем, смеющейся, звенящей песнями, дышащей ароматами проталин, разом заворожили, опьянили путников. С большим трудом они взяли себя в руки и торопливый шаг заменили мерной походкой, рассчитанной на много километров пути.

"Как хорошо - то, как хорошо!" — несколько раз повторил Севка, вдыхая глубоко всей грудью свежий, влажный воздух. Гриша троекратно крикнул "ура" высоко подкинув шапку в воздух. Он тоже был полон ощущением внезапного прилива сил, живительной бодрости, проникшей в каждую клеточку тела. В эти минуты даже тяжесть мешка и ружья, всего крепко прилаженного снаряжения казалась по - своему приятной; они неизбежно и прочно сливались с радостями дальнего охотничьего набега.

Южный ветер слабыми порывами налетал сзади, ласково касался шеи и рук. Вместе с ветром легкими порывами, теплыми волнами, то замирая, то усиливаясь, отовсюду доносились песни жаворонков. Казалось, сами светлые редкие облачка рассыпают этот прозрачный, переливчатый дождь. Тонкой серебристой дымкой колыхается он над полями, вместе с солнечным светом льется на вязкие пашни, пары, узкую, змеистую ленту дороги. Замолкнет один, упадет камушком в смятую желтую жнивую почву почти к самым Севкиным "сапогам скороходам" а на смену поднимаются новые два или три, с песнями еще более звонкими. Легкие трепещущие крылья просвечивают на солнце, блестят, как прозрачная слюда.

"В небе льются света волны... Вешних жаворонков пеня голубые бездны полны...^[6]" — вдруг припомнилось Грише. "...Голубые бездны полны..." Как хорошо сказано! Он задумался, силясь восстановить в памяти начало стихотворения и ускользнувшее имя автора.

Извилистая, очень грязная дорога шла вначале полями, затем опускалась к кустарникам и болотам, чтобы вскоре подняться в старый бор, за которым лежала первая деревня. Севке осенью не раз приходилось бывать в этих местах; он взялся быть проводником. Друзья довольно быстро пересекли пашни и жнивы, но уже в кустарниках, где клубился теплый, душистый пар, были вынуждены то и дело останавливаться. Почти на каждом шагу встречалось что-нибудь интересное. Два крупных хищника, неподвижно распластав крылья, большими плавными кругами вились над болотистой низиной. По темной окраске, по мощным тупым крыльям и короткому хвосту Севка определил, что это большие подорлики. Птицы широкими кругами поднимались ввысь и растаяли в прозрачной сини неба, ни разу не взмахнув крыльями. Гриша так напряженно рассматривал орлов в бинокль, что на глазах у него показались слезы... Толстая медлительная жаба с буровой спиной, неровной, как сморщенная сушеная груша, сидела у дороги и грелась на солнце, вопреки своим летним обычаям. Множество ящериц шуршало в листве едва просохшего кустарника; некоторые из них грелись на припеке, плотно прижавшись к теплой, шероховатой поверхности пней.

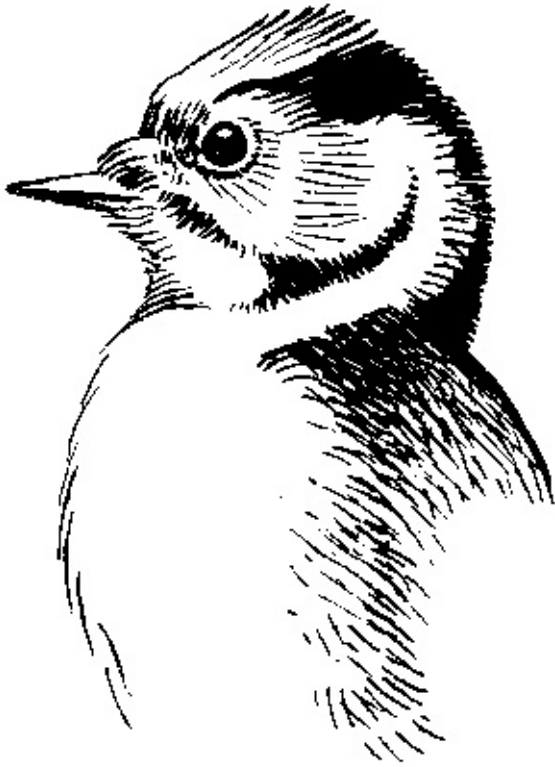
Свиристель

Чечетка

Десятки травяных лягушек вяло шевелились и урчали по - весеннему в мутных лужах на дороге. Местами их круглые головы были рассыпаны по воде, как множество крупных черных пуговиц. Звук шагов заставлял лягушек прятаться в воду, но уже через минуту своеобразный рокот хора начинался снова. Птицы щебетали и перекликались в кустарнике. Его оголенные ветви не скрывали пернатых от острого взгляда мальчиков, то и дело отбиравших друг у друга бинокль, чтобы полюбоваться то одной, то другой пичужкой. Стайка красивых хохлатых свиристелей надолго приковала внимание друзей. Пушистые, розовато - серые, доверчивые птички подпустили к себе на несколько шагов. На родине свиристелей, в тайге севера, люди так малочисленны и так мало вредят мелким птицам, что последние не считают человека за врага. Поэтому поразительной доверчивостью отличаются прилетающие к нам с севера щуры, чечетки, кедровки и другие. Свиристели только что до отвала наелись синих ягод можжевельника и теперь отдыхали и нежились на солнце, живописно рассыпавшись по ветвям. Дружная стайка чечеток украсила поникшие ветви березы и осыпала на землю, развеяла мелких крылатых семечек гораздо больше, чем сумела поесть.

И свиристели и чечетки готовились к отлету из поволжских лесов, где они проводили зиму, а взамен прибывали с далеких южных зимовок птицы "летующие"^[7] те, которые проводят у нас только теплое время года. К этой группе принадлежали подорлики, зяблики, зарянки, певчие дрозды и многие другие из шумного общества, копошившегося по проталинам.

Малый пестрый дятел

Весна этого года была ранняя, и друзья удивлялись, что четвертого апреля нашли в лесу такое оживление. Но все изменилось, едва дорога вошла под сень высокоствольного молчаливого бора. В тени зеленых шатров елей и сосен сырой зернистый снег еще лежал сплошной пеленой. Лишь кое - где около пней и на холмах появились небольшие проталины. Сочные изумрудные, пурпурные, малахитовые, краски мшистого ковра, как первый робкий намек на весну, ярко горели в освещенных местах. Их красиво оттеняли белые пятна и узоры синих теней снега. Здесь было сыро и холодно. На опушке смолистые почки березы начали набухать, и по краям болота зацвела пушица, своими колосками нередко пробивая тонкий слой снега. А растительность бора еще спала крепким зимним сном. Даже птиц было мало: издали слышался стук дятла, да гаички на разные тона тянули свое "тю - тю - тю - тю - тю - тю".. Зато во многих местах виднелись следы

белок и целые кучи чешуек и сора от разгрызенных еловых шишек.

Следы белки

Гриша питал какое - то особенное чувство к узорным следам и следочкам мелких зверьков и сейчас, лишь только натолкнулся на хороший отпечаток четырех лап резвой белки, как принялся за рисование, хотя следы белки были ему давным - давно знакомы^[8].

Окончив рисунок и спрятав альбомчик в карман, Гриша вдруг заметил серую тень, мелькнувшую у ствола дерева. Проваливаясь в снегу, он подбежал к сосне. Белка бросила недогрызенную шишку, в которой оставалось еще много семян, и, недовольно цокая, уселась на короткой ветке. Мальчик смотрел на нее, задрал голову.

Белка покачивала большим красным хвостом и, наклонившись, разглядывала своего наблюдателя, продолжая урчать и цокать. Затем она перебралась на ствол и... начала спускаться прямо к мальчику, держась вниз головой, делая короткие прыжки, сопровождаемые таким странным завыванием, которого изумленный наблюдатель никак не ожидал услышать от этого, казалось бы, хорошо ему знакомого зверька. "Иди, иди!" — говорил Гриша, протягивая руку и стараясь чмокать по - беличьи. Шустрый черноглазый зверек продолжал приближаться, роняя кусочки коры, но прыжки его делались все нерешительнее, все короче, и вдруг, повернувшись, он стрелой взлетел вверх. "Цок - цок, чук - чук" — взволнованно повторяла белка, распушив кисточки на ушах и порывисто встряхивая рыжим хвостом вслед за каждым звуком... Нерешительно повертелась на ветке... и снова стала спускаться. На этот раз забавная зверушка остановилась всего в одном метре над головой мальчика и еще быстрее с воем взлетела на свою ветку. Так повторилось четыре раза. Гриша не знал — играет с ним белка или хочет спуститься на землю. Он был готов развлекаться с ней целый час. Но тут некстати появился Севка и неожиданным шумом напугал зверька. Белка скрылась в вершине, а

мгновенье спустя друзья увидели, как на высоте тридцати метров над землей, вытянувшись и распластавшись, она перелетела на соседнюю ель. Тонка гибкая еловая лапа качнулась, едва не сбросив зверька на землю, но цепка белка удержалась, перебежала к стволу, поднялась еще выше, перепрыгнула на другое дерево, на третье и быстро исчезла в вершинах. Весь путь ее шел "верхом" или "грядой" как говорят охотники - белковшики. Спускаться на землю ей, видимо, не было никакой нужды, и все то, что произошло перед этим, приходилось считать игрой.

Трудная дорога, то грязная и топкая, то залитая водой, то покрытая снегом, проваливающимся на каждом шагу, и большой груз на плечах начали утомлять наших путников. Они дошли до места, где лес по сторонам дороги стал более мелким, а проталины обширными, и не могли устоять против искушения отдохнуть. Гриша переобувался, Севка укорачивал лямки мешка, когда с дороги послышались звуки деревенской песни и с мальчиками поравнялась молодая женщина в ярком и пестром праздничном платье. За плечами на палке висели ее новенькие ботинки, узелок и полушубок. Она шла босиком, что всего более поразило друзей, и беззаботно распевала, видимо, направляясь гостить в соседнюю деревню. "Здравствуйте, молодчики!" — приветливо произнесла она, остановившись около взмокших и раскрасневшихся ребят. "Больно скоро вы разомлели... Видать — не городское дело котомочки носить?" Друзьям и без того досаждало отсутствие привычки носить груз, а от неожиданной, правда, добродушной насмешки "пестрой бабы" как сейчас же окрестил ее Севка (гимназисты — любители давать прозвища), им стало немного не по себе. "Далеко ли путь держите?" — спросила незнакомка, внимательно их осмотрев. Севка охотно признался, что идут тока глухариные искать, охотиться^[9], да не знают толком, где будет вернее. "Нам, главное, леса найти безлюдные, большие, а птица сама себя покажет". Тут он невольно повторил слова отца.

Женщина, видимо, хорошо знала эту округу. Махнув рукой вперед, она заговорила немного нараспев и сильно "окая" как все заволжские. "Дорожка вам, робятки, — одна! Версты три прямо, а как мосток перейдете — направо. Тут зимняя коротка дорога пошла в Митино и Рожновку. В Заборье придете — переночуете. А за Заборьем — самые, что ни на есть громадные леса пойдут. Такие бора, такие бора, что и с топором не бывано!.." Она немного приостановилась, видимо, сама любуясь своей складной речью. "Мы в те дальние бора по грибы, по клюкву, бруснику каждую осень ездим. Кадки, пестерья на возах с собой везем. Иной год этих поляшей да тетерь много спугиваем. Табун - от взлетит — шум такой

— даже страшно делается. А в Заборье свояк наш жительство имеет — Архипов Ефим — на дальнем конце второй дом от краю. К ним ночевать заходите; люди они хорошие, до гостей приветливые. Поклон передавайте — Марья, мол, кланяется — встретила нам по дороге... С ночлегу - то чуть свет выходите, пораньше. С ношей по холодку идти привольнее, не как днем, в жару. Из Заборья пойдете — речка встретится, за рекой смотрите кордон: на кордоне лесник есть — он токовища знает..." И уже на ходу, обернувшись, повторила еще раз: "Поклон - от не забудьте... Марья, мол, домой, к старикам гостить пошла..." Крепкие ее босые ноги быстро замелькали по дорожке.

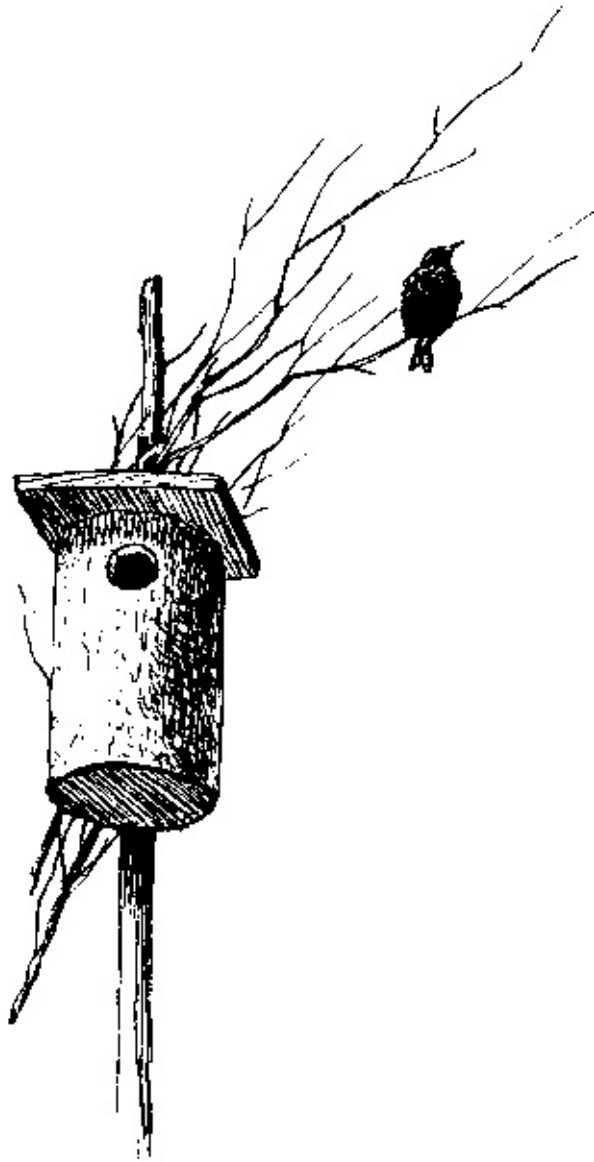
"Такие бора, такие бора, что и с топором не бывано, — мечтательно повторил Гриша. — И говорит как - то особенно, по - старинному".

"А ты как думал! Тут за Волгой весь народ лесной особенный... Хорошо, что тетка такая разговорчивая попалась — похоже, места она знает. В Заборье еще поразведем, а завтра тетких поляшей и тетерь пугать будем..."

Отдохнувшие и окрыленные надеждой друзья продолжали путь, не переставая посматривать на отпечатки босых ног, видневшиеся на песке дороги и местами пересекавшие снег. Через час путники проходили Митино, где их долго преследовала гурьба ребятишек, побросавших бабки и на все лады кричавших "охоотниички... охоооотниички...". Еще через час пересекли грязные улицы Рожновки, где на Гришу кинулись собаки, а один из парней, сидевших на завалинке, крикнул вдогонку путникам: "Эй, ты, длинноногий журавель, лутошки свои не поломай!" Это явно относилось к Севке, но тот смолчал. Не стоило задерживаться для словесного турнира — день близился к концу, надо было торопиться — до ночлега оставался еще не один километр. Только на закате за сквозистыми ольховыми перелесками и большими плакучими березами показались, наконец, ветхие крыши Заборья.

Вечер был тихий с хрустально - ясным воздухом. Звонкие песни девушек неслись с дальнего конца деревни. Скворцы сидели около скворечников и, размахивая крылышками, наперебой спешили с песнями, в которых все красивые колена и трели были заимствованными. Собственные колена скворца — трещащие, малозвучные — совсем не могут сравниться с подслушанными птицей и умело заученными голосами.

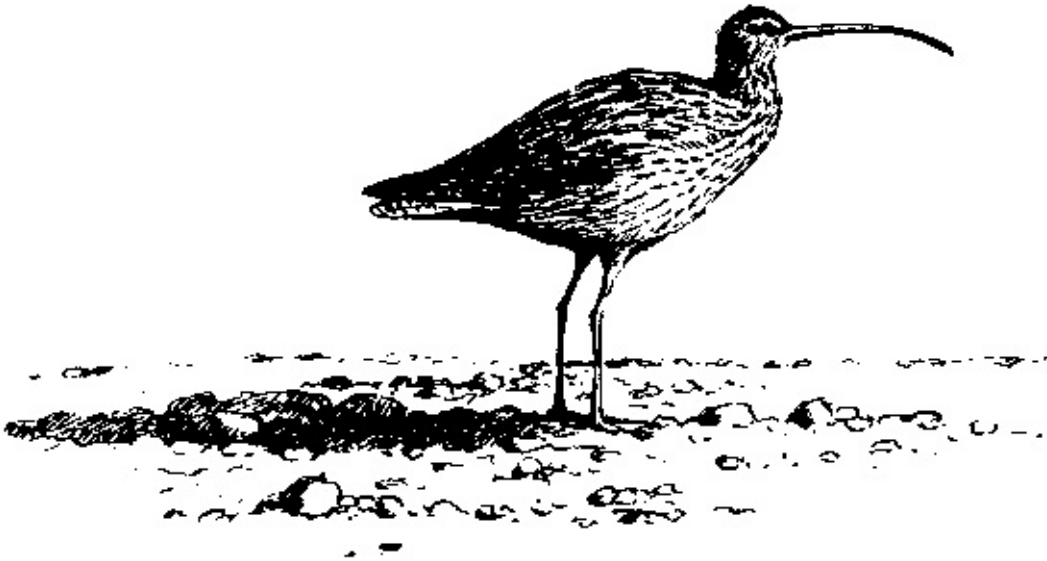
Мальчики без труда разыскали избу Архиповых, и не прошло четверти часа, как оба, умытые и обновленные, сидели за столом. Парное молоко со свежим хлебом показалось им изысканным угощением, а постель в углу на широкой скамье доставила невыразимое блаженство. Оба заснули задолго до того, как начали стихать песни за стенами приютившего их дома. Двадцать два километра лесов, чередующихся с полями, легли между мальчиками и их родным городом.

IV. Лесная сторона. Деревни остались позади

"Надо будить робят - то... Сказывали, чтобы пораньше..." — смутно, сквозь сон, слышалось Грише. Очертания избы еще терялись в предрассветных сумерках. В печи весело потрескивали дрова, а передвигаемые хозяйкой чугуны начали греметь уже с полчаса тому назад. Вставать не хотелось... Утомленные трудами предшествующего дня ноги и руки ныли после ночного отдыха. Сладко потягиваясь, Гриша неохотно поднялся. Севка спал, согнувшись калачиком, дела неудачные попытки спрятать длинные ноги под слишком короткую куртку. Разбуженный Гришей, он быстро вскочил и принялся за умывание, со смехом рассказывая, как всю ночь ему снились и мешали спать глухари. Через пять минут друзья уже сидели за самоваром. Севка расспрашивал хозяина о дороге, а Гриша записал в свою книжку: "5 апреля. Ночевали у Архиповых (второй дом от околицы). Люди хорошие. В избе много тараканов. Вышли из деревни в пятом часу утра по хозяйским часам". Мешки и ружья заняли свои места за плечами, пояса плотно подтянули патронташи и, прощаясь с хозяйкой, которая никак не хотела брать платы за ночлег, мальчики сошли по скрипящему крыльцу. Улица была пуста, деревня еще не пробудилась, хотя дым вился из многих труб. Кое - где хрипло кричали петухи. За ночь подморозило — лужи покрылись тонким хрустящим ледком. Яркая заря разгоралась на востоке. Свежий, бодрящий воздух быстро прогнал остатки дремоты. Когда же за бурой полосой ржаного поля ребята увидели синюю гряду лесов, где ждал их целый рой сменяющихся впечатлений, весеннее утро наполнило их радостным трепетом и бурный восторг снова овладел ими. Хотелось петь, смеяться, не идти, а бежать, и ноша, так утомлявшая их вчера вечером, казалась теперь легкой, как перышко. Друзья, словно на крыльях, летели вперед и быстро приближались к опушке леса.

Большой кроншнеп, поднявшись с вязкой пашни, хриплым криком возвестил болоту о приближении людей и на несколько минут задержал юных натуралистов. Мальчики смотрели, как птица, взлетев на некоторую высоту, стала наклонно опускаться, почти не взмахивая крыльями. В то же время она издавала зычный флейтовый свист, сначала отрывисто и протяжно, затем все учащая и учащая следовавшие один за другим звуки.

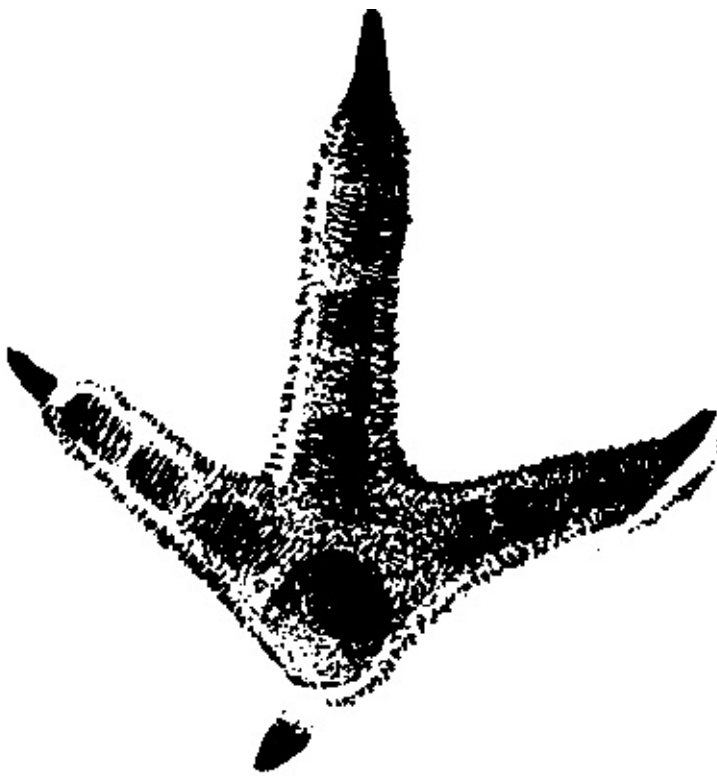
Это был токовый полет крупного осторожного кулика, с которым друзья уже раньше имели неоднократные встречи. Оба хорошо помнили, как трудно подползать к кроншнепу, остановившемуся для отдыха во время осеннего пролета на плоских песчаных косах Волги. А здесь птица была у себя дома; они видели, что кроншнеп опустился к своей подруге, такой же крапчато - серой с длинным кривым клювом, бегавшей по недавно оттаявшей озими. Обширное моховое болото, кое - где поросшее ивняком и березкой, было покрыто водой, поэтому кроншнепы, которые на нем гнездились, еще скитались по окрестным полям. На пашне у дороги во многих местах виднелись следы этих куликов. Ребята поспешили зарисовать отпечатки лап и теперь могли поручиться, что всегда сумеют их отличить.

Кроншнеп

Вскоре зеленые ветви елей сомкнулись над путниками. В лесу было даже холоднее, чем в поле: всюду лежал снег, а оттаявшие за день проталины ночью снова замерзли. Тем не менее лес был полон жизни и ее голоса заставляли друзей часто останавливаться, чутко прислушиваясь. Солнце уже поднималось, горячими бликами зажигая вершины одиноких крупных сосен. Дрозды - дерябы, рябинники и белобровики, совсем недавно прилетевшие с юга, сидели на макушках деревьев и, топорща перышки, скорее декламировали, чем пели, свои флейтовые импровизации. Самцы - зяблики заняли каждый свой уголок леса и теперь гремели звонкими трелями навстречу восходящему солнцу. Один из них — чистенький, стройный с широкими белыми перевязочками на крыльях —

распевал, прыгая по дороге, разыскивал корм и не хотел слетать при появлении мальчиков. Когда его все - таки спугнули, то на вспорхнувшую птичку, опустившуюся шагах в десяти от дороги, кинулся другой зяблик, владелец этого уголка ельника. Зяблик - хозяин и зяблик - нарушитель границ участка затеяли такую драку, что свернулись в пушистый комочек с двум растопыренными хвостами и четырьмя крыльшками. В таком виде они с писком свалились на землю с ветки, где произошла первая стычка. "Что, попало!.." — смеялся Гриша, глядя, как пощипанный зяблик виновато поспешил вернуться к своему участку. Его провожала задорная песня победителя, изгнавшего пришельца оттуда, где он сам был намерен гнездиться и куда поджидал самочку (самцы - зяблики прилетают несколькими днями раньше самок).

След кроншнепа

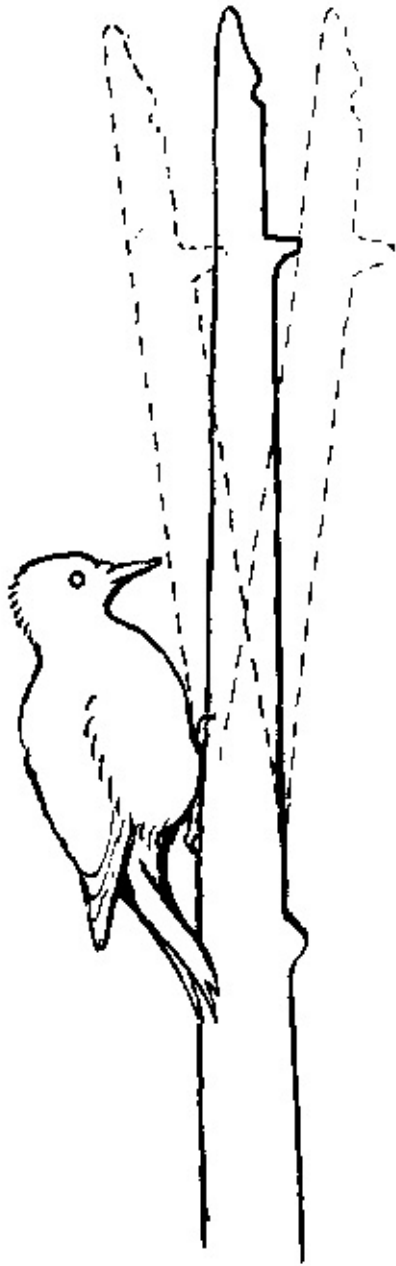
Дятел барабанит

В пение пернатого хора вплетались шорохи, пiski, призывные крики, по которым друзья узнавали своих старых знакомых, еще не встречавшихся им этой весной. Они расслышали нежные голоса первых, только что прилетевших пеночек - теньковок, голоса лесных коньков, завирушек, таившихся в хворосте, и других птиц, встречавшихся вчера.

Постепенно ельник сменился редким, сухим, горелым сосняком, на много километров тянувшимся поперек дороги. От пожара, бушевавшего в жаркое, сухое время, кора деревьев обуглилась, а высохшая хвоя

осыпалась. Зеленый сосняк превратился в печальный лес из черных древесных скелетов. Бесчисленное множество жуков и личинок, питающихся лубом и древесиной больных деревьев, поселилось в увядших соснах. Потом дятлы слетелись за десятки километров к этому лесу и пировали целую зиму! Следы их работы — большие кучи щепок — виднелись под каждым деревом, а пятна обнаженной древесины, светлевшей из-под кусков кое-где оставшейся коры, напоминали желтизну мертвого тела, проглядывающего через темные лохмотья. Желудки дятлов всегда были полны белыми жирными личинками.

В это безветренное солнечное утро, когда все пело и радовалось весне, дятлы были в числе первых. Они не умели петь и избыток энергии, сил и радости выражали по-своему. Каждый разыскивал сухой сучок, стенку дупла или расщеп обломанной вершины, освещенной солнцем. Если при постукивании клювом сучок давал резкий сухой звук, он мог служить для избранной цели. Дятел усаживался поудобнее, твердо упирался жестким хвостом в дерево. Потом многократно, с поразительной быстротой, ударял по сучку клювом и оглашал лес протяжным громким треском, известным у натуралистов под именем "барабанной трели". В это солнечное утро барабанные трели слышались со всех сторон. Одни были глухи и низки, как отдаленный стон, другие — высоки, трескучи и звонки. Сливаясь вместе, они служили источником своеобразной музыки, будили мертвый сон горелого леса и оживляли звуками весны даже это печальное царство.

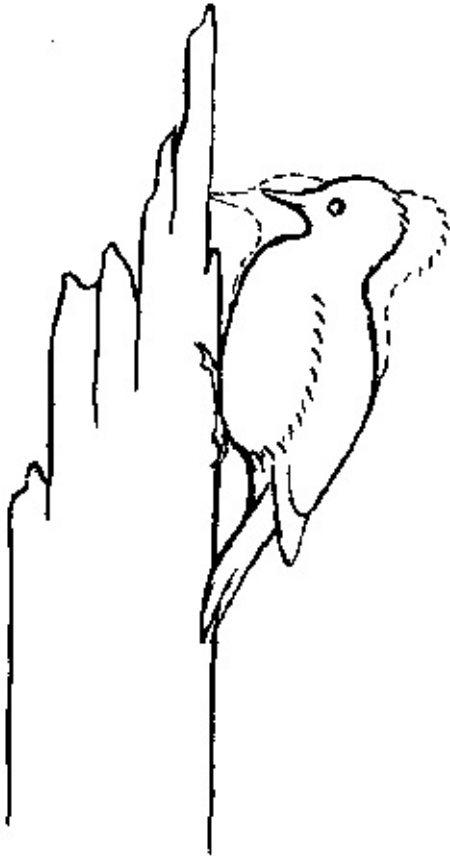

Не так

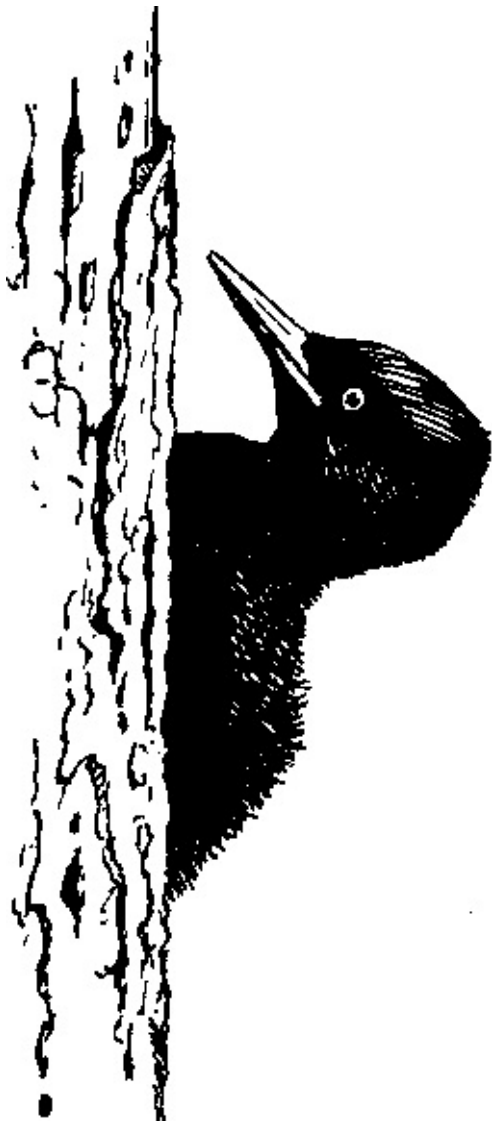
Гриша захотел увидеть "барабанщика". В бинокль он хорошо рассмотрел, с какой быстротой мелькала серая тень головы пестрого дятла, издававшего трели у самой дороги. Мальчик и раньше не верил в рассказы о том, что дятел сначала раскачивает ветку, а затем приставляет к ней клюв так, что дерево барабанит об дятла, а не наоборот. Теперь он окончательно убедился в противоположном. Рисунок птицы с ее "барабаном" не замедлил появиться в альбоме. При попытке наблюдателя подойти поближе

барабанчик слетел. Мелькнул ярко - красным подхвостьем, белыми заплатками на плечах и погнался за другим дятлом, пролетевшим мимо. К ним присоединился третий. Вскоре целая вереница этих пестрых шумливых созданий начала резвиться, лавируя между деревьями. Громкие трещащие крики играющей стаи были совсем не похожи на обычные голоса пестрых дятлов, а сама игра вполне могла сойти за своеобразное токованье. "Сыты, бездельники", — ласково погрозил им Гриша, стоявший под огромной горелой сосной. Но он был неправ - дятлы начали барабанить задолго до завтрака, едва успев после ночевки почистить свое оперение.

А вот так

Желна

Тем временем Севка забежал на сотню метров вперед и подкрался на громкий стук к группе небольших сухих сосенок. Тут он увидел желну — самого большого нашего дятла, матово - черного с ярко - алой шапочкой.

Желна была ростом немного меньше вороны, а ее работу можно было сравнить только с ударами топора или большого молотка. Крупные куски коры и щепы летели от дерева, лишь только о него ударялся серовато - голубой, долотообразный клюв. Севка чуть - чуть пододвинулся и, приготовившись рисовать, вытащил записную книжку. Но черный дятел покосился на него своим острым белесым глазом и спрятался за ствол. Потом снова мельком глянул на мальчика, теперь уже другим глазом и с другой стороны ствола, еще раз покосился левым глазом, быстро поднялся

к вершине и, вдруг сорвавшись, полетел, ныряя в воздухе короткими крутыми дугами. "Трю - тррррююю - трррррююююю..." — зычно, протяжно закричал он, садясь на иззубренную верхушку соснового обломка шагах в восьмидесяти от Севки. Мальчик подошел к дереву, на котором только что трудился дятел. Сосенка была суха и вся пронизана узкими извилистыми ходами. Расширив ножом одну щель, Севка вытащил длинную белую личинку — гладкую, плоскоголовую с твердыми буроватыми челюстями. Она была в зимнем оцепенении и стала вяло шевелиться, лишь отогревшись в руках мальчика. Крупные личинки жуков - усачей и златок часто повреждают древесину засохших или больных, ослабевших деревьев; это любимый корм черного дятла.

Скоро подросел Гриша; вдвоем они быстро зарисовали ободранное желной дерево, кучу коры на снегу, личинку и ходы, проложенные в древесине. Потом поспешили к дороге. Звучное крепкое постукивание клюва послышалось снова, едва ребята отошли с полсотни шагов, Они оглянулись — желна уже трудилась на сосенке, вернувшись к занятию, прерванному людьми, всегда появляющимися так некстати.

Солнце уже поднималось над лесом; путники ворчали, что дятлы отняли у них время, и теперь наверстывали потерянное, стараясь идти возможно быстрее. Но унылый горелый сосняк казался бесконечным; только через час дорога пошла под уклон, показались березы и ели.

Кулик - черныш, с веселой песенкой пролетевший над лесом следом за своей подругой, объявил друзьям о близости воды. Ребята знали по расспросам, что дорогу должна пересечь речка Боровая, и появление кулика их очень обрадовало. Если речка близко, то уже более двенадцати верст пути пройдено и до ближайшего кордона остается только две трети дороги. И в самом деле — вскоре до слуха донеслось кряканье утки и шум бегущей воды. Утка кричала беспрерывно, друзья заподозрили, что она не дикая, а охотничья — круговая. Осторожно подвигались они вперед, пока не приблизились к поляне. Здесь за узеньким кочковатым и мокрым лугом они увидели речку — быструю, искрящуюся, покрытую бегущими полосами пузырей, густой ельник противоположного берега, купавший свои отражения в ее проворных струях, пятна белой пены близ упавших в воду деревьев и большой, построенный из лапника³ шалаш, перед которым полоскалась и кричала круговая утка.

Охотника не было видно, но мальчики знали, что он сидит в шалаше, так как слышали его кашель. Они вышли к берегу и тут только заметили,

что от моста виднелись одни полуразрушенные перила, а разлившаяся буйная речка катила через него красноватые воды лесных болот с веселым рокотом и шумом, слышным издалека. Оба были готовы к трудностям дальнего похода в весеннюю распутицу, но пришлось признаться, что вид скрытого под водой и, быть может, совсем размытого двадцатиметрового моста привел их в смущение. "Ничего, ничего, робятки! Не бойсь! Перейдете! Посошки только срубите!" — слышалось из-за реки. Затем у шалаша показались ноги, обутые в лапти, драный полушубок, и, наконец, пятясь задом, охотник вылез из своего прикрития. Мост, по его словам, был почти цел. Мальчики, пользуясь указаниями незнакомца, приступили к переправе. Ружь оставили на берегу, и Севка, подтянув повыше сапоги, осторожно пошел в воду, ощупывая поверхность моста палкой. В трех местах недоставало бревен; дважды ноги мальчика скользили по мокрому дереву; вода пенилась вокруг сапог... Затем течение стало тише. на бревнах моста появился песок, стало мельче, и, наконец, Севка вышел на берег. Вздых облегчения невольно вырвался у Гриши, с замиранием сердца следившего за каждым движением друга. А тот, сложив мешки и поздоровавшись с мужичком, уже брел обратно. Теперь предстояла труднейшая часть переправы; Гриша в своих сапогах с короткими голенищами не мог перебрести всей речки. Было решено, что он дойдет до глубокого места, а там сядет на спину Севки и "доедет" до берега. Сказано — сделано. При посадке на загорбки оба чуть не упали в воду, но как-то устояли на ногах и теперь постепенно приближались к цели. Севка покраснел от усилий, а Гриша болтал ногами и острил по поводу "езды на верблюдах". Охотник наблюдал переправу и усмехался в клочковатую, русую бороду. Скручивая цыгарку, он словоохотливо описал друзьям все приметы предстоящих тридцати километров дороги. Кордон, по его словам, стоял на видном месте — мимо никак не пройдешь. "А лесника позавчера встретил: с тока видно шел — двух глухарей тащил!" — Мальчики многозначительно переглянулись. "Не больно ладный он мужик-то", — вскользь заметил охотник. Ребята, увлеченные сообщениями о глухарях, мимо ушей пропустили последние слова. Но уже к вечеру пришлось о них вспомнить.

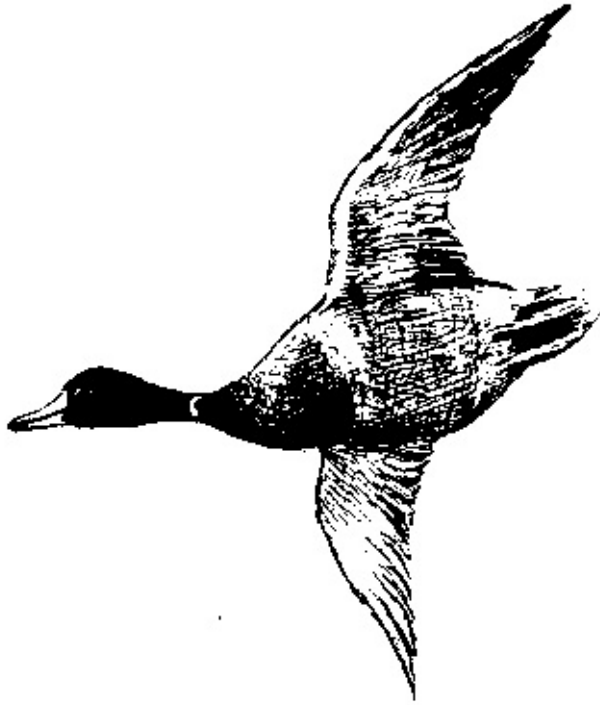

Охотник жаловался на неудачу. Его утка, маленькая и темно - окрашенная, обладавшая голосом дикой кряквы, была отличной круговой и на утренней заре трижды подманивала к шалашу диких селезней. Но его, далеко не столь же образцовая, шомполовка трижды "отпалила" в упор по уткам, устилая воду пухом и перьями. Все три селезня улетели. "Только добро переводишь, — сетовал охотник, сваливая всю вину на качество пороха. — Сам продрог, в шалаше ночь сидючи, круговую замаял да порожнем домой приду... То - то задаст мне жена!" Под эти сетования и добрые пожелания нового знакомого, сопровождаемые криками его утки, ребята быстро углубились в тенистый ельник.

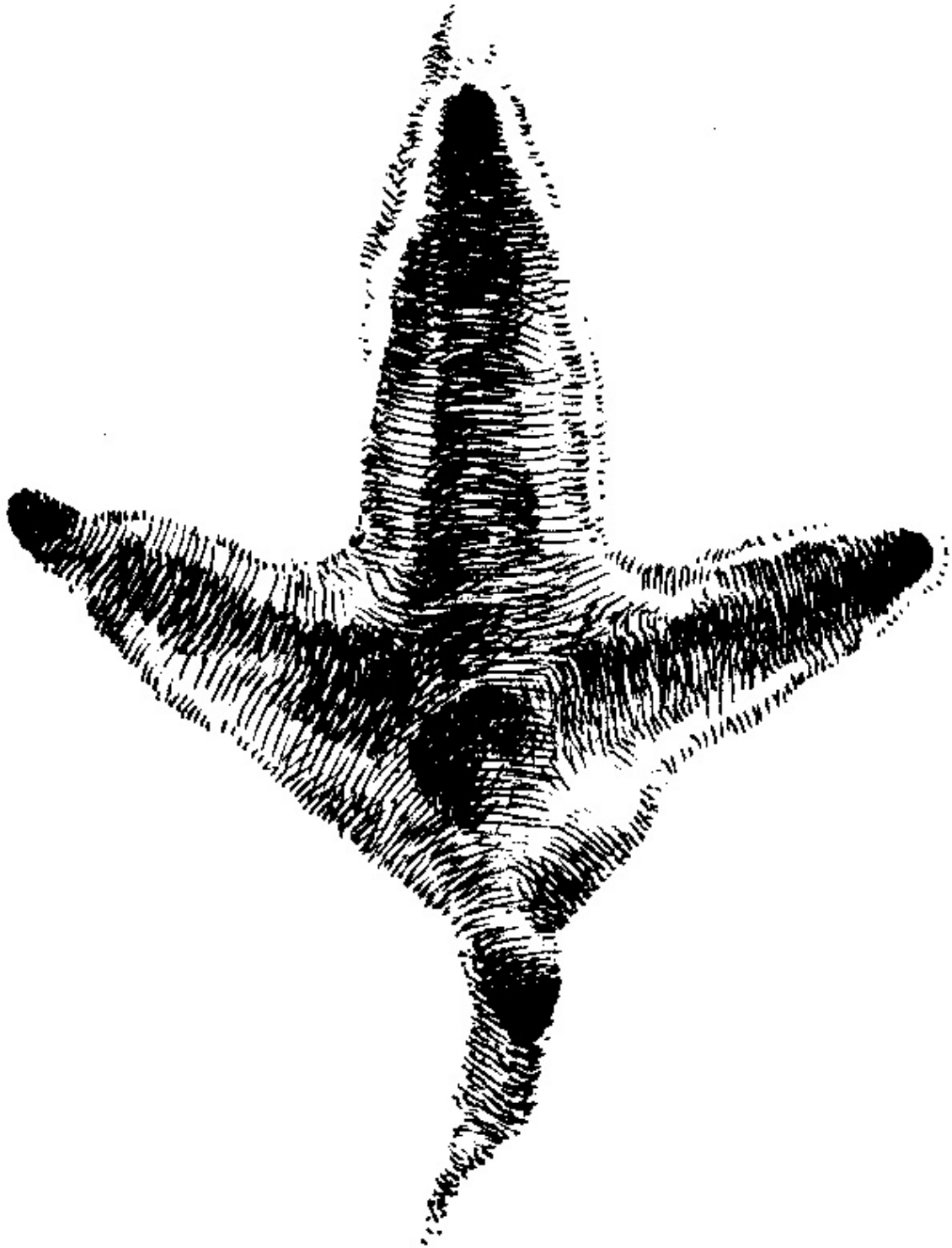
Впереди — тридцать километров дороги... Оба еще не чувствовали усталости; оба дышали полной грудью, упивались смолистым запахом ельника, согретого солнцем, ровным шагом проходили километр за километром. Дружные раскатистые трели зябликов были им веселым маршем, а попутчиками — еле видимые, еле слышные жаворонки, серенькими точками в глубине неба с песнями уносившиеся к северо - востоку. То летели птицы самых дальних полей — вологодские, архангельские, а может быть, и печорские. С ними за широкое лесное море на прозрачных легких крыльях прилетит зелена весна.

Солнце припекало. Оттаяла дорога, на ее песке сапоги оставляли глубокие, четкие следы. Ручейки, журча, побежали по всем колеям и тропинкам. Над проталинами тонко запахло опавшим листом, в траве забегали паучки, желтые бабочки - крушинницы запорхали на пригреве. Сосняки сменялись ельниками, ельники — вересковыми пустошами, пустоши — низинами, а мальчики все шли и шли... На обтаявших холмах им улыбались золотыми сердечками крупные лиловые, одетые пушистой шубкой колокольчики раннего цветка сон - травы. Лесные жаворонки - юлы нежными строфами песен приглашали отдохнуть на вересковых полянах; синеватые сугробы снега в густых тенистых ельниках обвевали прохладой. Зноем и душистыми испарениями окутывали большие проталины, а ребята продолжали безостановочно двигаться. Высокоствольный, редкий сосновый бор, с дорогой, сплошь покрытой снегом, был самой скучной частью пути. Мальчики обрадовались, когда он окончился и его место заняли поляны, чередовавшиеся с молодыми сосняками. Здесь пели гаички и поднялись с берез стайкой кормившиеся тетерева.

Наконец, местность по сторонам дороги начала понижаться, в колеях показалась вода и большие лужи стали то и дело пересекать пешеходную тропинку. Ельник постепенно вытеснил сосны, а несколько дальше к нему примешались белоствольные тонкие березы с нежным красноватым кружевом ветвей. Севка, шагавший впереди, остановился, подождал Гришу и шепнул, что нужно быть настороже: место казалось интересным - каждую минуту можно ожидать появления "зверья". "Зверье" - этим коротким словом друзья обозначали все живое, что могло представлять интерес для наблюдений. Они пошли медленней, стараясь не бултыхать сапогами по лужам, и говорили шопотом, хотя в том не было большой необходимости. "Видишь!.." - на песке дороги ясно отпечатались свежие следы бахромчатых лап глухаря. Он совсем недавно ходил здесь, собирая мелкие камешки и песчинки.

Селезень кряквы

След глухаря

Эти "жерновки" облегчают желудку глухаря трудную работу растирания жесткой сосновой хвои. Оба охотника ясно себе представили

красивую темную птицу на золотистом песке дороги, пересеченной голубыми тенями и зеркалами воды. Севка припомнил рассказы о том, как на безлюдных, таинственных речках сибирской тайги глухари иногда заглатывают маленькие золотые самородки.

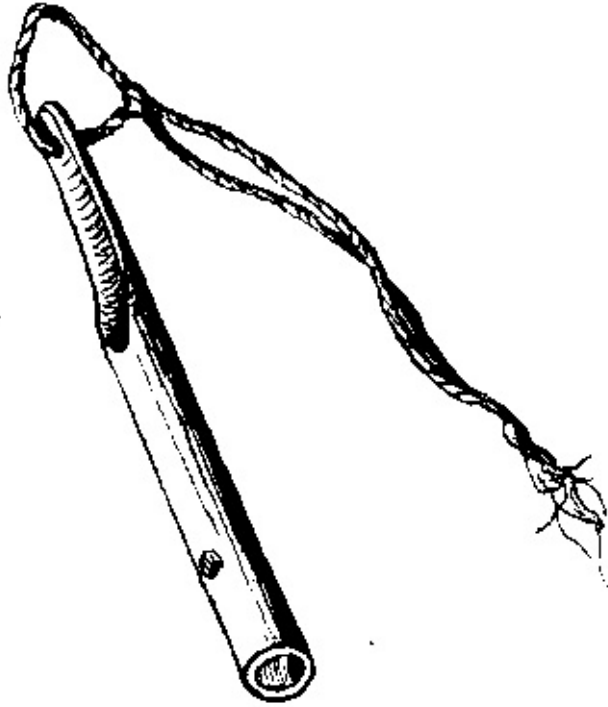
Дорога повернула вправо, а слева показалась окраина небольшого мохового болота. Пухлые, нежно - зеленые, рыжеватые и красные подушки торфяного мха, разбухшие от вешней воды, были точно стрелами утыканы колосками пушицы. Сладко пахло багульником и болотом. "Знаешь что? Давай поищем ягод!.."

Мягкие кочки болота, действительно, опутывала тонкая сеть ползучих веточек клюквы, усеянных мелкими красноватыми листочками. Повсюду виднелись алые, сизые и розовые ягоды, прятаясь от нескромных взоров в густом и пушистом ковре мхов. Одни показывали только румяные щеки, зарывшись глубоко в мохнатый воротник мягкого сфагнового мха, другие купались на дне лужиц, просвечивая через слой ржаво - желтой воды.

Гриша не ожидал у самой дороги найти такое изобилие ягод. Но едва друзья дошли до середины болота, как выяснилось, что не они первые сделали это открытие. Две серые птицы шумно взлетели от ягодника и, мелькнув, как тени, скрылись, лишь только поравнялись с ельником. "Рябчики", — волнуясь от нетерпения, бросил Севка и, многозначительно подмигнув Грише, вытащил из кармана подобие самодельного портсигара. В нем были бережно уложены три белых свисточка. Он вынул средний, сделанный из гусяной кости, имевший отметку в виде красного шнурка. "Это мой любимый... Помнишь, я был в Зименках? Мне там глухаря давали за этот пищик да два манка магазинной работы — все равно отказался... Сейчас увидишь, как начнет работать!" Все это было произнесено торопливым шопотом.

Сбросив мешки, но захватив ружья, хот последние и не могли им понадобится, так как весной охота на рябчиков запрещена, друзья обошли небольшой полукруг. Севка хорошо заметил, где села маточка, и теперь старался осторожно пробраться между ней и самцом. Увидев, что первая часть плана удалась, он круто повернул туда, где, по его предположениям, должна была находиться птица. Рябушка оказалась несколько в стороне, но полетела по тому направлению, которое было желательно натуралистам. Они заняли место улетевшей. Укрывшись за маленькими елочками, Севка лег на землю, а Гриша сел, прислонившись к дереву. В руках первого был пищик, у второго бинокль и дорожный альбомчик. Молча и не шевелясь, они просидели минут пять - шесть. Обманутая их неподвижностью,

хохлатая синица совсем было села Грише на шапку, но изменила намерение - прицепилась к коре дерева над самой головой мальчика и осыпала его мелкими кусочками лишаяв.

Еле слышное постукивание маленького клюва было единственным звуком, нарушавшим окружающую тишину. Где - то очень далеко распевали дрозды...

Севка продул пищик, твердо прижал его к губам и призывная трель самки рябчика разнеслась по молчаливому ельнику. Точно эхо в то же мгновение прозвучал ответ самчика, а вблизи от друзей долго - долго свистела пищуха и знакомая нам хохлатая синичка. Нежный, тонкий посвист рябчика так похож на голоса корольков, синиц и пищух, что они постоянно на него откликаются. "Тиинии - тииююи - ти", — снова поманил Севка. Рябчик ответил теми же двумя коленами, но последнее

короткое "ти" было у него растянуто в маленькую трель. Это и есть одно из лучших отличий зова самца от голоса самки. Вскоре друзья услышали, как рябчик спорхнул на землю, и по шороху сухих листьев поняли, что птица бежит к ним. Шорох то замирал, то снова начинал приближаться. Совсем пригнувшись к земле, Севка возможно чище и нежнее просвистел в последний раз, и... рябчик вспрыгнул на пенек в трех шагах от затаивших дыхание ребят. Стройная птичка то распускала хохолок, то складывала его, смотрела по сторонам и прислушивалась. Друзья с замиранием сердца ждали, что рябчик сделает дальше. Он нежно чирикнул короткое вопросительное "чить - чюррррю?". Его подруга должна была быть близко, но почему - то скрывалась. Он спрыгнул с пенька и быстро пробежал среди кустиков черники. Теперь он был так близко, что Гриша, протянув руку, мог бы его погладить по спинке. Освещенный солнцем, на изумрудном фоне мхов рябчик был особенно красив. Гриша видел, как под красными дужками бровей мягко светились наивные карие глаза, видел черное горлышко, отороченное белым, каждую точку, каждую черточку на рисунке его оперения. Грише даже не верилось, что эта прелестная птица одна из тех, которых тысячами окровавленных, растрепанных комков каждую зиму можно найти на рынках. Севка пошевелился; "прррррр - пррррррр" - коротко прошумели крылья, и рябчик исчез.

Хохлатая синица

V. Последний переход до кордона

Для Севки осталось загадкой, как и когда Гриша успел зарисовать рябчика, но факт был налицо: к вечеру в альбоме красовалась птичка с распушенным хохолком, слегка привставшая на лапках, вытянувшая шейку. Правда, глаз был несколько не на месте, а перья больше напоминали волосы, но поза была схвачена поразительно верно. Так, по крайней мере, казалось Севке.

Друзья отдохнули за время подманивания рябчика и бодро продолжали путь. Но уже через полчаса им пришлось остановиться. Стало совсем жарко, тяжесть мешков настойчиво давала себ знать. Тогда ребята прилегли на теплом песчаном бугре, записали свои утренние наблюдения, закусили и снова собрались в дорогу. В это время из - за леса вдруг раздались трубные клики журавлей. Звуки перекликающейся журавлиной стаи всегда полны невыразимой, глубокой прелести. Недаром так часто говорят о них в стихах и прозе. Гриша не мог их слышать без трепета и волнения, особенно сейчас, в глуши, вдали от людей. Он стоял с обнаженной головой, глаза его были закрыты, легкий ветерок играл его волосами, блаженная светлая улыбка скользила по лицу, словно он слушал лучшую в мире музыку. "Турррруууу... турррруууу..." - трубили вдали журавли, и шесть серых силуэтов длинноногих, длинношеих птиц тихо выплыли над зубчатым краем леса. Как медленно вздымались и опускались их сильные крылья! Казалось, эти птицы не просто летели, а выполняли истово и важно какой - то свой журавлиный обычай. Быть может, то был первый общий брачный полет перед плясками на болоте? Или первый осмотр заветных гнездовых мест перед тем, как разбиться на пары и осесть каждой в своем углу? Они неторопливо взмахивали крыльями над вершинами вековых елей, серебро и медь звонких труб извещали притихшие леса о раннем возвращении стаи.

Рябчик

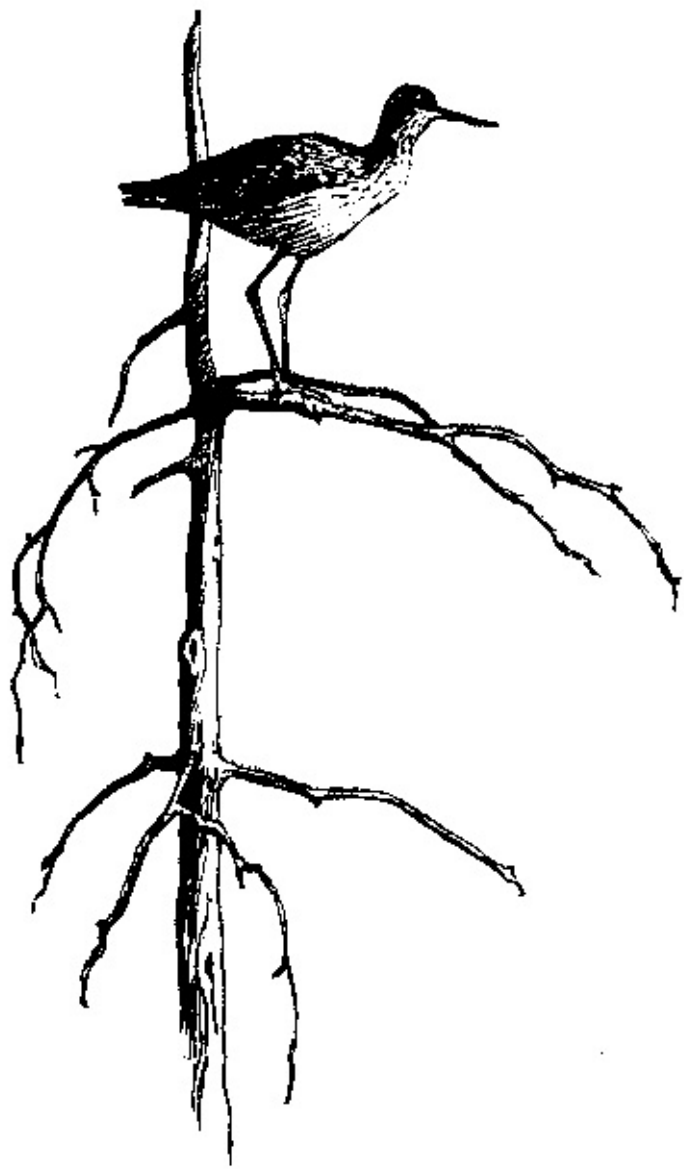
Севка лежал на спине и тоже наслаждался чудесным мгновением. Прямо перед ним далекая сухая верхушка березы купалась в ясной синеве неба. Белые наклонные столбы облаков плыли спокойно, величаво... Эх, хорошо бы и ему полететь над лесами - долинами, обгоняя быстрых птиц, поднимаясь выше серебристых облаков. Думал ли он, что через десять лет сбудутся самые смелые мечты и стальные крылья под торжествующий гул мотора понесут его высоко над распластанной, как зеленая карта, землей? Сосны шевелили ветвями и источали смолистый аромат. Душистые испарения невидимо слоились над холмами; лесные жаворонки ткали нежное кружево своих прелестных, ни с чем не сравнимых песен. "Не остаться ли нам здесь!" — мелькала у обоих тайная мысль. Но желание скорее увидеть глухариный ток взяло верх, и снова два следа потянулись по чистому, влажному песку дороги.

Просторное торфяное болото с кое - где разбросанными тощими сосенками, зарослями пахучего багульника и гонобобля^[10] широко расплзлось поперек дороги. Со слов встреченного утром охотника ребята знали, что лет тридцать тому назад по этой пустынной топи и зиму и лето паслись стада северных оленей. Олени исчезли, давно перестав здесь водиться, но как красивое воспоминание оставили свое имя болоту. "Оленье болото" — мальчики не могли смотреть на него без внутреннего волнения. В душе они оба жалели, что не родились пятьдесят лет назад. Тем не менее "Оленье болото" доставило им много хлопот. Большая часть

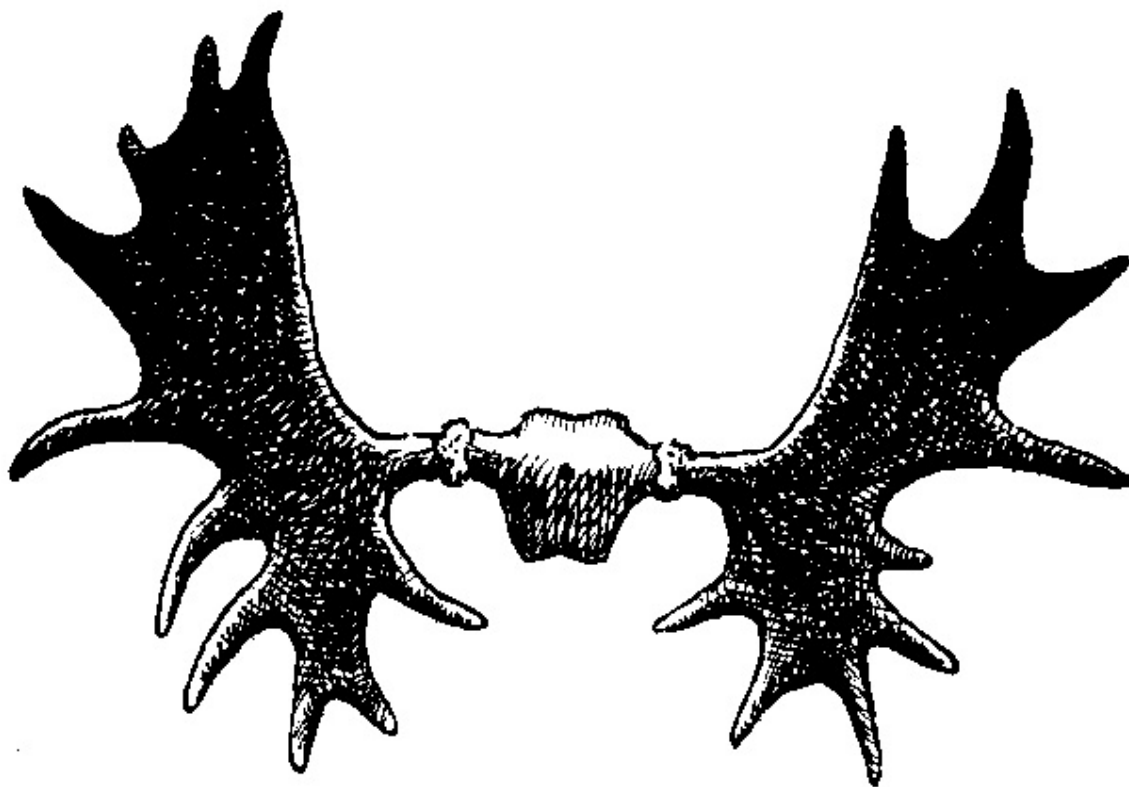
его была скрыта под водой вместе с дорогой и пешеходной тропинкой, выложенной жердями. Срубив палки, упираясь ими в моховые кочки, путники брели, ступая на жерди, еле заметные под слоем бурого - красной, словно квас, воды. Более полукилометра пришлось им пройти, едва удерживая равновесие, и уже у самого берега, неловко поскользнувшись, Гриша упал на одно колено в воду, упираясь в дно рукой. Сапог сейчас же наполнился ледяной водой, рукав и подол ватной куртки промокли насквозь. Пришлось остановиться, отжимать платье и сушиться. Во время их невольной остановки парочка больших улиток появилась над болотом. Самец пел на лету, протяжно свистя "траваа - трава - тра - ва". Его обычный крик - "тьён - тьён" - был издавна знаком мальчикам, много ночей проводившим на Волге. Здешние охотники за такой крик называют этого осторожного кулика тёлкуном. Более долговязый, нежели крупный, большой улит всегда первый боязливо слетает с песков на берегах Волги при появлении человека и уводит за собой своих соседей - мелких куличков, обычно очень доверчивых. Мальчики не позабыли всех неприятностей, причиненных им этой птицей во время наблюдений на реке, но оба радовались возможности полюбоваться улитом в его родной гнездовой обстановке. Оба знатока птиц были очень поражены, когда долговязый кулик опустился на сухую вершинку сосны. Сидя там, он продолжал петь, поблескивая на солнце мокрым носом, оглядывая болото, расстилавшееся вокруг. Несколько позже друзья увидели промелькнувшего вдали глухаря и решили, что он, быть может, прилетал на клюкву, которой здесь тоже было немало. Охая и кряхтя, покидали мальчики этот привал. Мешки и ружья так оттянули плечи, что ощущение ноющей боли как будто добралось до глубины костей. Оставалось всего семь - восемь километров до кордона; было решено пройти их без остановок.

Крики ворона в сосновом бору всегда означают присутствие падали. Так было и на этот раз: один ворон, сидевший на дереве, громко закаркал, издали заметив мальчиков. А три грузные черные птицы, шумя крыльями, поднялись с земли на вершины. Истерзанный труп лошади лежал у дороги. Снег вокруг был утоптан и усыпан клочками мокрой рыжей шерсти. Мальчики решили произвести учет пировавших, но снег таял ежедневно, отчего следы делались расплывчатыми и неясными. Задача оказалась нелегкой. Все же они установили, что сегодня утром здесь была лисица, вороны кормились вместе с сойкой; последняя и сейчас кричала где - то поблизости. Кроме того, виднелись многочисленные отпечатки лап, которые могли принадлежать только собаке. Они тянулись тропой вдоль всей дороги и привели друзей к кордону.

Большой улит

Пройдя километра два от трупa лошади, ребята услышали отдаленный собачий лай — первый звук, связанный с присутствием жилья, долетевший до их слуха за последние шесть часов дороги. Через полкилометра им попались следы человека, обутого в лапти, а несколько дальше, под сосной, у дороги, ветерок перекатывал пестрые перья глухарки. В пяти шагах от сосны лежал большой почерневший пыж, еще не потерявший порохового запаха. Севка, как хороший следопыт, сообразил, что лесник, к которому они шли, сегодня утром, вопреки охотничьему закону, застрелил глухариную матку. Вскоре, за узенькой речкой, среди поляны, друзья увидели бревенчатую постройку кордона.

Серая остроухая лайка уже за двадцать минут до появления мальчиков лаем предупредила обитателей кордона о пешеходах. Хозяин ожидал их у ворот, на которых красовались прочно прибитые большие лосиные рога. Лесник был высокий мужик с густой черной бородой и бледным лицом, изрытым оспой. Он стоял без шапки, цыкнул на собаку и на приветствие мальчиков коротко ответил: "Милости просим". Он был очень скуп на слова, но часто смеялся каким - то странным натянутым смешком, показывая скверные зубы. Его жена, маленькая бойкая бабенка, была чрезмерно болтлива и слащаво - ласкова. Три девочки - погодки при виде вошедших путников, словно зверьки, выставили головы из - под грязной

занавески печи и сейчас же скрылись. Странный вид лесника и обстановка, в которой он жил, сильно поразили друзей. Большой, обнесенный забором двор кордона был пуст, в теплом коровнике и стойле для лошади виднелись одни сугробы снега, на сеновале нельзя было найти ни клочка сена. Всюду валялись лошадиные кости, которые лайка за много километров притаскивала к дому, чтобы ее долю не уничтожили волки. Стены просторной казенной избы были закоптелы и пусты. Не тикали "ходики" — неразлучные спутники каждой крестьянской избы, одиноко темнели в углу иконы, висела засиженная мухами фотография. Развернутые веером засушенные хвосты глухарей, глухарок и тетеревов, прибитые к стене большими ржавыми гвоздями, скрыли под собой целые гнезда насекомых. Два старинных одноствольных ружья висели в углу, уставившись в потолок черными широкими жерлами.

Ребята не все понимали, но чутьем угадывали, что перед ними — жилище лесного волка, промышлявшего браконьерством, истреблением дичи и, быть может, другими темными делишками под видом охраны леса. Обоим стало как-то жутко, но они продолжали беседовать с хозяйкой, не подавая вида о мелькавших у них подозрениях.

Оказалось, что глухари "токуют вовсю", тетерева хорошо слетаются на тока, но еще не разыгрались. Журавли появились дней пять тому назад на всех клюквенных моховых болотах, бекасов стало слышно уже дня три, а на соседнем болоте каждый вечер гогочут самцы белых куропаток. Лесник принес из сеней и показал ребятам пару больших глухарей. Ни на одном из них не было видно следов крови. Севка заключил, что ружье лесника — с хорошим, резким боем. Как бы вскользь он спросил, далеко ли хозяин стрелял сегодня глухарку. Совершенно спокойно лесник отвечал, что "тетерея подпустила его рядом" и он "смазал" птицу "так, что не ворохнулась". Мальчики начинали убеждаться, что для хозяина стрельба маток в запретное время — самое обычное дело.

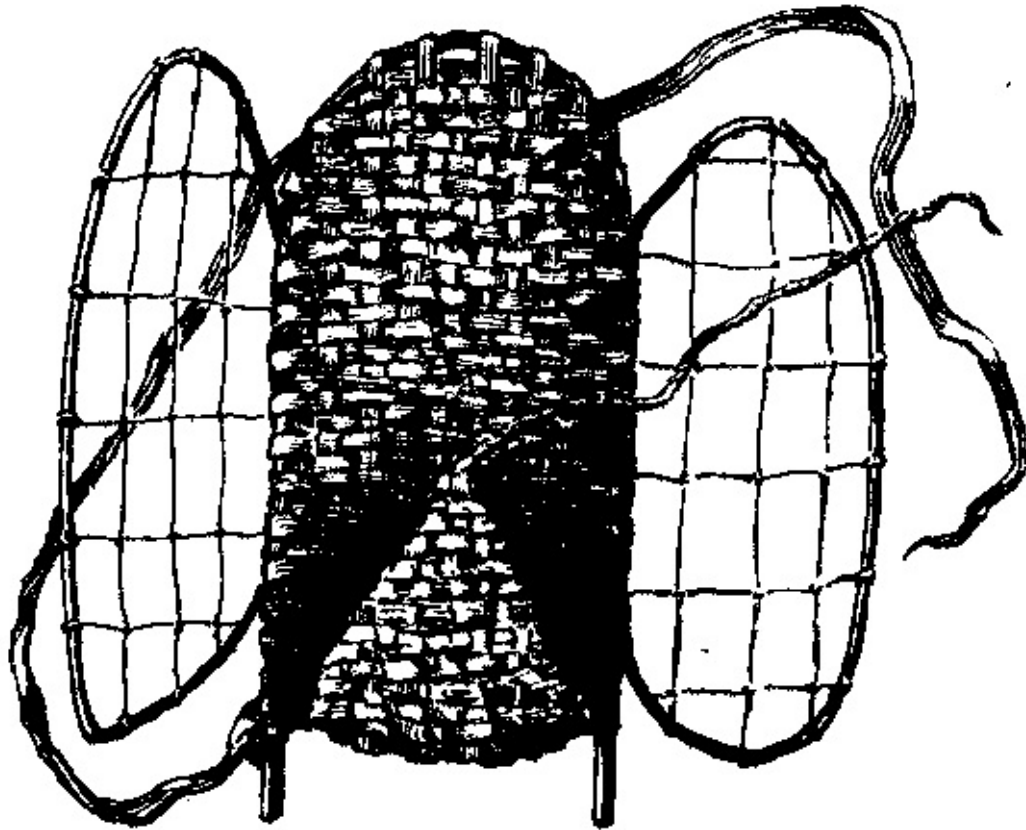
Растянувшись на лавке, усталые путники прилегли отдохнуть, так как через полтора часа было решено отправиться на глухариный ток. Зимние рамы в окнах уже были выставлены; до слуха мальчиков доносились легкий шум сосняка, крики снегирей, чечеток и песни зябликов; под монотонный говор леса оба незаметно задремали.

VI. Ночь у костра

Севка проснулся от поскрипывани соседней скамьи — хозяин избы натягивал на ноги высокие непромокаемые кожаные чулки.

Такие чулки называют бахилами; они служат незаменимой обувью сплавщикам леса, рыбакам и охотникам - промысловикам. Поверх бахил лесник плотно намотал портянки и надел лапти, набитые свежей соломой. Севка, за время пути натерший тяжелыми сапогами обе ноги, с завистью чувствовал, как удобна эта легкая обувь лесника.

Проснувшийся Гриша вскоре присоединился к охотничьим сборам и каждую минуту ощупывал карман куртки, чтобы удостовериться, не позабыт ли альбомчик. Ребята очень заинтересовались плетеным из лыка предметом, который хозяин назвал крошнями. В крошни он положил топор, мешочек с хлебом, рукавицы и теплые чулки, после чего, закрыв подвижные половинки, завязал тесемкой и надел это подобие рюкзака за плечи. Плетеный из лыка "рюкзак" - какая далекая старина! Крошни в глазах мальчиков воскрешали охотничье снаряжение давно минувших времен, когда не были известны ружья, когда оленей били копьями, а бобры строили свои плотины на всех лесных речках...

Лайку заперли в чулан, "чтобы не увязалась". Охотники отправились, сопровождаемые ее воем и внимательным взглядом хозяйки, отворившей оконце.

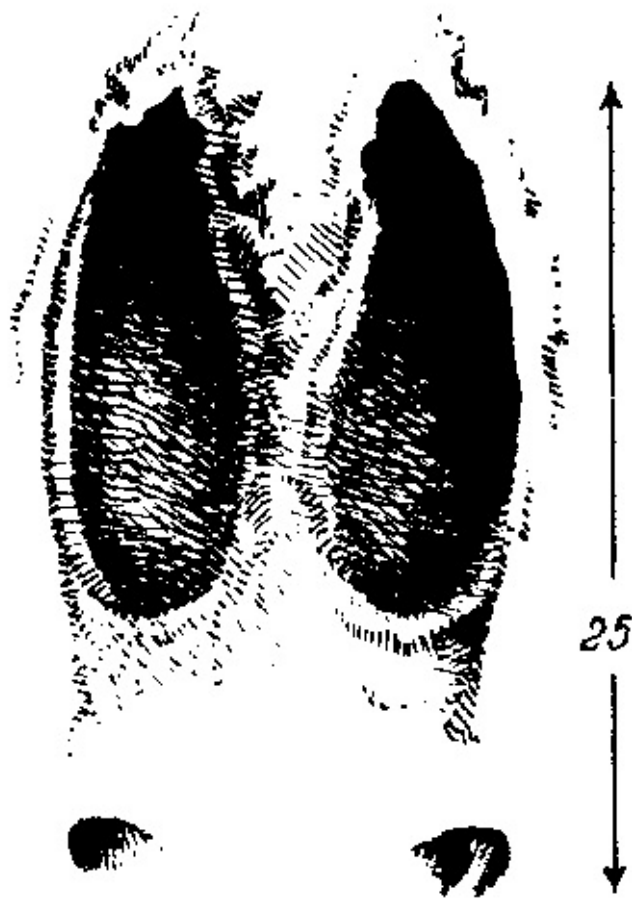
Солнце начинало клониться к западу, была самая жаркая часть дня. Прозрачный пар курился в низинах над проталинами. Хотя в тени везде лежали снега, во многих местах у обнажившихся полян Гриша заметил весело порхавших бабочек — траурниц и больших крапивниц. Крушинницы летали целыми десятками. На припеке ожили муравьи и черными кучками покрывали свои муравейники; бегали радужные жужелицы, на гнилом бревне грелись бронзовка и большой навозный жук. Охотники пересекали проталины по чуть заметной тропинке; в густом лесу брели по снегу, пользуясь прежними обтаявшими следами лесника, уже много раз ходившего на ток.

Так, растянувшись гуськом, прошли они километра три, пока не поравнялись с редким молодым сосняком, выбегавшим на большую поросшую вереском пустошь — след давнего лесного пожара. Здесь в нескольких местах спугнули стайки тетеревов; один из улетающих петухов громко, задорно забормотал. Оказалось, что каждую весну издавна тетерева слетаются сюда для токования. Полукилометром дальше лесник вдруг

остановился, рассматривая песок; мальчики увидели глубокий отпечаток широких раздвоенных копыт. "Бык!.. Днем проскочил: утром я с тока шел — следа не было. Знаю я этого — пудов на двадцать будет.." — коротко, как всегда, обронил лесник. Обоих ребят подмывало сильнейшее желание побежать по лосиному следу, посмотреть, что делал "богатырь лесов". Оба впервые видели след самого крупного зверя своего края. Но приходилось торопиться: на место ночлега нужно прийти до темноты, а лежавшая впереди дорога была труднее пройденной.

Слетели тетерева

След лося

Огненный диск солнца уже скрылся за темной волнистой чертой лесов и тетерева на току перестали бормотать, когда лесник подвел мальчиков к квадратной яме, на дне которой была куча ветвей и остатки костра. Здесь нужно провести ночь, чтобы под утро пробраться за триста шагов к месту тока, расположенному в низине, называемой "Настиным долом".

Лесник срубил несколько небольших сухостойных сосен; все втроем перетасили запас топлива к месту стоянки. Пользуясь случаем, Севка расспрашивал проводника о признаках следов и о способах выслеживания лосей. Неразговорчивый лесник предпочитал отмалчиваться. С большим трудом удалось вытянуть из него два слова о том, что отпечатки больших копыт быка всегда крупнее и круглее узких заостренных копыт лосихи.

Постепенно усиливавшийся на заре ветер и гул леса помешали охотникам "посадить глухарей" — подслушать, куда сядут прилетающие на ток птицы, где квохчут глухарки и т. д. Все это было бы полезно знать для успеха утренней охоты. Закат догорал. Дуновения ветра ослабевали с каждой минутой; постепенно замирая, переставали качаться ветви сосен.

Звезды одна за другой зажглись на небе; тихая, теплая ночь опустилась над лесом. Знойный костер наполнял теплом яму и, оттесняя сгустившуюся вокруг огня тьму, озарял красными бегающими бликами трех людей, сушивших обувь и готовившихся ко сну. Лес продолжал жить своей жизнью. Странные звуки, напоминающие то отдаленный собачий лай, то похожие на глухое, многократно повторяемое "у - у - у - у - у - у - у...", нарушали покой укрытых сумраком сосняков. Источник этих звуков часто перемещался, они слышались со всех сторон и, начавшись вскоре после заката, кончились только с рассветом. Лесник уверял, что это крики зайцев - беляков, у которых весна прогнала обычную боязливость.

Ребята охотно поверили; в описании этого похода "брачные крики зайцев" были отмечены обоими натуралистами. Но через несколько лет, в другой лесной области Севка снова услышал те же ночные крики. Здесь местные охотники говорили: "Это летяга бобочет!.. Сидит в дуплышке, лапочками по щечкам себя постукивает и бобочет.." Некоторые божились, подтверждая правильность своих наблюдений. Теперь Севка не верил ни старым своим записям, ни новым рассказчикам. Ведь зайцы очень молчаливы от природы, а летяга — зверь слишком редкий и скрытный. Севка считал, что загадочные звуки издает животное, довольно обычное и, видимо, совсем не боязливое. В каждом достаточно обширном хвойном лесу в весенние ночи слышится, как далекая глуха жалоба, это таинственное "ой - ой - ой - ой..." Еще через несколько лет Севке удалось разгадать давнюю лесную загадку. Глухой ночью он подкрался к огромной сухой сосне, следуя на голос, доносившейся с ее вершины. При свете луны он увидел небольшое животное, выглядывавшее из дупла. После выстрела на землю упал пушистый мохноногий сыч. Отдаленный "собачий лай", глухие "ой - ой - ой" — все это весенняя песня этой небольшой буроватой с белыми крапинками лесной птицы.

Охотники поужинали; усталость начинала клонить их головы; разговоры, и раньше еле вязавшиеся, совсем прекратились. Наконец, бросив мешок в изголовье, лесник заснул, положив ружье рядом с собой. Гриша, повернувшись спиной к огню, вскоре последовал его примеру. Севка долго ворочался с боку на бок, подбрасывал дрова в угасший костер, старался заснуть, но не мог. Его слишком переутомили впечатления длинного дня и оставшиеся сзади пятьдесят километров трудной дороги. Да, признаться, и лесника он побаивался. Мальчик лег на спину и смотрел через черные ветви сосен на кротко мерцавшие звезды. Высоко в темноте время от времени с сильным шумом быстро проносились на север стаи уток.

По свисту крыльев, по обрывкам криков мальчик знал, что это возвращаются на родину нырки, свиязи и чирки - свистунки. Изредка протяжно и слабо цикали одинокие, отбившиеся от стаи дрозды. Там, в вышине, под беспредельным звездным шатром, над успокоившейся от дневных тревог, мирно спящей землей, в урочный час незримо совершался величественный весенний перелет птиц. Тысячи пернатых странников наперебой спешили в эти минуты к местам своих гнездовий, проносясь сотни верст среди холодных просторов над мелькающими далеко внизу лесами, полями, озерами... Незаметно для себя Севка забылся и заснул. Глухие стоны сычей были последним впечатлением, долетевшим до его сознания.

VII. Новый день начинается...

Знакомо ли вам то ощущение неприятной тяжести, неловкости и смутного беспокойства, когда на вас кто - то смотрит неизвестно откуда, но упорно и долго? Во сне именно это чувство вдруг овладело Севкой. Он вздрогнул и проснулся, как будто от неожиданного толчка — лесник сидел на корточках и смотрел ему прямо в лицо. Костер почти угас, огонь лишь изредка тревожно, боязливо вспыхивал. Мигающие отсветы все реже и реже пробегали по стенам ямы и корявым стволам ближайших сосен. Предрассветный ветер покачивал вершинами. Темный лес глухо шумел, заглуша дальние стоны сычей. Севка увидел, как лесник бесшумно поднялся, осторожно ощупал ногой почву и сделал первый шаг... Откинул в сторону ветку, лежавшую на пути к мальчику, и так же безмолвно придвинулся еще на один шаг... Только полтора шага отделяли его теперь от Севки. Прищурившись, с трудом удерживая дыхание и притворяясь спящим, Севка следил за каждым его движением. Одна рука мальчика судорожно охватывала стволы ружья, другая дрожала, цепляясь за курки и спусковую скобку. Лесник стал медленно наклоняться над Севкой. Сердце бешено стучало в груди мальчика; целые вихри, потоки мыслей промчались за одно мгновение. Мелькнули давно позабытые рассказы отца о леснике, пойманном во время грабежа на дороге, убившем в течение нескольких лет четырех приезжих охотников из Москвы. Вспомнил, что ушел сюда, не простившись с матерью, что белку вчера нужно было бы застрелить на воротник сестренке... "Хочет обезоружить!" — как молния, мелькнуло в сознании, лишь только рука лесника прикоснулась к дулу ружья. "Что ты делаешь!" — громко и хрипло, не своим голосом вскрикнул Севка, разом вскочил на ноги, одним движением пальца поставил на взвод оба курка. Во рту пересохло, в висках стучало, ружье плясало в руках. "А... что... Аль чего приснилось..." — растерянно забормотал лесник, отступая назад, и начал подбрасывать поленья в потухавший костер. "Погас костер - то — проспали... Холодно стало..." — добавил он и неестественно позевнул. Севка, не выпуская ружья из рук, сел рядом с проснувшимся Гришей. Он трясся нервной дрожью и никак не мог успокоиться. Гриша почувствовал неладное и тоже держал ружье наготове.

Ветер унимался, шум леса постепенно стихал, звезды потускнели, и черная узорная резьба сосновых вершин стала немного отчетливей, когда

нежданный, жуткий, басистый вой прорезал темноту. Протяжно отозвался он в недрах леса и замер в глубине низины. Мурашки невольно пробежали по спине мальчиков при звуках этого сильного, мрачного голоса. "Сам! Волчицу кличет", — буркнул лесник. Ветер, затихавший как будто для того, чтобы трое людей могли услышать звериный зов, снова усилился — лес откликнулся сдержанным гулом. "Пора на ток, — взглянув на небо, сказал лесник и поднялся. — Котомки можно здесь оставить — никто не возьмет". Мальчики упрямо надели их на плечи.

Без шума, без шороха прокрались три черные фигуры триста шагов до окутанной тьмой туманной низины. Здесь лесник остановился — за ним, как две тени, оба мальчика. Несколько томительных минут прошло в полном молчании. "Слышишь, играет... Вон там!" — вдруг указал лесник. "Ничего не слышу", — пересохшими губами прошептал Севка. В самом деле, до его слуха достигал лишь мерный говор встревоженных сосен да легкий скрип качающихся вершин. Щелканье глухаря, которое много раз изображал ему отец, мальчик никак не мог уловить. "Слышишь... Опять играет! Вот... вот!.." — "Ничего не слышу", — беззвучно лепетал Севка. "Эх, тоже охотники... Сами - то вы глухари! Ну, и сидите тут!" Лесник злобно выругался, вскинул ружье за плечи, как - то вдруг преобразился, пригнулся, прислушался и, с поразительной для своего роста легкостью, сделал три огромных, бесшумных прыжка. Черный и гибкий, он уже не был похож на человека и в темноте леса казался подкрадывающимся хищным зверем. Еще три прыжка,... остановка... снова три прыжка,... снова остановка. Фигура лесника растаяла, сгинула среди темных стволов деревьев. Севка бессильно опустился на кочку, не чувствуя, как из ее мха сочится вода. Неудача на току и пережитые ночью волнения сильно потрясли его. Он тяжело дышал, спазмы сжимали горло, нервы не выдержали — он закрыл лицо руками и беззвучно заплакал. Теплые слезы, скатываясь между пальцами, падали на землю и слабо шелестели по сухому березовому листу. Гриша чувствовал, что сейчас не время для расспросов. Прильнув щекой к жесткой, холодной коре березы, зорко посматривал вокруг и прислушивался к каждому шороху. "Гриша! — вдруг окликнул его Севка и, дрожа от волнения, смешанного со злостью, рассказал о покушении лесника. — Черт рябой, леший... Как это он нас еще вчера не зарубил! А стрелять со своей одностволкой, должно быть, боится: одного - то убил бы, а второй — угостил бы его глухариным зарядом". Может быть, взволнованные ребята слишком преувеличивали опасность, но, как бы то ни было, они решили быть настороже, не уходить далеко друг от друга и зарядили ружья картечью.

Выстрел тяжело грохнул и прокатился над лесом в той стороне, куда направился лесник, — друзья вздрогнули от неожиданности. Начинало светать... Зарянка шустрой мышью шмыгнула из кучи хвороста, где провела ночь, взлетела повыше на сухой сучок, рассыпалась в нежных трелях бесконечных песенок. Ее голосок звучал смелее с каждой минутой, напоминал и тонкий скрип, и звон маленьких серебряных колокольчиков. Втора зарянка запела справа от мальчиков, третья — далеко впереди. Они так старались, точно хотели доказать ребятам, что ночи с ее страхами не было, а существует лишь свежее весеннее утро с его радостями. "Тэк..." — не то хрустнуло, не то щелкнуло что - то в вершинах сосен. Мальчики насторожились и превратились в слух. "Тэк..." — снова послышалось оттуда. Звук был сухой, отчетливый, напоминавший постукивание одна о другую двух твердых палочек. "Тэк..." — "Гриша, это... глухарь!" — толкнул соседа Севка. "Ко - ко - ко - ко - ко - ко - ко", — звучным басом завоптала в той стороне какая - то крупная птица, и друзья увидели, как глухарка слетела с дерева на землю. Что - то большое, черное с сильным шумом опустилось следом за ней. "Он!" — прошептали оба друга одновременно. До птиц было не менее семидесяти пяти шагов; в лесу значительно посветлело. Подойти к глухарям не было никакой надежды — мальчики предпочитали обождать. В бинокль можно было разобрать, как глухарка перебегает между пней и кустов, увлекая за собой петуха. Птицы быстро удалялись и вскоре скрылись в небольшой лощинке. Даже привстав, Севка не мог их найти.

Восход близился; заря робко теплилась и горела румянцем под большими тучами, медленно выползавшими над лесом. Жители Настина дола пробуждались один за другим. К песням зорянок присоединились дрозды, рябчик вспорхнул на упавшее дерево, просвистел несколько раз и полетел кормиться к зарослям ив, осыпанных вкусными сережками. Зяблик сел на вершину елки, распушился, осмотрелся. Почистил перышки, долго скоблил нос о ветку, несколько раз издал свое "пинк - пинк, пинк - пинк" и вдруг, откинув вверх головку и раздув горлышко, разразился звонкой, задорной трелью. Где - то далеко за низиной трещал на "барабане" дятел. Смутный рокот, похожий на журчание и бульканье падающих струек воды, доносился со всех сторон. То пели, бормотали на токах тетерева, создавая волнуемый фон, на котором и четко и нежно расцветали все звуки и голоса ожившего леса. Глухарка неожиданно поднялась с земли и полетела над соснами в сопровождении своего большого петуха. К ним присоединилась еще одна самка. Только по возвращении домой Севка узнал от отца, что петух, которого они слышали в это памятное утро, вероятно, был молодым

и щелкал, не решаясь петь. Старые, сильные глухари, по - охотничьи "певуны", бьют и очень запугивают молодых.

"Пойдем, посмотрим, ушел лесник или нет", — предложил Гриша. Мальчики едва разыскали место ночлега — утренний лес был совсем не похож на ночной. Дыма, на который друзья рассчитывали, как на маяк, не было видно. Костер угас, покрывшись беловатой пеленой пушистого, легкого пепла. Крошни лесника, его топор и мешок лежали на своих местах. "Вот, взять все, да и спрятать, пусть поищет рябой черт.." — думалось Севке, но уже почти без злобы. Теплые краски восхода, звуки ожившего леса, один вид помолодевших сосен действовали успокаивающе и усыпляли недобрые чувства. Друзья едва успели спрятаться в заросли молодых елок, как послышался шорох шагов — охотник показался из леса. Он шел не спеша, небрежно бросив ружье на плечо прикладом назад. Потом повернулся спиной к притаившимся мальчикам, и они впились глазами в глухаря, привязанного за шею, медленно качавшегося в такт движениям охотника. Шомповка лесника, действительно, была резко и не делала лишних выстрелов. Те минуты, которые лесник провел у ямы с костром, укладывая в крошни птицу и свои пожитки, ребятам показались часами...

Следы рябчика

"Ну, теперь мы одни", — радостно воскликнул Гриша, как только проводник пропал вдали за деревьями; Севка довольно улыбнулся, закрыл глаза и глубоко втянул в себя сыроватый воздух леса. Здесь пахло болотом и стоял пьяный запах багульника.

Новый план у них был очень прост: они решили не появляться на кордоне, где их должен был ожидать обед, болтовня хозяйки и опасное соседство ее мужа. Они останутся в лесу, отказавшись от большей части продовольствия, сданного на хранение в лесной сторожке. По счастью, котелки, топорик, спички и другое снаряжение было при них вместе с частью продуктов: пшеном, небольшим количеством сухарей, солью, маленькой фляжкой спирта и несколькими луковицами. Весь хлеб, крупа и масло достанутся "этой милой семейке" в уплату за "охоту на току". Если они раздобудут мяса, то с этими запасами сумеют кое-как просуществовать несколько дней. Лесник, по его же словам, собирался

идти в деревню за картофелем. Глухариный ток, вернее токовище, на две зари остается в распоряжении мальчиков. Они рассчитывали на возможность здесь поохотиться, а сейчас спешили к вересковой пустоши, куда манил жизнерадостный хор тетеревов, все более и более ясный по мере продвижения путников. Ребятам казалось, что вот - вот они выйдут к - токо--вищу и увидят играющих тетеревов, но голоса птиц делались снова менее звучными. Ток, как будто, убежал от них, пока не выяснилось, что они проходят мимо тетеревиной поляны, уже остававшейся слева и сзади.

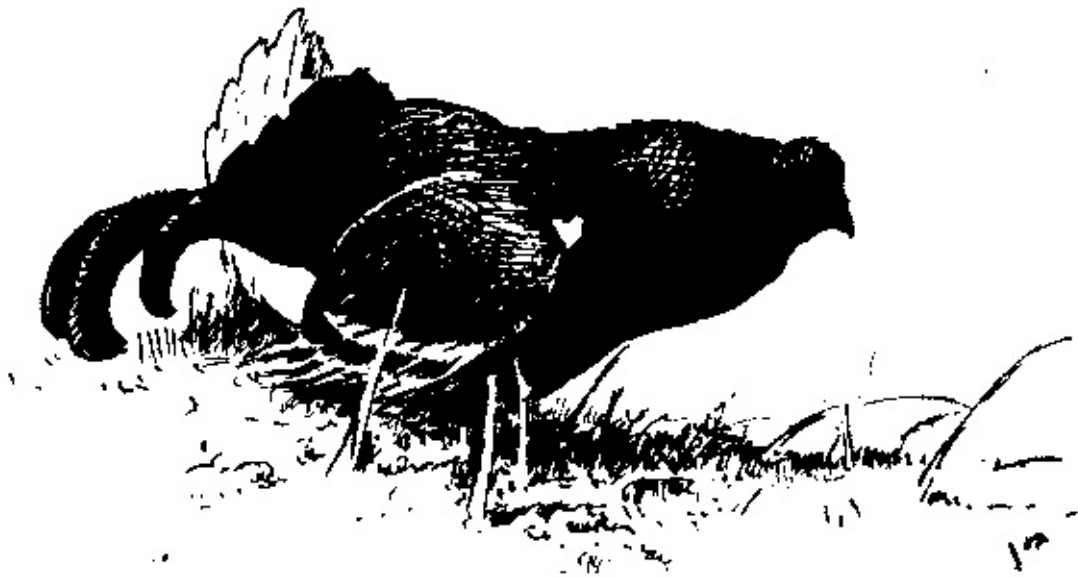
Бормотание этих птиц слышно настолько далеко, а во время токования они так часто меняются местами, что голоса по временам то как будто бегут вам навстречу, то слышатся из - под земли. Неопытный человек часто не сумеет определить не только расстояния, но даже и направления, по которому нужно идти. Это была досадная ошибка: солнце взошло, друзья боялись, что ток скоро кончится. Бесшумно, почти бегом ринулись они по новому направлению, на этот раз взятому верно, — голоса поляшей раздавались уже совсем рядом.

Никогда ни раньше, ни позже Гриша не слышал ничего равного по глубине и силе тому торжествующему гимну весне, который пели тетерева в это апрельское молодое утро. Волны звуков, ясных, выразительных, то радостно воркующих, то задорных, полных энергии и сил, то страстных и нежных неслись с токовища. Порой бормотание совсем замирало, и в наступавшей тишине были слышны далекое заунывное кукование одинокой, рано прилетевшей кукушки и песни бесчисленных лесных жаворонков. Потом снова лилось и пенилось потоками, журчащими, бурливыми. Тетеревиная стая, счастливо пережившая январские морозы, февральские вьюги и гололедицы, каждый день подвергавшаяся нападениям ястребов и кое - как протянувшая зиму, сейчас справляла свой весенний праздник, свой сказочный турнир на заветной поляне, передававшийся от поколения к поколению. "Чуфффуууу — чушшшшшууу", — услышали мальчики, когда от тока их отделяла лишь узкая полоска молодого сосняка. В то время, как при тихой погоде бормотание долетает на полтора - два километра, "чуфысканье", или "чуфыканье" — протяжное шипение — слышно всего на двести - триста шагов.

Друзья решили обойти ток с разных сторон, чтобы не мешать друг другу. Тетерки, сидевшие на деревьях, заохотали и испуганно перелетели через токовище, совсем было испортив дело Севке, таившемуся за можжевельниками, маленькими сосенками, муравейниками и на животе подползавшему к поляне. Мальчик находился уже в пяти - шести шагах от

опушки, за которой шумно играли петухи, когда снова скрывавшаяся на сосне маточка вдруг заметила его распластанную среди вереска фигуру. Тетерка вскрикнула сначала нежно, а затем громко и быстро "Ко - ко - ко - ко - ко - ко - ко", и с треском крыльев, означавшим "тревога!", сорвалась с сосны. Севка готов был провалиться сквозь землю...

Косачи на несколько минут замолкли, но один бойкий петух-"токовик" — главный зачинщик игр, первым начинающий песни весной, первым открывающий ток на рассвете, — покосился на опушку, увидел, что все спокойно, надулся и подпрыгнул на месте. Гаркнул задорно свое "чу - шууу", другие петухи азартно откликнулись, бормотание хлынуло волной. Весенний праздник продолжался, как ни в чем не бывало. Чудное зрелище развернулось перед глазами Севки, когда он, проложив животом извилистую дорожку среди вереска, протащился, вспахивая патронташем землю, еще пять шагов и приподнял голову из - за маленького можжевельничка.

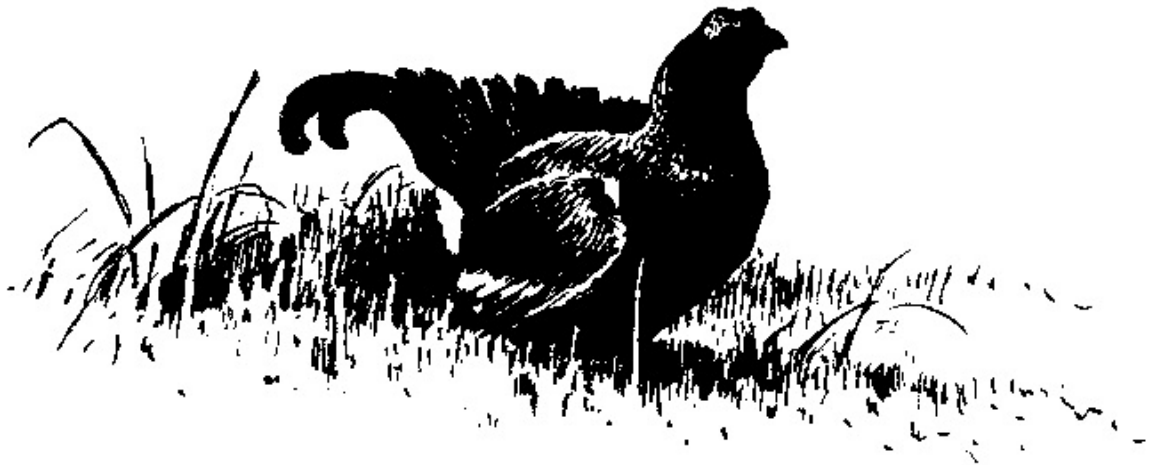

Обширная поляна, открывавшаяся одним краем на пустошь, вся была залита мягким оранжевым светом только что поднявшегося солнца. Длинные лиловые тени деревьев, расплывающиеся вдаль, пересекали ее по всем направлениям. Капли росы, от которой колени и локти мальчика давным - давно промокли, гранями драгоценных камней искрились и блестели на каждом прутике, на каждой почке и хвоинке... Легкий туман всплывал над поляной, а на ее ковре из шапочек кукушкина льна, пепельно - серого оленьего ягеля и буро - красных пятен вереска в разнообразных причудливых и красивых позах токовали и резвились семь бархатно - черных косачей. Ярко - белы были перевязки на их крыльях, кораллово -

красными дужками набухли брови. Из - за светлых берез и сосен, толпой выбегавших на середину сцены, слышались голоса еще нескольких птиц.

"У у - уррруу - урруу - уррру..." — раздув шею и пригнувшись к земле, пробормотал один. Игриво подпрыгнул, звучно хлопая крыльями, чуфыскнул и перелетел к важному косачу с приподнятыми крыльями и веером распущенным хвостом, медленно прохаживавшемуся и приседавшему на холмике. Снежно - белый подбой его круто поставленного подхвостья ярко вспыхивал и зажигался оранжевым светом всякий раз, как птица повертывалась спиной к солнцу. "Не заплата, а зеркало", — прошептал Севка. Владелец холмика вовсе не хотел уступать своего места пришельцу — они остановились друг против друга. Наклонились, надулись, как домашние петухи, подпрыгнули, встретились в воздухе, громко хлопая крыльями, царапаясь ногами, нанося друг другу удары клювом. Изумительная схватка черных рыцарей с белыми повязками, которыми их пестренькие дамы любовались, сид на березе! В левом углу поляны сцепились еще два, третий присоединился к первой паре - свалка завязалась на славу. Трещали, встречаясь, крылья, и три птицы, свернувшись в крутящийся клубок, катались по поляне то в ту, то в другую сторону. Было видно мелькание белых, черных пятен, летели перья того и другого цвета, ломались, качались и роняли росу прошлогодние травинки, задеваемые разбушевавшимися петухами. Солнце вставало над лесом, усмехалось приветливо - ласково, лило свет и тепло. Расплавленным золотом заливало маленьких лесных жаворонков, гордых петухов - победителей и растрепанных, растерянных побежденных.

Севка, не дыша, распростерся в самой невероятной позе, вытянул шею до последней возможности и уцепился одной рукой за можжевельник. В другой он держал бинокль, не спуская глаз с волшебного ковра поляны.

Ружье лежало с ним рядом, мальчик был доволен, что за дальностью расстояния он мог только любоваться птицами, забыв свои обязанности охотника. Вдруг все участники лесного турнира с громким шумом взлетели над поляной. Голубая струйка дыма хлестнула как будто из земли, мелькнуло что - то желтовато - рыжее в кустах на гришиной стороне. Внезапно грохнувший выстрел разом прекратил веселый праздник на просторной площади тетеревиного замка, которым был далеко протянувшийся сосняк. Три поляша испуганно неслись прямо на Севку. Он вскочил и приготовился к выстрелу. Вот они... уже слышен свист торопливо работающих крыльев. Увидели — шарахнулись в сторону, все равно теперь не уйдут! Легкое движение пальца — толчок в плечо — грохот и дым... Три косача продолжают лететь. "Эх, была не была! Ну - ка, из левого..." — Севка вновь вскинул ружье, снова грохот, толчок, облачко дыма, задний из трех наискось падает в лес.

"Готово!" — с довольным видом произнес Севка и бросился было искать сбитую птицу, но вспомнил уроки отца. Вынул пустые патроны, продул стволы, вложил новые заряды и только тогда побежал по замеченному направлению. Нелегко отыскать в зарослях вереска неподвижно лежащую птицу, даже так ярко окрашенную, как тетерев - косач, прошло минут десять, прежде чем Севка натолкнулся на свою жертву.

Тетерев лежал на брюшке, красиво изогнув шею. Лирообразный хвост, так недавно пленявший тетерок на поляне, был собран и смят, крыло с его белыми полосами — полураспущено. На шее и голове местами недоставало перьев и виднелись шрамы — отличия бойца. Темно - синий отлив оперения груди и большие ярко - красные, круто изогнутые брови придавали птице величественный и несколько гордый вид. В то же время было что - то жалкое, тоскливое в этом глазе, полузакрытом прозрачной пленкой, в клюве, окрашенном кровью... "Гришааааа! Ого!" - крикнул Севка. В его душе еще боролись два различных чувства. Маленькое торжество охотника, сделавшего хороший выстрел, и сожаление о том, что по его вине стало трупом это красивое живое существо, так радостно, так бодро встречавшее рассвет своего последнего дня.

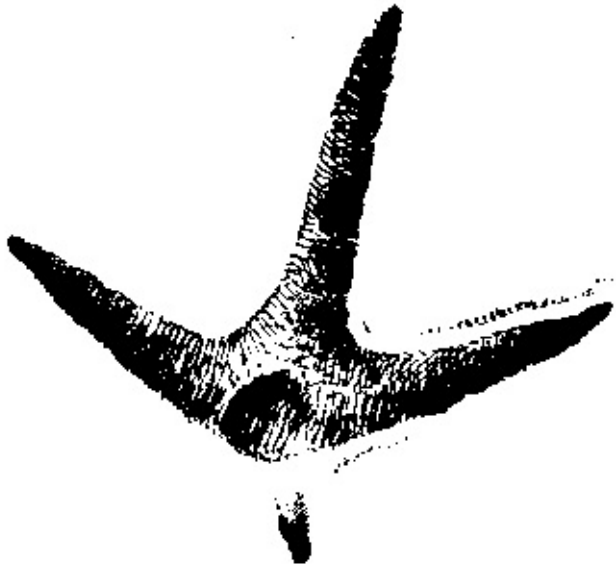
Гриша не замедлил появиться, на ходу забивая заряд в свою шомполовку. Он издали кричал о каком - то происшествии. "Да мы с тобой с ума сошли, — вдруг спохватился Севка, — орем на току, как бабы на ягоднике". Он заимствовал у отца это сравнение. "Тоже натуралисты! Нырнем вот за этот можжевельник!" Оказалось, что Грише было от чего взволноваться. Когда он лежал, наблюдая тетеревов, впереди, шагах в тридцати, мелькнуло что - то рыжее, и он вдруг увидел... "Кого, ты думаешь? — Лисицу! Она медленно кралась и пользовалась каждым кустиком, каждым пнем, как прикрытием, чтобы подобраться к тетеревам! Я - то обрадовался. Вот, думаю, посмотрю картинку, когда она сгребет поляша! А лиса, понимаешь, меня вдруг учуяла, что ли, как вскочит, да кинется обратно! Я не выдержал, пустил ей вдогонку из правого, ну, и... конечно, продул".

Тетерева снова появились на току минут через двадцать после того, как замолкли голоса людей. Но играли уже без увлечения, "вразнобой", как говорят охотники, — далеко один от другого. Севка очень опасался, не убил ли он "токовика" — без главаря ток надолго делается недружным, беспорядочным, а иногда и совсем рассыпается. Чтобы подзадорить и подманить косачей, мальчишки начали чуфыскать и хлопать ладонями по краям курток, подражая звуку крыльев дерущихся петухов. Это удавалось легко. Тетерева на некоторое время оживились, но вскоре замолкли и стали разлетаться следом за курочками, вместе с которыми проводили день.

Солнце поднялось высоко, птицы проголодались, пришло время прекратить турнир до вечера, когда игры начинаются снова.

Друзья осмотрели токовище, собрали белые и черные перья, лежавшие среди вытоптанной площадки. Зарисовали следы косача, пересекавшие

маленький сугроб снега, и отпечаток лап, видневшийся на кучке мелкого песка, когда - то выброшенного кротом из его подземной галереи. Гриша обратил внимание на то, что всюду у токовища ростки с бутонами сон - травы были склеваны. Ребята не сомневались, что это дело тетеревов, но удивлялись их странному вкусу: довитые свойства этого растения хорошо известны. Помет тетеревов состоял из сережек березы и зеленых ростков травы.

След тетерева

Большой сорокопут

VIII. Испытание

"Теперь к лосиному следу! Кто первый найдет — тот свободен; а второму — обед варить..." Ребята отыскали вчерашнюю дорогу и пускались на хитрости, забегая один вперед другого. В это время большой сорокопут привлек их внимание. Пришлось вынуть бинокль и записные книжки. Птица сидела открыто на вершине тонкой березки. Белая грудка четко рисовалась на фоне неба, которое медленно заволакивали рыхлые тучи. "Гришка! Что за безобразие!" — деланно возмутился Севка и негодуя покачал головой: перелистывая Гришин альбомчик, он обнаружил на предпоследних страницах два рисунка токующих тетеревов и начатый набросок лисицы. "Изрисовывает целые альбомы да еще не показывает. Я тебя больше брать не буду". — "Э, брат, не очень нужно! Я и один сюда доберусь!" — задорно отвечал младший. У него была хорошая зрительная память; нередко он делал точные наброски животных спустя несколько часов после наблюдений. Сорокопут сидел неподвижно, нахохлился и как будто вяло посматривал по сторонам. Севке уже несколько раз случалось наблюдать этих птиц во время пролета, и он знал, что апатичность маленького хищника — только кажущаяся. Стоит ящерице или мыши появиться хотя бы в двадцати шагах от него, и зоркий глаз уже заметит жертву. Как ни помогает ей скрыться защитная, маскирующая окраска, сходная с цветом сухого листа, несчастная через мгновение будет биться в жестоком клюве. Он налетит ее на острый сучок, чтобы растерзать по кусочкам или оставить про запас. Эти — то запасы — лягушата, полевки и землеройки, реже птички, наколотые на сучки, заткнутые в развилки ветвей, загнанные в расщепы обломанных вершин, нередко обезглавленные, так как мозг жертвы — лакомство для сорокопута, — были известны Грише гораздо лучше, чем птица, обладавшая такой своеобразной привычкой. Он мог бы похвастаться многими зарисовками таких жертв, ему тем более интересно было познакомиться с сорокопутом в обстановке его оседлой жизни.

Землеройка — запас сорокопута

Ребята перестарались — подкрались слишком близко; испуганный сорокопут слетел. Нырнул с вершинки вниз почти до земли и полетел на небольшой высоте характерным волнистым полетом. На лету стала хорошо заметна пестрота наряда сорокопута: сочетание белого, черного и серого цветов. У ближайшей группы деревьев птица круто поднялась от верхушек сухих травинок, которых почти касалась на лету, до макушки березы, где и уселась, нахохлившись как всегда. Солнце глянуло из-за туч, когда друзья подобрались к сорокопуту вторично. Они услышали, что он поет, вполголоса, как будто только для себя самого, не считаясь с присутствием слушателей. Голос этой птицы оказался очень чистым и приятным, но песня отличалась теми же качествами, что и у скворца. Все лучшее в ней было заимствованным. Друзья без труда различили грустные крики нескольких видов куличков, дальше шла какая-то путаница из голосов неизвестных птиц, в которую вплетались бляние ягненка и скрип ведер, качающихся на коромысле. Сорокопут был зарисован. Он перелетел к следующей группе деревьев, совершая обычный путь по своим охотничьим владениям.

Обезглавленная полевка — запас сорокопута

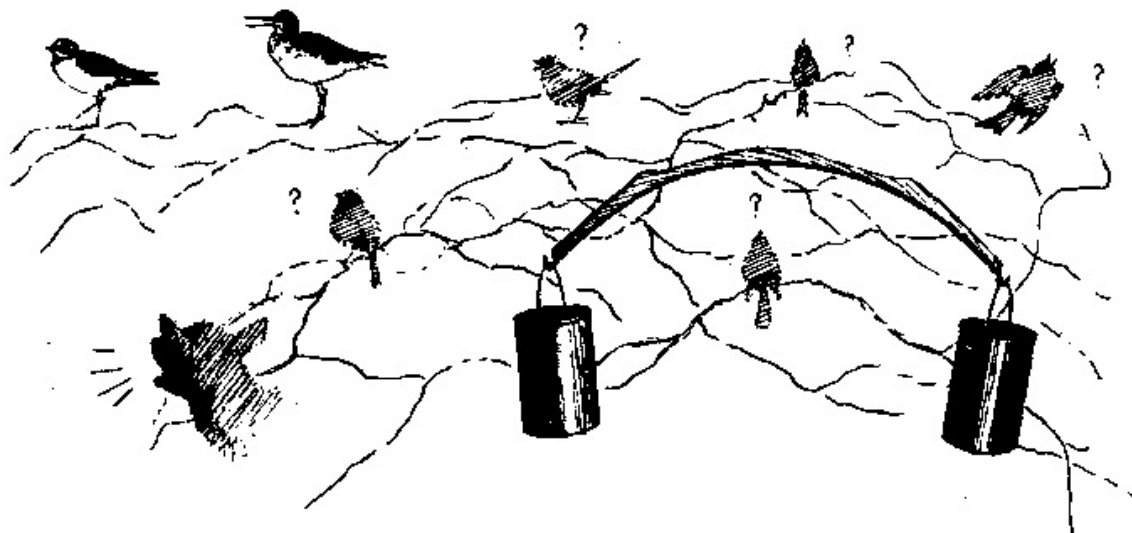
Ребята продолжали поиски лосиного следа и долго бродили, прежде чем нашли отпечатки копыт, достаточно отчетливые, типичные, достойные быть увековеченными в альбомах. Судя по следам, лось на бегу пересек тропинку, направляясь через молодой сосняк, и только километрах в двух отсюда шаги зверя укоротились, следы стали давать мелкие извивы, делать повороты: он начал подходить к осинкам — кормиться. Многие мелкие ветви осин были обломаны и съедены полностью. Гриша вскоре заметил, что кругом, на большом расстоянии, нельзя найти ни одной осины с неповрежденными ветками на высоте от одного до двух с лишком метров.

Молодые ивы и рябинки тоже были сильно повреждены.

Полет большого сорокопута

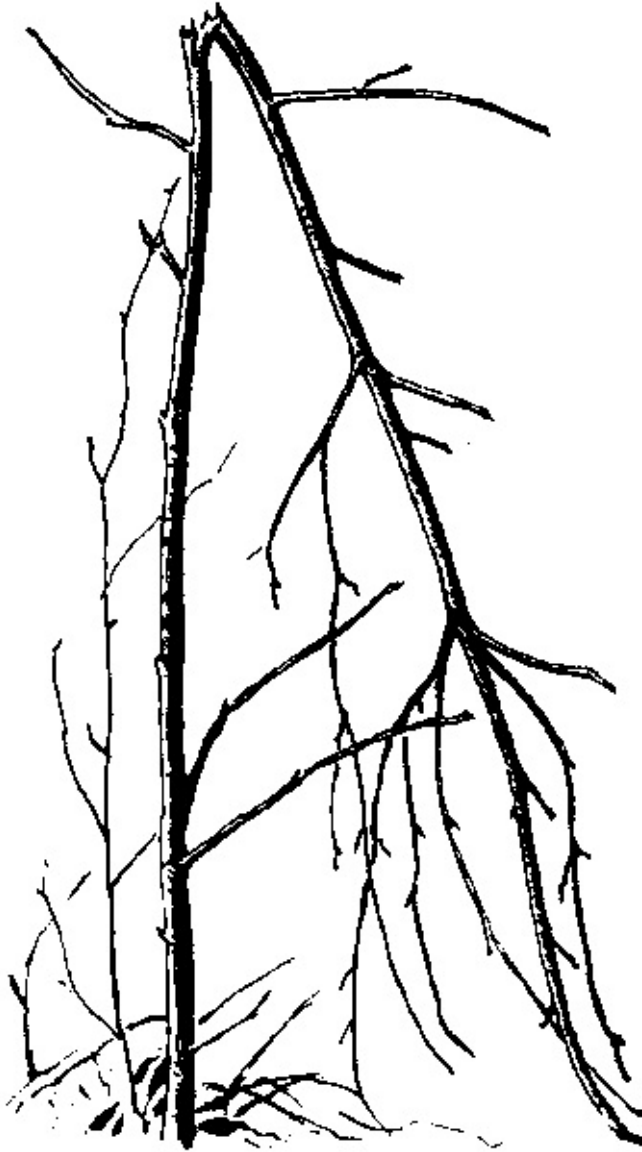

Песня большого сорокопута

Многие стволы и ветви имели потемневшие, засохшие изломы, сделанные в предшествующие годы. Этот глухой уголок был, видимо, излюбленным местом зимних лосиных стоянок. Несколько дальше ребята заметили ярко - белую полосу на стволе дерева — здесь лось ободрал и

обглодал сочную осиновую кору от земли до той высоты, куда даже Севка не доставал рукой — "богатырь лесов" был немалого роста.

Следы привели мальчиков к большой падине с болотцами, группами камыша и густыми зарослями молодого чернолесья. Здесь нашли место, где лось лежал, отдыхая. Туловище зверя, его согнутые колени оставили вдавленный отпечаток на мягких мхах и опавших листьях. Тут же была большая куча лосиного помета — целые десятки продолговатых "орешков", похожих на большие бурые желуди. "Кормится ветками и корой, как заяц - беляк; выбирает горьковатые деревья. Отдыхать ложится не на чистом месте, а в зарослях". Так подытожили свои наблюдения юные натуралисты и продолжали идти вдоль падины, затаив надежду повстречаться с виновником их последних скитаний. Но леса умеют скрывать своих питомцев, и друзья расположились обедать, так и не увидев "богатыря лесов". Обоим было жаль ощипывать наряд красивого тетерева - они решили пока удовлетвориться жидкой кашницей с горсточкой сухарей и чашкой горячей воды, сильно пахнувшей болотом.

Рябинка, сломанная лосем при объедании ветвей зимой. Летом лось ощипывает листья, не откусывая ветвей и не ломая стволы

Погода, хмурившаяся с полдня, резко изменилась к худшему. Мелкий дождь изредка брызгал из низких облаков, когда каша еще не начинала кипеть, а по окончании обеда дождь серой завесой окутал окрестные леса. Непрерывно шуршал по старым листьям и хвое, монотонным шумом напоминая об осенних ненастьях. Уныние прокралось в сердца ребят. День померк, над густыми испарениями, спеленавшими землю, опускались угрюмые, преждевременные сумерки. Лес потемнел, замолк и насупился... Капли воды четками повисли на каждой ветви, пение птиц прекратилось; они попрятались так, словно их не было. Друзья забились под большую

густую ель и с подветренной стороны прижались к ее смолистому стволу, совсем так, как делал их сосед — зяблик, измокший, нахохлившийся, старавшийся скрыться под толстым сучком. Почти час просидели они здесь — непогода не прекращалась и, скрепя сердце, мальчики двинулись к Настану долу. Дождь на вечерней заре не всегда предвещает непогоду на утренней, слабая надежда на глухариный ток еще не была потеряна.

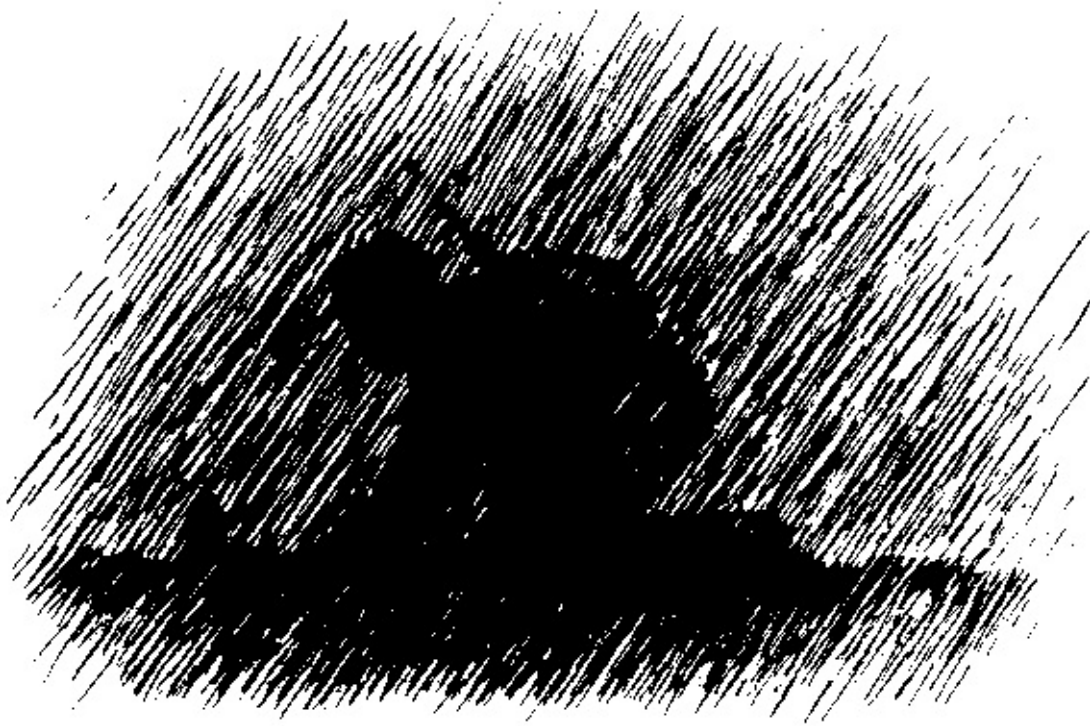
Кому приходилось видеть, как теплый весенний дождь сгоняет остатки снега, "съедая" его на глазах у наблюдателя, тот не удивится, что друзья во многих местах не нашли ни малейших признаков своих следов, проложенных утром. Это незначительное обстоятельство сильно смутило обоих. Восстановить свой путь по компасу они не имели возможности, так как шли тогда по воле извилистой лосиной тропы. Много сил и стараний потратили ребята на разыскивание дороги. Они кружились туда и сюда, находили свой след, теряли его, снова находили. То возвращались, то бросались вперед, давали круги и вправо и влево — все понапрасну! Густа темнота, сменившая сумерки, застигла их растерянными, беспомощными, потерявшими надежду куда - либо выбраться, среди совсем незнакомых мест в непроходимой чаще молодняка, которая не могла укрыть от дождя, с каждой минутой становившегося все более частым, крупным и злым. Куртки намокли и отяжелели. Повешенные вниз стволами ружья цеплялись и бились о деревья. В беспросветной мокрой мгле ночи мальчики, стиснув зубы, лезли по каким - то трупам, брели по лужам, проваливались в ямы. Скользкие ветви, прегражда дорогу, больно хлестали в лицо злополучным путникам, то и дело налетающим на деревья, падавшим, поднимавшимся и упорно продолжавшим врезаться в зловещую, темную глубину неведомого леса.

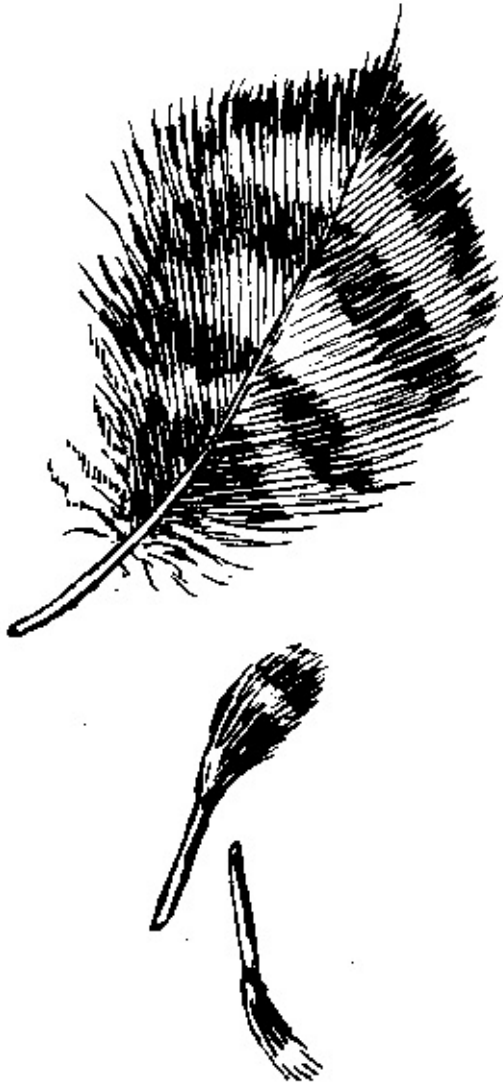
Ветер гудел, шатая вершины одиноких сосен, свистел в щелях ветвей, и жестокий дождь, словно мстя за что - то, лил и лил непрерывно.

Жители города мало привычны к подобным невзгодам. Ребята не имели ни настоящей охотничьей закалки, ни достаточного опыта. Оба начинали терять присутствие духа. Гриша почти плакал. Севка временами переставал соображать от бессильной злобы на неудачу.

Куртки промокли, холодная вода, добравшись до тела, струйками стекала по плечам и спине; мальчики озябли и дрожали, стуча зубами. Гриша измучился настолько, что все казалось ему страшным сном. Потом впечатления потеряли свою остроту. Как в дремоте, он брел, безучастно следя за смутными силуэтами деревьев, машинально шагал, падал и поднимался, почти не слушая Севки. А тот твердил, что нужно добраться до крупного леса, развести костер во что бы то ни стало. Но когда

мелколесье окончилось, они увидели, что пришли на большую пустынную гарь, где бешеный ветер ревел без удержу и дождь хлестал прямо в лицо. Жестокая насмешка! Хуже этого ничего нельзя было придумать. Друзья в нерешительности остановились. Возвращаться назад не имело смысла — они двинулись навстречу ветру без всякой надежды хоть чем - нибудь облегчить свое положение. И вдруг... о радость! Гриша попал ногой в колею дороги, проходившей в нескольких саженях от опушки. Но куда идти: направо или налево? "Пойдем направо — не все ли равно!" И снова две тени, одна за другой, побрели под проливным дождем, спотыкаясь о кочки, нащупывая дорогу ногами или иззябшими руками, отыскивая ее колеи среди холодных луж, полуистлевшего хвороста и травы.

Перья молодых тетеревов

Казалось, целую вечность прошли они, прежде чем облик местности изменился: дорога привела их в давно сгоревший бор, дальше шли поляны, чернели столбы, гудел высокий лес, а перед лесом мутным пятном маячила какая - то приземистая постройка. "Смотри - ка, должно быть землянка углежогов!" — не веря глазам, произнес Севка, направляясь к таинственному жилью. Постройка оказалась низенькой, с разбитой дверью и сильнейшим запахом дыма. Мальчики ввалились в сенцы. Гриша взвел курки ружья, а Севка чиркнул спичкой и осветил эту "избушку на курьих ножках". Торжество ребят не имело границ, а дымный аромат сразу нашел объяснение, когда постройка оказалась баней с сильно покосившимися гнилыми стенами. Крыша протекала в нескольких местах, печь - каменка развалилась. Примятая охапка сена лежала на полке, где русские люди

имеют обыкновение париться. "Ого! Да тут, брат, и постель уже готова!" — воскликнул повеселевший вожак. "Уж не баба ли яга нежилась на этом прекрасном ложе? — добавил он, зажигая бересту, предусмотрительно собранную еще днем. — Гришка, ты, наверное, не прочь зарисовать следы ее ножек?" Они уже начинали шутить. Ночные блуждани остались позади и казались теперь забавным приключением, хотя оба еще тряслись от холода. Среди сена, разбросанного по полу, они нашли несколько окурков и в темном углу — перья тетеревов с мягкими бородками, не вполне вышедшими из чехликов. Севка многозначительно промычал при виде этих красноречивых следов и, заметив несколько рыжих волнистых волос в расщепленном торце бревна, восстановил всю картину. Не они первые нашли приют в этой бане; прошлым летом, после сенокоса, точнее, в начале августа, когда линяют молодые тетерева, здесь останавливался охотник с большой желто - рыжей собакой и одноствольным ружьем. Следы ружья были на закопченной стене. "А баба - яга еще не нашла сюда дороги..."

Развести костер на почерневших камнях печки было делом одной минуты. Добывание топлива осложнялось тем, что приходилось вылезать под дождь и в темноте собирать валявшиеся на поляне обломки. Утром выяснилось, что они остановились на пепелище хуторка, когда - то захваченного сильным лесным пожаром, пощадившим одну только старую баню.

Едкий дым начинал наполнять тесное помещение. Сизыми слоистыми волнами он плавал сначала под крышей, заставив друзей согнуться, затем опустился до уровня полка, вынудив мальчиков ползать на четвереньках, и, наконец, достиг пола. Он щипал и разъедал несчастным глаза, забирался в легкие, заставляя кашлять, чихать, обливаться слезами, смеяться, снова плакать и ругаться. Наконец друзья не выдержали и выскочили под дождь. Только заткнув сеном все дыры, щели и оконце, мальчики добились того, что дым поредел и прямо от костра потянулся через двери на волю. В бане потеплело, друзья протерли ружья, скинули куртки, сушились, обогревались и начинали дремать. Гриша, забравшись на сено, вскоре заснул. Севка, еще не вполне просохший, сидел у огня, грелся и клевал носом. За стеной бушевала непогода, лес скрипел и стонал при каждом порыве ветра, торопливый дождь хлестал так, словно наступили дни потопа...

IX. Западня. Дождливый день. Новое пристанище

"Севка... Севка!.." — ответа не было. Гриша, проснувшийся от холода, еще раз скользнул рукой там, где должен был спать его спутник. Место было пусто, сено — совсем холодное. Видимо, мальчик исчез давно. "Севкаааа!.." — в ответ слышался ровный, однообразный шум дождя да мрачный гул леса. Огонь угас, баня была погружена в полную тьму. Гриша слез с полка, обулся и зажег клочок сена — ружье Севки стояло на месте, а самого его не было. Гриша раздул огонь, посидел у костра, решив, что Севка отправился за дровами, но прошло минут пятнадцать — пропавший не возвращался. Десятки предположений, одно другого мрачней, замелькали в мыслях мальчика. Он взял ружье Севки, как более надежное, его патронташ и вышел из бани.

Дождь лил, как и раньше, небо заметно посветлело, видимо, близился рассвет. Мальчик присел, чтобы окружающие предметы яснее вырисовывались на небе. Кругом торчали лишь черные, обуглившиеся столбы, дальше виднелись расплывчатые очертания берез и темный, беспокойный лес. Людей не было и следа... "Севкааааа!.." — "О - гооо, Гришаааа!.." — послышался ответ откуда - то снизу, точно из - под земли. Обрадованный мальчик кинулся на голос. "Тише... тише, а то полетишь!" — кричал невидимый Севка. "Где ты?" — "Здесь, смотри под ноги, не задави меня!". Он, действительно, скрывался под землей, в глубоком и тесном колодце с гнилым, трухлявым срубом. Там на дне он топтался и барахтался в кучке снега, не имея сил вылезти на поверхность. "Как ты сюда попал?" — "Как, как, — передразнил Севка. — Тащи скорее жердь какую -нибудь, замерз я — крыши - то ведь нет!"

Жердь была принесена, и мокрый, иззябший Севка заковылял к бане, рассказывая другу, как было дело. Оказалось, собирая ночью дрова для потухающего костра, он подошел к большому черному пятну, которое принял было за кучу обломков, наклонился и только протянул руку, как почувствовал, что падает, ударился обо что - то головой и потерял сознание. Очнулся он в этой яме, когда - то служившей хуторянам погребком, от боли в ноге, от холода и дождя, падавшего на лицо. Попытки выбраться были неудачны: сруб разваливался, рассыпался под руками, да и

боль в ноге сильно мешала — мальчик растянул сухожилия ступни. "Кричал, кричал, охрип только... Разве такого, как ты, разбудишь!"

Они снова натопили свою избушку и залегли спать: оба измучились за эти два дня. Дождь, по всем признакам, "зарядил надолго", и заря не сулила никаких радостей.

Утро этого "третьего дня в лесах" проснулось серым, мокрым, тоскливым. Ветер почти затих, дождь то переставал, то снова с ожесточением принимался барабанить по крыше. Мальчики проголодались и с приготовлением завтрака провозились первую половину дня. Гриша отправился на разведку, пока Севка обдирал шкурку с тетерева, чтобы набить ее по приходе домой, а мясо сварить для обеда и ужина.

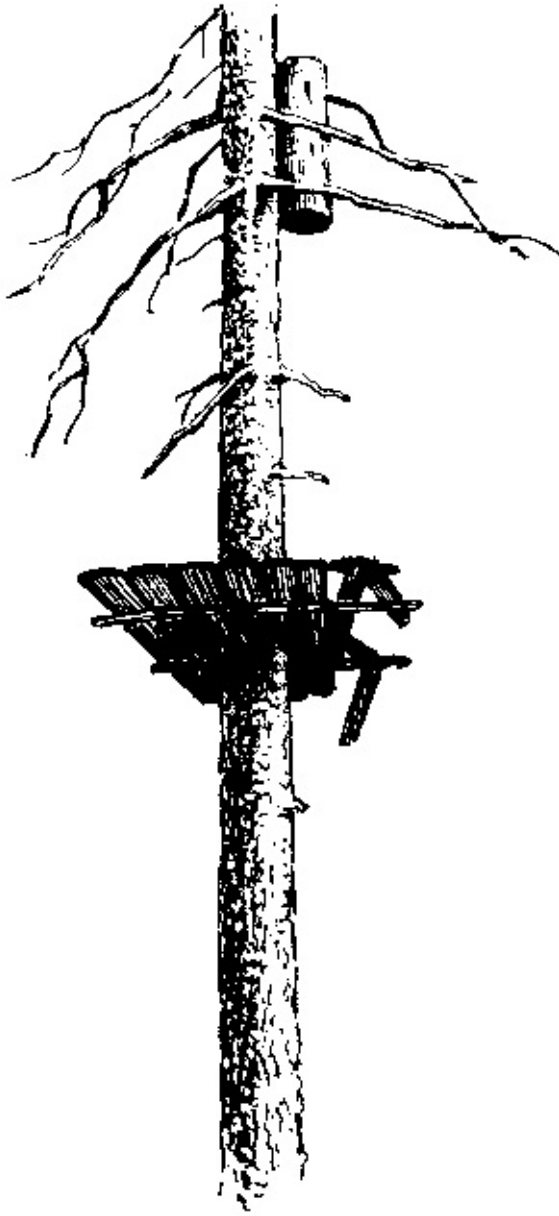
Гроза краснелесья — пожар, когда - то истребивший тысячи гектаров сосняка на запад от бани, одним краем захватил хуторок, сравнял его с землей и остановился у поляны с болотцем, тщетно пытаясь перекинуться к старому бору, куда сейчас направлялся мальчик. Высокоствольный сосновый лес без подседа, всегда поражает малочисленностью птичьего населения. А в этот серый дождливый денек Гриша прошел километра два, не встретив даже и признаков жизни. Намокший и унылый мальчик оживился, когда лес помельчал, и темная зелень елей с подседом из липок, осин и берез глянула из - за желтых стволов сосен. Здесь молча перелетал дятел, с полянки поднялся рябчик и копошились в ветвях синицы, стряхивая дождь брызг при каждом движении.

Снег оставался в немногих местах лишь там, где он отличался особенной плотностью. Потемневшая, покрытая мхом, напитанная водой почва податливо сминалась под ногой, но сейчас же упруго расправлялась и след пропадал. Чтобы не заблудиться, Гриша шел по компасу и делал на деревьях зарубки. Громадная сосна с оголенным толстым стволом и большой шапкой ветвей у вершины служила первой естественной меткой на пути. Почерневший улей для диких пчел — колода, как его зовут пчеловоды, был прочно привязан на высоте двенадцати метров к мощному стволу этого дерева. Ниже уль виднелось странное сооружение из толстых досок, сколоченных в форме квадрата, плотно охватывающего сосну.

Много позднее Гриша узнал, что деревянная площадка называется "кроватью". Она служит улью защитой от медведей — больших любителей меда. Мальчик пожалел тогда, что не догадался в свое время поискать следов когтей на коре дерева. Одна сторона "кровати" была поломана, в чем едва ли стоило подозревать хозяина улья. Полугнилые стенки колоды во многих местах были пробиты дятлами. Прутья, мочало и мох торчали из этих отверстий. Снизу они были едва заметны. Гриша еще не подозревал,

что покинутый пчелами улей — удобный кров для любого из питомцев леса, ищущих покоя в уютном дупле. Четвероногие, начиная от куницы, белки, летяги, кончая летучими мышами, живущими колониями, многие пернатые — утки, нырки, совы, сычи, кобчики, черные и зеленые дятлы до маленьких гаичек и хохлатых синиц включительно, крупные шершни и мелкие осы - все находят себе кров в темной камерке, пропитанной запахом меда и воска, если в лесу недостаток естественных дупел. Звери, птицы и насекомые, по очереди захватывая улей, сменяются тогда в самых причудливых сочетаниях. Иной седобородый владелец рассеянных по лесам колод и бортей^[11] только руками разведет да плюнет с досады, когда из летка улья, рискуя запутаться в его бороде, кинутся десятки "поганных" летучих мышей или вылетит, чуть не в лицо, большеглазая серая сова.

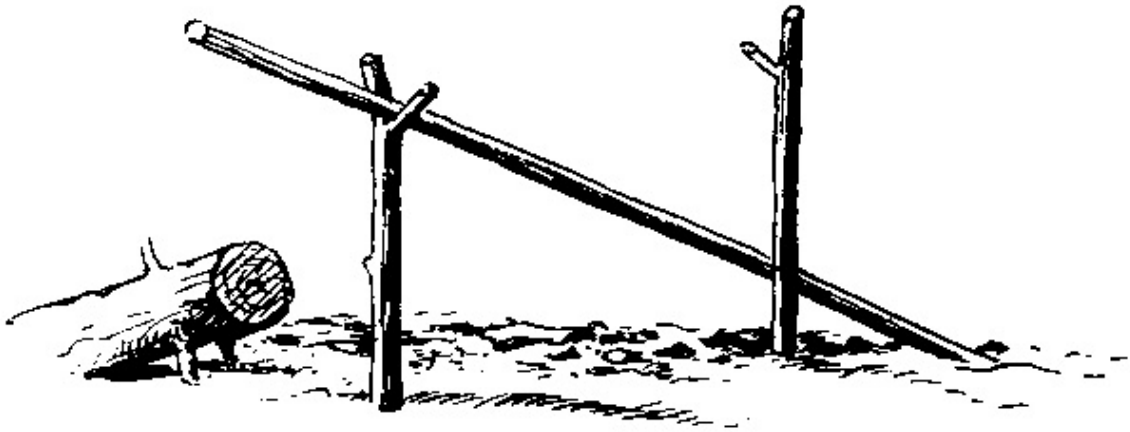

Улей для диких пчел — колода

Сосна была в три Гришиных обхвата, улей висел высоко; чтобы добраться до него, пришлось бы сильно потрудиться. Мальчик походил, походил вокруг и отправился дальше, держа на восток. Вскоре он натолкнулся на узенькую, еле заметную тропинку и, следуя ей, вышел к небольшой вырубке с пятью заросшими квадратными ямами. Видимо, здесь когда-то "жгли уголь". Мальчик решил поискать землянку и, пройдя еще несколько вырубок, натолкнулся на холмик, оказавшийся насыпью над крышей врытой в землю небольшой уютной зимницы. Жилье пустовало,

Грише казалось, что все люди повымерли в этих забытых лесах. Тщательно осмотрев обстановку, он неожиданно натолкнулся на следы человека. Вблизи постройки между двух свежесрубленных, прочно вбитых рогулек было кострище, размытое дождем. Вальдшнеп, одна из самых скрытных птиц леса, что - то разыскивал здесь в земле. Глубоко запуская в нее свой длинный клюв, он оставил по всему кострищу ряды ровных дырочек, обративших на себя внимание мальчика. Гриша не мог подыскать им объяснения.

В землянке оказалось много сена; крыша, дверь и стены были в полном порядке. Других подробностей он не разобрал, так как позабыл спички, а в помещении царил темнота. Около входа лежала большая куча дров и хвороста. Зимница^[12] обладала множеством преимуществ по сравнению со старой баней. Спугнув поблизости отсюда двух вальдшнепов, он вышел на окраину большой падины, очень похожей на осмотренную вчера. Здесь Гриша натолкнулся на столь свежие следы громадного лося, в которых смятый кукушкин лен еще не успел расправиться и поднимался на глазах, что опрометью кинулся к "банному становищу", чтобы сразу сюда вернуться.

Севка провел очень скучный день: боль в ноге мешала ему двигаться. Занимаясь стряпней, он выходил только два раза из бани, чтобы набрать воды из болотца. Здесь урчало множество лягушек; сюда же опустился неизвестно откуда взявшийся кулик - черныш. Он побегал по грязи, потом заметил мальчика и насторожился, отбежал в сторону, остановился. Покачал белым хвостиком, почесал лапкой за ухом, опять покачал хвостиком, но, решив, что, пожалуй, все - таки лучше улететь, испуганно крикнул "ки - ик - киииик" и скрылся за лесом. Яркое, белое надхвостье, резко выделяющееся между темных крыльев этого кулика, невольно бросилось в глаза наблюдателю. Оно заставило его задуматься над тем, нет

ли какой - либо связи этой окраски с необычным образом жизни черныша.

Этот кулик гнездится по берегам лесных водоемов, проводит начало лета среди деревьев, откладывает яйца в дуплах, в брошенных гнездах белок и дроздов, откуда в лапках переносит птенцов на землю. Его ближайшие родичи выводят детей на кочках, на земле, преимущественно по открытым, травянистым берегам болот. Севка хорошо знал рассказы Э. Сетона - Томпсона, доказавшего значение белой окраски хвоста для кроликов и оленей. У них — это значки, облегчающие поиски друг друга членам одной семьи и стаи. Севка был готов применить это правило и к птице, оживленно снующей в ночной темноте по берегам лесных речек. Он упускал из виду, что у многих родственных чернышу птиц, живущих открыто, окраска хвоста также светлая.

По возвращении Гриши тетеревиный суп был уничтожен, и друзья покинули старую баню, принявшую их в прошедшую ночь. Севка забыл про боль в ноге, когда узнал о свежих следах лося, и не отставал от Гриши. Дождь прекратился. Издалека слышалось бормотание тетерева, но вскоре заглохло. По охотничьим приметам вечернее токование могло обещать на завтра хорошую погоду.

День уходил, сменяясь тусклыми сумерками, в воздухе похолодало... Тонкая струйка душистого дыма от зажженного костра медленно потянулась мимо зимницы к сумрачному небу. Словно испугавшись его неприветливости, она покорно склонилась вниз и расползлась по лесу, наполнив голубой мглой все низины и промежутки среди деревьев. Начало слегка темнеть. Дрозд - деряба нерешительно просвистел несколько флейтовых отрывков песни и юркнул на ночевку в густые ветви елок. Севка наградил его эпитетом "сумасшедшего", считая, что на "такое неблагоприятное поведение весны", как погода последних дней, птицы должны ответить полным прекращением песен. Гриша собирался на тягу вальдшнепов, заранее высмотрев удобное для стрельбы местечко у одной из вырубок. "Запасы мяса" исчезнут сегодня во время ужина, необходимо озаботиться их пополнением. Севка, как худший стрелок, к тому же с больной ногой, оставался за кашевара. У зимницы пылал большой костер, потрескивали дрова, летели искры. Севка считал, что испуганные светом вальдшнепы здесь не полетят. Он сидел в стороне от ружья, когда в сумерках раздалось знакомое короткое и резкое "циканье"; к нему присоединилось хриплое, более слабое "хорканье" - нечто вроде "пси - квооог - квооог - псии". Темный силуэт вальдшнепа с красиво опущенным носом быстро проплыл прямо над костром, почти касаясь вершин деревьев.

Справа опять донеслось похожее на писк дрозда, далеко слышное циканье, приблизилось, сменилось глухим гортанным хорканьем, и второй вальдшнеп протянул тоже над зимницей. Кашевар не вытерпел, схватился за ружье, взвел курки и встал у костра в ожидании. Ага, летит! "Псии - псии...хооог - хооог - псии" - ближе и ближе раздаётся хорканье. Вот он, весь распушившись, приподняв перья, отчего кажется гораздо большим, чем есть на самом деле, потянул прямо на огонь, то скрываясь, то появляясь из-за вершин. Он летит трепеща - весь воплощение зрения и слуха; следит за темной плывущей внизу леса, ждет, что нежный голос самки позовет его к земле.

Кулик - черныш

"Хооооооо" — тяжело охнул выстрел, мигнула полоска огня, эхо грубо разбудило лес. Срезанные свинцом кусочки веток брызнули по воздуху, судорожно взмахивая растрепанным крылом, жалкий камушек - вальдшнеп повалился вниз, ударяясь о ветви. Пестренькое перышко и мелкие пушинки долго кружились в воздухе, не зная, куда опуститься. Пахучее облако порохового дыма медленно льнуло к земле и поредело, повиснув на пнях и хворосте. Дважды выстрелил Гриша, видимо, и мимо него летели вальдшнепы.

Севка шуршал листьями и, наклонившись к земле, уже несколько минут безуспешно разыскивал птицу, как вдруг около ног услышал какой-то странный сдавленный звук. Вальдшнеп сидел у пенька под сухими папоротниками. Он приподнял и веером распустил хвост, свесил крыло, полуоткрыл клюв; его большие прекрасные глаза смотрели вперед, но,

кажется, ничего уже не видели. Странное всхлипывание, совсем непохожее на голос птицы, было сдавленным стоном, исходившим откуда - то из ее груди, быть может, залитой кровью. Этого еще не доставало! Севку терзали тайные угрызения совести каждый раз, когда приходилось поднимать еще теплую, но уже неподвижную птицу. А добивать подранков для него, начинающего стрелка и страстного любителя птиц, было тяжелым испытанием, самой, пожалуй, темной стороной увлекательного охотничьего спорта.

Над темными вершинами по - прежнему тянули вальдшнепы. Хоркали, цикали, гонялись друг за другом, затевали ссоры. Привлекаемые светом огня, проносились над костром, мелькая через него, как красные тени, чтобы через мгновение исчезнуть за туманным и сырým лесом по сильному и радостному зову.

Севка вернулся к костру, где котелки давно уже выкипели более чем наполовину, сел на пенек и задумался. Сколько раз он давал себе слово не брать в руки ружья и столько же раз не мог удержаться от выстрела! Охотничья страсть опять неудержимо овладевала всем его существом и подавляла голос жалости. Оставалось лишь жгучее желание овладеть той птицей, тем зверем, которых он так любил за каждый их звук, за каждое движение. Ружье само скидывалось к плечу, а выстрел, приносивший смерть, снова вызывал мучительные раздумья.

Гриша тоже вернулся расстроенным — сбил двух вальдшнепов, но не мог разыскать. Молча поужинали и легли спать на нарах зимницы, каждый со своим ружьем. Но, видно, так повелось, что ни одной ночи ребятам не удавалось провести спокойно. Лишь только дремота сладким туманом окутала сознание, как зимница наполнилась шорохом, шумом. Как живое, зашевелилось сено, и маленькие существа забегали по полу, мягко топа лапками. Дремоты как не бывало. Ребята горели желанием познакомиться со своими сожителями и, лежа на нарах, разом освещали зимницу с двух сторон. Торопливый шорох был ответом на чирканье спичек. А когда свет добирался до темных углов, все уже было спокойно — зверьки сидели глубоко в своих норках. Свет потухал, а расползающаяся темнота снова наполнялась оживленным снованием невидимок. Так повторялось несколько раз. Быть может, для зверьков это было только забавной игрой в прятки, но мальчики рисковали остаться без спичек. Им пришлось признать себя побежденными. В последний раз Севка зажег бересту и, тщательно осматривая пол, нашел несколько обгорелых половинок печеного картофеля, из которых зверьки аккуратно выгрызли всю мягкость. Наверно, эти обуглившиеся в золе корочки были остатками обеда человека,

оставившего у зимницы рогульки своего костра. Мальчики с самого начала предполагали, что здесь был охотник. Они торжествующе воскликнули: "Ага!", когда на стене, под деревянной спицей, отыскали довольно свежие следы крови и перь глухаря. Охотник приходил на ток; значит, токовище где - то поблизости. Ребята заснули с мыслью, что завтра же примутся за поиски.

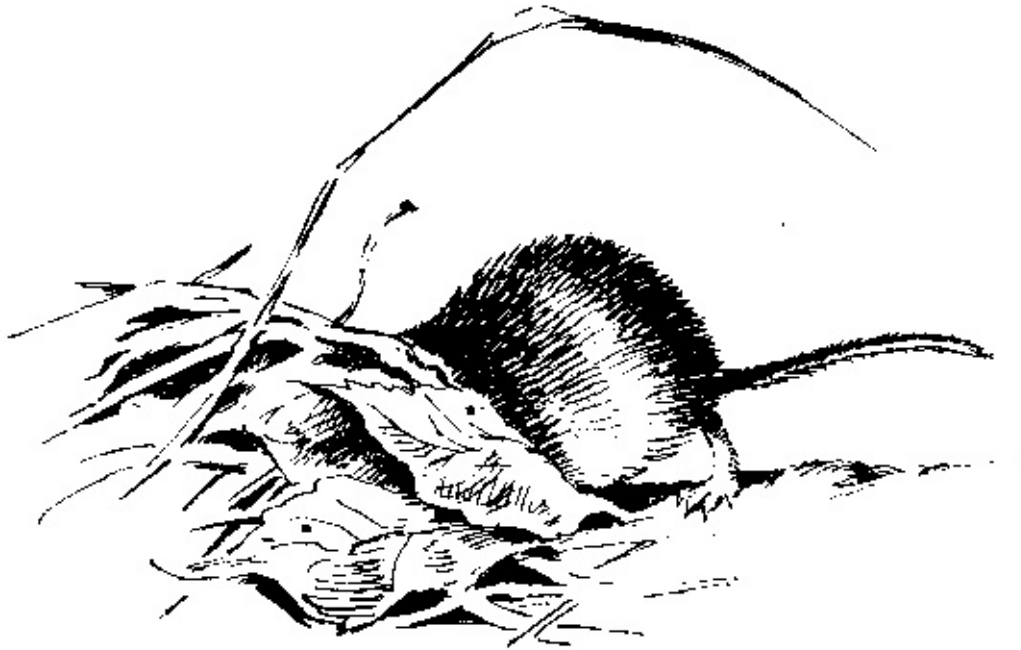
Х. Снежное утро

Шел мокрый снег, чередуясь с дождем, и почерневшие деревья мерно кивали вершинами от порывов ветра, встречая Гришу, выползшего из зимницы и протиравшего глаза. Небо было тусклое, серо - свинцовое со всех сторон. Мальчик затруднялся сказать, вошло солнце или нет. Бормотавший вчера тетерев не оправдал охотничьей приметы и связанных с нею надежд. Погода совсем испортилась. К тому же друзья проспали — разыскивать ток было уже поздно. Четвертый день охоты начинался неудачами.

Дрожа от холода, Гриша умылся ледяной водой и, взяв ружье, отправился на поиски убитых вальдшнепов. Птицы пропали, быть может, унесенные каким -нибудь хищником. Внимательно всматриваясь, охотник последний раз обошел место, где вчера упала его добыча.

Маленький зверек, рыжевато - бурый сверху, беловато - серый снизу выскочил из - под хвороста и, словно шарик, прокатился через опавшие листья. Он собирался юркнуть в свою норку, как вдруг слышал шорох шагов человека. Полевка остановилась на полпути: кругленький зад с коротким хвостиком оставался снаружи, тогда как грудь с передними лапками и голова с настороженными ушками скрывались в норе. В этом положении зверек застыл неподвижно и, казалось, был готов оставаться весь день. Гриша стоял, не шевелясь, ожидая, что предпримет этот пушистый комочек. Но минуты проходили одна за другой, и упорство натуралиста разбилось о терпение зверька, воспитанного лесом. Гриша не выдержал — после длительного молчания пискнул коротко, одним из тех голосов, которые так часто слышатся по вечерам с земли, пронизанной дорожками и ходами полевок. В одно мгновение произошла перемена. У норы что - то мелькнуло, и полевка уже сидела в спокойной позе, лизала передние лапки, против шерсти терла ими мордочку, жмурясь и комично пригибая мягкие ушки от затылка к носу. Умывание было быстро окончено, зверек блеснул глазками и шмыгнул в темный ход подземного лабиринта. Близ норы Гриша нашел большую кучку мелко изгрызенных скорлупок желудей, мякоть которых полевка поедала на избранном месте. Она притаскивала их издали по извилистым тропинкам, зимой проложенным под снегом, а теперь - под тонким слоем опавшего листа и хвои. Там, где лежала кучка объедков, у этого зверька был "обеденный столик", который

имеется почти у каждой полевки.

Лесная полевка

Среди дня Гриша отправился за ножом, забытым в бане при поспешном переселении. Севка пошел по следам лося. Гриша несколько в стороне от своего прежнего пути нашел еще один улей, висевший сравнительно низко на большой ели. Ободрав себе руки, распоров куртку в нескольких местах, Гриша вскарабкался на дерево и уцепился за колоду. Он вздрогнул и чуть не упал, когда пальцы руки, просунутой в одно из отверстий, сделанных лесным столяром — дятлом, натолкнулись на что-то мягкое, лежавшее внутри. "Мягкое" оказалось лапой глухарки с мясом и перьями. Юный натуралист не сомневался, что это — следы деятельности одного из лесных хищников, но какого, он не мог догадаться. Только несколько лет спустя, когда ему удалось познакомиться с нравами лесной куницы, он вспомнил о случайной находке в холодный апрельский день. Куница, поймавшая зайца - беляка или глухаря, сначала наедается, а затем, разделив добычу на части, растаскивает их по дуплам, старым гнездам, кучам хвороста и другим укромным местам. Охотник за пушными зверьками, разрубив дупло, к которому его подвела остроухая собака лайка, бывает сильно обескуражен, найдя там не желанную добычу, а заячью лапку, крылышко рябчика да разноцветные перья большого пестрого дятла.

Полевка

Весь низ внутренней полости колоды был завален кусками пчелиных сот, гнилушками, мхом, лишайниками, прутьями, сухими листьями и обломками гнезда шершней. В слоях этого хлама лежали перья дятлов, скорлупки белых яиц, какие - то кости, какие - то волосы. Видно, пчеловод давным - давно махнул рукой на пропащий улей и подарил его в полную собственность лесу. Грише очень хотелось прочесть летопись смены обитателей серого домика, сделанного для пчел и, за неимением их, доставляющего кров многим жителям леса.

Нож оказался воткнутым в стену бани. Мальчик без приключений вернулся к зимнице, сделав неудачную попытку забраться на сосну с ульем, найденную вчера. Только теперь он почувствовал, что ослаб и утомился за последние дни.

Лосиная тропа увела Севку к большому моховому болоту. По пути он во многих местах встретил следы зимнего пребывания глухарей и спугнул двух глухарок с сосны у поляны. Птицы кормились, обламывая кончики веток с почками и хвоей. На снегу под сосной лежала оброненная птицами хвоя и свежий помет глухарей, целиком состоявший из пожелтевших сосновых игл. Все убеждало ребят в верности предположений о близости токовища. Вечер оба провели в зимнице; вальдшнепы не летали, "тяга" прекратилась — погода разбушевалась не на шутку. Мокрый снег валил хлопьями, в лесу стало холодно и совсем неудобно. В полутьме, при неровном свете костра Гриша зарисовывал лапу глухарки. Его интересовали расположенные по бокам пальцев ряды жестких роговых стерженьков, составляющих особые гребеночки или бахромки. Бахромки

появляются с осени и спадают на следующее лето; они облегчают птицам передвижение по скользким, оледеневшим ветвям, где глухари и тетерева кормятся зимой. Севка следил за другом и, мысленно сравнивая его осунувшееся лицо с прежним — крепким и розовым, тревожно думал, что будет, если мальчик расхворается. Он не знал, что и сам выглядит не лучше своего спутника. Пять дней тревожной, трудной жизни не могли не сказаться. Оба сильно похудели, глаза от дыма и беспокойных ночей сделались красными, губы потрескались. Загоревша кожа рук стала шероховатой - "покрылась кочками", по образному выражению Севки. Утомление, недоедание не прошли даром. Но друзья крепились, твердо решив пробыть в лесу до тех пор, пока продовольствия в мешках останется не более как на обратную дорогу до первой деревни.

Лапа глухарки

XI. Ток найден! На новом ночлеге

Холод, тишина, странный мутноватый свет были в зимнице при их пробуждении. Оба вскочили разом, как по команде, и мешали друг другу в торопливых сборах на поиски тока.

Лес стоял неподвижный, как заколдованный. Ветра и монотонного гула вершин, к которому друзья успели привыкнуть, уже не было. Предрассветная гнетущая тишина молчаливым, покорным ожиданием наполняла темноту. Тускло белел снег, за ночь успевший запорошить и старую листву, и остатки костра, и пни, и упавшие деревья. Беззвучно, боясь говорить даже шепотом, двинулись друзья по темному призрачному лесу. Проходили тридцать - сорок шагов, останавливались, долго напряженно прислушивались. Кругом все спало. Лес отвечал упорным угрюмым молчанием, строго храня свои тайны. Они снова шли, снова останавливались и, поворачиваясь во все стороны, напрягали слух, силясь уловить долгожданную песню глухаря. Тишина или, самое большее, легкий шелест вершин был неизменным, единственным ответом на их ожидание. Скрип кожи патронташа при неловком повороте, хруст ветки при резком движении в этом мертвом беззвучии казались громче выстрела, биение сердца — сильными ударами молота, а лес молчал, молчал упорно и как будто насмешливо. Медленное движение, напряженное, пронизанное нервной дрожью ожидания, среди черных отовсюду протянутых ветвей обещало быть бесконечным. Друзья, подавленные молчаливым заговором леса, потеряли представление и о времени, и о пространстве, которое прошли. Утомленный слух начинал наполнять тишину несуществующими шорохами и звуками, мальчики путали друг друга, замирали, прислушивались — лес молчал, молчал и молчал...

Севка уже подумывал, что они ошиблись и покинули зимницу слишком рано. Но небо на востоке стало медленно, еле заметно светлеть. Потом белесоватый сумрак смешался с ночной темнотой, прятаясь в елях, и нашел мальчиков на поляне, одним краем спускавшейся к болоту, совсем черному среди снежного пейзажа. Именно в эти минуты должен быть разгар глухариного тока, если бы не помешали холод и снег. Где -нибудь здесь рядом, вот за этой полосой деревьев скрываются громадные темные птицы и поют свои странные песни, понятные только им одним. Где и как — об этом лес еще не проронил ни звука. Замкнул мальчиков

густой непроницаемой стеной, окружил буреломом. Отовсюду протянул в лицо колючие, лохматые лапы, подсунул под ноги мшистые колоды, суковатые жерди и хворост. Озадаченным, притихшим охотникам было от чего прийти в отчаяние! Ток близко, друзья были в этом убеждены, но как найти его, как уловить эти песни, слышные лишь на двести - триста шагов!

Ах, если бы голос глухаря был так же звучен, как бормотание его меньшего брата — тетерева! Ведь сегодня предпоследняя заря, и завтра утром они ни с чем должны будут отправиться к дому: пшена осталось всего четыре горсти. На душе было горько, горько и обидно, почти до слез! Столько трудов, столько усилий — и все даром. Вернуться в город, не увидев даже, как глухари токуют. Слышать дома насмешки сестер, а в гимназии подтрунивание товарищей. Севку злило одно воспоминание о словах "Охотничьего календаря": "Впрочем, можно, иногда, определить место тока по направлению полета летящих глухарок..." Он повторял эту цитату с разными интонациями, сюсюкал, словно передразнивал какого - то профана, совсем не ведавшего, как разыскивается глухариный ток. "Как бы не так! Очень уж просто все это у вас в книгах. Вот определило направление полета глухарок, когда их нет!"

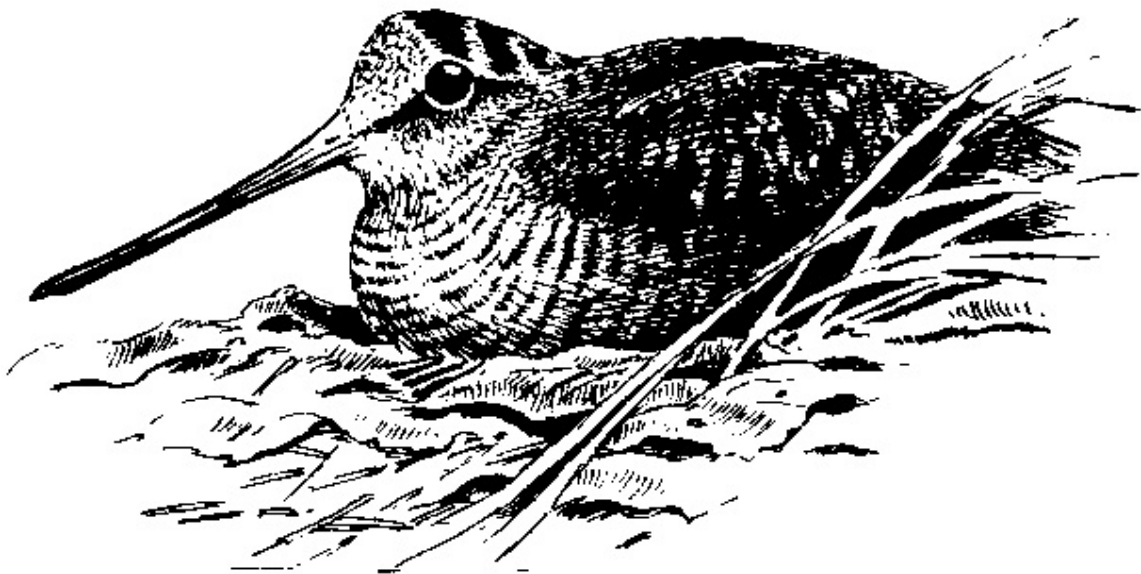
Робко брезжил и приближался рассвет. Где - то за болотом протяжно и звонко, как вызов медной трубы, прозвучал первый крик журавля. Целый хор журавлиной стаи дружно ответил на этот голос. Трубные звуки, сливаясь с эхом, долго плыли, колыхались над чащами; торжественная музыка лесов приветствовала восходящее светило, на этот раз скрытое тяжелой, свинцовой завесой облаков. Лес пробуждался. Далеко на глухой и пустынной луговинке нерешительно бормотал тетерев. Запели дрозды - дерябы неохотно и вяло, словно по обязанности,— утро было холодным, всюду белел снег, точно говоря, что зима вернулась и он совсем не намеревался таять.

Севка упрямо решил продолжать поиски вдоль изрезанной окраины болота и, прихрамывая, скрылся за группой елей. Гриша медленно пошел к зимнице, думая осмотреть лес влево от постройки. Снег сминаясь под ногами и налипал к сапогам. Вместе с хвоей и листьями получались громадные "каблуки", очень затруднявшие ходьбу. Мальчик часто останавливался обивать эти надоедливые наращения. В одну из таких остановок у своих ног, на снегу он заметил стройные следы лапок, которые могли принадлежать только кулику. За упавшей порыжевшей сосной у мокрой, лишенной снега низинки он спугнул вальдшнепа. Следы принадлежали этой птице. Она слетела неожиданно, в двух - трех шагах с того места, куда только что был обращен взгляд наблюдателя. Гриша

недоумевал, как он мог проглядеть ее, ростом с голубя, сидевшую так близко и совсем на виду, хотя и знал, что оперение вальдшнепа — прекрасный образец так называемой криптической, маскирующей окраски. Подобно совам, сычам, козодоям, вальдшнеп, деятельный в сумерки и ночью, ищет днем покоя, почему быть незаметным в это время ему особенно необходимо. Среди дневных хищных птиц много опасных врагов вальдшнепа: это — ястреб - тетеревятник, перепелятник, канюк и другие. Его оперение, ржаво - рыжее, испещренное волнистыми черными и серыми пятнами, оказывает птице неоценимые услуги в светлые часы суток. Оно поразительно походит на цвет почвы, усыпанной сухим листом, где скрывается этот пугливый житель сырых лесов. На самку вальдшнепа, сидящую в гнезде, можно наступить, не заметив. Убитого вальдшнепа, упавшего спинкой кверху, искать очень трудно.

В сырой низинке, где сидела птица, Гриша нашел множество дырочек, сделанных в почве ее клювом, и сейчас же вспомнил о точно таких же ямочках, виденных третьего дня у костра. Несколько дальше он спугнул еще двух вальдшнепов, натолкнулся на следы зайца, полевок, лесных мышей и, наконец, встретил следы парочки белок, только что покинувших теплое гнездо в поисках утреннего завтрака. Белок найти не удалось, несмотря на приложенные старания. Заслышав звуки его шагов, зверьки забрались на деревья и скрылись. Они умеют отлично затаиваться, плотно прижавшись к сучьям и подолгу сохраняя полную неподвижность.

Вальдшнеп

Гриша не терял времени и наполнял альбом рисунками, хотя пальцы

сильно иззябли и плохо повиновались. Он уже почти позабыл о задаче этого утра, как вдруг над лесом мелькнула какая - то тень. Мальчик, опрометью выскочив на полянку, увидел глухарку, летевшую в сопровождении глухаря. Сердце у него сжалось при виде этой картины. Он занимался пустяками, когда нужно разыскивать ток! Гриша глянул вокруг, выбрал самую высокую и ветвистую ель, сбросил мешок, патронташ, повесил ружье на сучок и быстро полез к густой зеленой вершине. Большое причудливой формы болото с мелкими кочками, гривами желтого камыша, группами худосочных сосенок, островами и заливами, зубчатые вершины ельников, уходящие вдаль вековые боры — вот широко раскинувшаяся панорама лесного царства, которая была видна, как на ладони, с той высоты, куда забрался мальчик. Маленькой игрушкой казалось висевшее внизу ружье, а дрозд - деряба выглядел так забавно, вертясь на макушке соседнего дерева. Гриша смеялся, потешаясь над его движениями. Он почувствовал себя птицей, покачиваясь на вершине, среди зеленых смолистых ветвей, осыпанных шишками. Здесь было холоднее, он начал уставать, и что - то вроде головокружения, от слабости или от голода, медленно отравляло ему пребывание на соколиной высоте. Закоченевшими пальцами цеплялся он за ветви и упрямо твердил: "Все равно я до вас доберусь? Не уйду, пока не увижу, откуда летите. Не уйду!" Зорко обегал его взгляд зеленое море вершин, широко расстилавшееся вокруг. Вон сарыч кружит за болотом, высматривая полевок... Там перелетели две сойки — наверное, ищут местечко для гнезда. Что - то маленькое, темное мелькнуло над соснами большого острова за болотом,.. еще и еще. Две крошечные глухарки и глухарь летели оттуда на места своих дневок. Второй глухарь показался над северной частью острова и полетел в другую сторону, по другому радиусу круга, в центре которого должно быть токовище. "Так вот вы где, вот вы где",— восторженно приговаривал Гриша, перебираясь с ветки на ветку и летя вниз по зеленой лестнице со скоростью белки. Еловая душистая смола налипала ему на пальцы, поток мелких поломанных веточек, лишайников, хвоинок, обгоняя Гришу, сыпался вниз, на белый снег. Под елью образовалось широкое темное пятно сора. "Похоже, что медведь за медом лазал", - проговорил Гриша и довольным взглядом окинул огромное дерево от корня до верхушки. Высоко под облачным небом на тонких ветках покачивались его золотистые шишки. Ладони стали пятнисто - серыми от смолы; Гриша потерял одну о другую. Его куртка, шапка, руки - все пропиталось крепким смолистым запахом ели и грибным - от сырых лишайников с корой.

Следы вальдшнепа, добывающего корм из сырой лесной почвы

Перебрести болото, залитое вешней водой, не шуточное дело. Гриша долго нащупывал брод. Шагал вначале осторожно, тщательно выбирая места, где ступить, но, зачерпнув левым сапогом воду, бросился вперед, бултыхая, не разбирая дороги... Вот и остров с его старыми соснами, каймой ивняка и зарослями ольхи по краям. Гриша наспех переобулся, вытер внутренность сапог хвоей, вынул из мешка сухие шерстяные носки, зарубил белую метку на крайней сосне и вступил под таинственные своды токовища.

Было позднее утро, только один запоздалый глухарь, испуганно зашумев крыльями, шарахнулся с вершины и скрылся, незамеченный мальчиком, уже наполовину пересекшим остров, Гриша закричал "ура" и продемонстрировал сойкам фантастический победный танец, когда в двух, в трех, в четырех местах натолкнулся на свежие следы глухарей. Отпечатки лап самок были мелки, располагались не по прямой линии, а как - то извилисто — птицы ходили вперевалку. Следы петухов были крупны, почти все с ясными отметинами бахромки пальцев. Там, где глухари токовали, на снегу виднелись полосы от волочившихся крыльев, шаги птиц были очень коротки; местами следы петухов сближались, беспорядочно перепутывались у валяющихся темно - серых, мелкокрапчатых перьев —

здесь разыгралась драка.

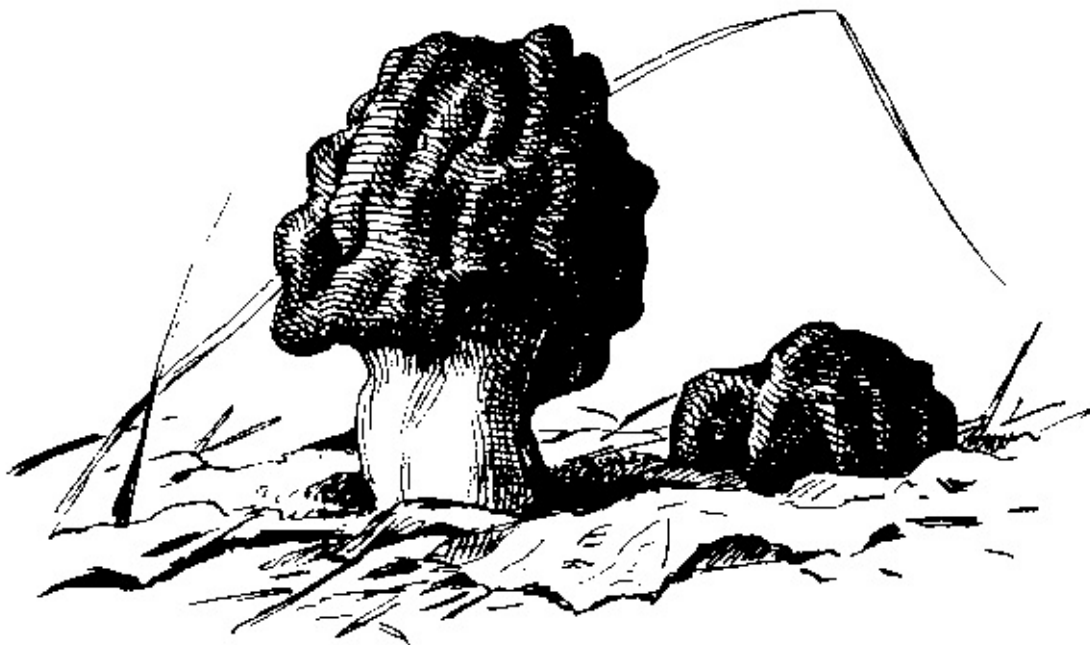
Гриша был счастлив, как путешественник, открывший никому неведомую богатейшую землю; как первый исследователь этого чудного леса и этих птиц, в уединенном уголке ежегодно собиравшихся для песен и игр. От избытка чувств он, быть может, проблуждал бы до вечера, если бы не озябли отсыревшие ноги и над лесами не прокатился далекий гулкий выстрел Севки. Гриша пришел в себя, вернулся по старому следу и снова пересек болото. Оглядываясь на свое токовище, он махал ему рукой и прибежал к зимнице одновременно с Севкой. Ребята разложили костер и, отделенные один от другого сизыми столбами дыма, рассказывали и говорили без передышки. Севке тоже посчастливилось. В полукилометре от того места, где они разошлись, в чаще молодого березняка он встретил полузанесенные вечерние следы лося и почти тут же, на гриве, выбегавшей к болоту, нашел большой лосиный рог, застрявший в ветвях березы. Должно быть лось в середине зимы, когда рога у него уже плохо держались, запутался отростками в гибких ветвях и оставил половину своей тяжелой короны (случаи сбрасывания лосем обоих рогов одновременно очень редки). Пройдя еще немного, Севка услышал внезапный хруст ветки и тотчас заметил большую темную фигуру, мелькнувшую вдали. Совсем не такой рисовалась в мечтах Севки первая встреча с сохатым. Вспоминались книжные рисунки, где лось бежит открыто, как на параде, показывая свой богатырский рост и лопатообразные рога. А здесь, за буро - красной сеткой молодого чернолесья всего на один миг показалась темна несуразная голова, высокие плечи да мелькнули крепкие беловатые ноги. Зверь исчез с быстротой и легкостью зайца. Только задетая лосем березка покачивалась взад и вперед и, ударяясь о соседние ветви, щелкала все тише и тише. "Вот тебе раз!" - единственно, что мог проговорить остолебеневший от неожиданности Севка и бросился вдогонку зверю. Большие темные следы уходили в болото, лось нигде не было видно... "Тебе приставал снег на каблуки? Мне тоже. И, знаешь, лосю на копыта какие здоровые лапти налипают! А когда слетят, так замечательные слепки копыт остаются. Жаль, что снег начал таять, - вот бы тебе их зарисовать! Я - то пробовал, да ничего не вышло".

Следы глухарки

Пройдя километра два после встречи с лосем, Севка сделал открытие, очень обрадовавшее друзей. Наполненная водой низина, среди которой расположен обнаруженный сегодня "глухаринный остров", — это одно из многих разветвлений Оленьего болота, а их зимница находится всего в четырех верстах от дороги к Заборью. Они и раньше не сомневались, что с помощью компаса выйдут на единственный торный тракт, пересекавший леса с юго - запада на северо - восток, теперь же совсем успокоились, зная, что могут вернуться домой, когда пожелают.

Строчки

На обратном пути Севка стрелял глухаря, поднявшегося очень далеко, и промахнулся. Потом на открытых местах в бору он на шел много строчков — самых ранних съедобных грибов. Их кофейные и бурые шляпки, волнистые, бугорчатые, смятые в складки, торчали из - под свежего снега. Строчки встречались целыми "гнездами"; они высыпали на прогретых солнцем полянах еще в теплые дни, до ухудшения погоды. Севка набрал их в карманы и сумку; хрупкие, полые внутри грибы легко ломались в руках. Немного дальше, на безлесной пустоши, он случайно заметил несколько странных приземистых растений и не сразу узнал в них цветы сон - травы — так они изменились. Лиловые колокольчики закрылись, сложив лепестки, поникли вниз головой и как - то съежились в ожидании новых солнечных дней. Что - то трогательное, терпеливое почудилось Севке в облике этих пушистых, склонившихся вниз побегов, привычных к капризам ранней весенней погоды.

Ребята помнили, что строчки и сморчки содержат ядовитый сок. Поэтому их обдают кипятком или отваривают прежде, чем кладут на сковородку; первую воду сливают. Большая кучка строчков после отваривания уменьшилась раз в пять. Грибной суп и очень жидкая каша были у друзей на этот раз обедом; не сытые и не голодные переправились они на "глухариный остров".

Было далеко за полдень. Хотя небо еще хмурилось, в воздухе

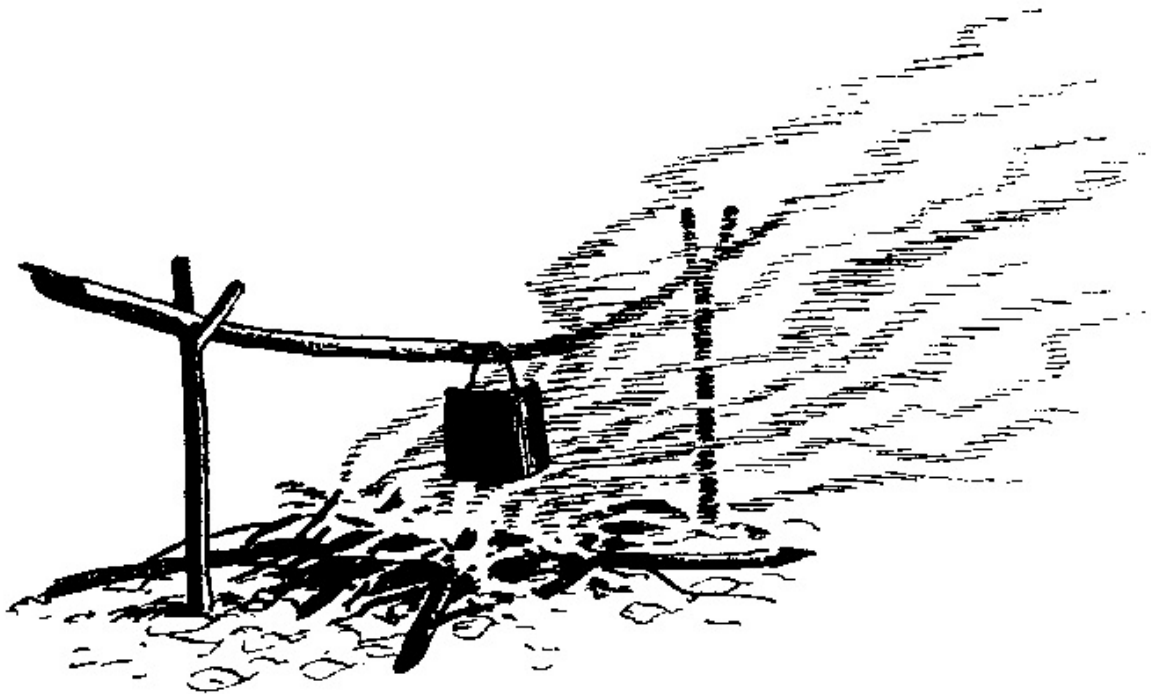
потеплело. К этому времени свежий снег успел растаять. Гриша очень жалел, что не может показать другу следов "своих глухарей". Оба без конца колесили по извилистому, вычурной формы, острову и спохватились лишь тогда, когда ни один не мог сказать, откуда и куда они шли. "Опять заблудились! Это все ты, Гришка! Остров - то твой, давай, выводи!" Смущенный проводник долго копался, отыскивая и рассматривая отпечатки каблучков, оставшиеся лишь кое - где. После длинного ряда неудачных попыток и тревожных друзей выбрались к сосне с белой меткой. Чтобы на утренней заре не повторилась подобная история, они еще раз тщательно обошли остров, пользуясь компасом, делая зарубки на видных местах и нанося на схематический план естественные метки. В последних не было недостатка: большие муравейники, груды бурелома, ямы со снегом и маленькие полянки встречались на каждом шагу. Это заняло у них весь вечер, и в сыром воздухе чувствовалось приближение ночи, когда они закончили "съемку". Место для ночлега выбрали на острове, отделенном от токовища проливом в триста метров шириной. Ребята нашли ровную песчаную площадку у корней вывороченной ветром сосны. Пласт земли, поднятый узловатым сплетением корней, укрывал площадку подобно широкому щиту. С боков к нему пристроили две стенки из густого лапника, прогрели площадку костром, отгребли угли в сторону и прямо на горячую золу настелили еловых ветвей. Жилище было готово.

Стемнело... Торопливо и высоко протянули два вальдшнепа. Даже эту птицу вечер угнетал холодом и резким ветром. Тревожно шумели деревья вверху, а внизу, борясь с мраком и холодом, весело пылал костер. Пахло дымом, струился нагретый воздух. В закоптелом, многострадальном котелке булькала, пенилась и кипела каша. Последняя каша! Она была жидка до прозрачности. Назавтра оставалось меньше горсти пшена! С заботливостью, достойной лучшего применения, мальчики выскребли все содержимое со дна мешков. Откинули клочки бумажек, перья, соломинки и высыпали оставшиеся крошки сухарей в варево, лишь только оно поспело. Эта голодная "болтушка" исчезла через несколько минут после начала ужина. Потом Гриша долго выскребал посудину ложкой — пустой котелок жалобно брэнчал, протестуя. Севка мечтательно смотрел на эту сценку и строил несбыточные предположения о том, что бы он ел сейчас дома. Оба выпили по глотку из фляжки, почувствовали, что согрелись и... еще больше хотят есть.

Ночь повисла над островом сплошным черным пологом. Острыми струйками холода проползала, змеилась и тянулась к костру через еловые стенки, беспокойно металась, гудела, стонала, скрипела в темных вершинах

деревьев. "Эх, только бы к утру немножко затихло. Иначе — пропал ток". Мальчики молчали, тоскливо слушали нараставший шум леса. "Видно, не стихнет". В небе робко мигнула одна звездочка, другая, третья... "Разорвало облака... может, прояснится". Гриша сунул еловую ветку в костер. Она загорелась не сразу, но зеленые хвоинки вспыхнули, дружно с тонким жалобным писком согнулись, сделались красными, потемнели, рассыпались. Звуки отдельных хвоинок сплелись в стон умирающей ветки. Казалось, десятки маленьких существ разом покинули свои жилища, с плачем унеслись ввысь. Мальчик подкладывал ветку за веткой — стоны хвоинок превратились в тонкие высокие вопли. "Брось! Не надо, — нервно проговорил Севка. - Давай лучше что -нибудь споем". В костер подбросили дров, сели ближе друг к другу, затянули невеселые песни. О, как странно звучали слабые голоса ребят, прильнувших к огню - жалкому пятну света, затерянному в безбрежной темноте громадных тревожных лесов!

Ветер то затихал, то снова усиливался. Холод сердитыми струйками пробирался к костру. Казалось, конца не будет ночи мрака и зловещих звуков. Только под утро ребята уснули чутким сном, прижавшись друг к другу под нависшими корнями упавшей сосны.

ХII. Глухари поют!

"Ну, все ли взяли?" — "Кажется все". Севка снова пошарил в постели из еловых ветвей, в последний раз взглянул на костер. Друзья двинулись, трясясь крупной дрожью от холода и сдерживаемого волнения. Было совсем темно, но какое - то неуловимое предчувствие безошибочно говорило им, что близится рассвет. "Вот здесь!" — "Да нет же... Ну, куда ты, прямо!" В темноте деревья острова казались великанами, страшными, причудливыми, березовые пни — чем - то вроде белых черепов, маленькие полянки — бездонными ямами. Мальчики долго не могли найти брода.

"Помнишь, как говорил тот деревенский охотник? З - а - б - у - л - ю - к - а - л - и по болоту", — Севка хихикал, Гриша сердился, шипел, без плеска погружал ноги в воду и вынимал их так же бесшумно. "Сурьезный мужичок", — дразнил его Севка. Водяные круги, тускло поблескивая, расходились от ног, качали одинокие камышинки, что - то шептали им и прятались, добравшись до кочек. Триста метров показались невероятно длинными. Оба были счастливы, почувствовав под ногами вместо зыбкого мха влажную почву "глухариного острова". Две белые зарубки на сосне смутно мерцали, несмотря на темноту. "Видишь, как вышли!"

Звезды холодно и лучисто вспыхивали, показывались и исчезали лишь кое - где на небе. Словно незримая рука гасила их там, где в эту минуту плыли невидимые облака. Ветер по временам затихал — лес засыпал с легкими вздохами, сосны прекращали скрип, тихо, сдержанно шушукались в полудремоте... Затаив дыхание, превратившись в слух, мальчики стояли уже минут пятнадцать. Еще вечером они бросили жребий — еловую ветку, и Севке досталось подсказывать к первому глухарю. Вот почему его разбирало особое нетерпение. К тому же — сырые ноги сильно зябли от неподвижности.

"А вдруг они здесь не токуют? Не лучше ли будет разойтись в разные стороны?" — Севка намеренно давал Грише большое преимущество: идя направо, тот будет двигаться против ветра, издали слышать глухарей и не так путать их шумом шагов. Гриша согласился. Две неясные фигуры медленно растаяли в темноте, уплыли каждая в свою сторону.

Севка прошел шагов семьдесят, прислонился к дереву и решил слушать, не сходя с места. Ветер слабо дохнул с востока. Зашушукались, заговорили и запели сосны. Дерево тихо покачивалось у плеча мальчика,

говор леса навевал на него легкую дремоту, опутывая сознание еле уловимыми, смутными, как сон, воспоминаниями о том, что он как будто всегда, в продолжение многих лет, стоял здесь и слушал, слушал этот вековечный ропот. "Но что это"? Еле слышное, невнятное скрипение и потрескивание, точно тихий - тихий лепет, почти сливаясь с говором вершин, блуждало в темноте, слабо выделяясь своим особым ритмом. "Вот опять! — Севка прислушивался, не дыша, и замер так, что даже сердце перестало биться. — Опять!.." Скрипение и шелест повторялись с равными промежутками, и, едва только ветер притих, Севка ясно различил два колена — слабое щелканье и несколько более звучное "скирканье", или "точенье", глухаря, разыгравшегося далеко в темной глубине острова.

"Он, он, он!" — восторженно прошептал мальчик. Кровь бросилась ему в голову, щеки горели, руки дрожали, закидывая ружье за плечи. "Ну!" — мальчик приготовился к прыжку. "Тэке - тэке - тэке - тэке — тэкеррррре - цирси - цирси - цирси - цир - си..." — слабо, сквозь дымку полусна, несло с токовища. Раз — метнулся вперед мальчик, лишь только послышалось "тэкеррррре", два - три, скирканье еще не прекратилось, а он уже стоял неподвижно. Маленькая пауза опять: "Тэке - тэке - тэке - тэке - тэкеррррре - цирси - цирси - цирсици - цирси - цирсици". Раз - два - три — снова три огромных бесшумных прыжка... "Тэке - тэке - тэкеррррре..." Раз - два - три! Севка перемахнул через яму с водой, споткнулся о пень, еловая ветка сердито хлестнула его по лицу, и он убедился, что действительно "искры" из глаз могут сыпаться целым дождем, но стоял неподвижно задолго до конца скирканья. Песня непрерывно следовала за песней, прыжки — за прыжками, сплетаясь в странную дикую пляску, несущую смерть среди темных стволов еще непробудившегося леса. Песня за песней, прыжки за прыжками!

Глухарь был старый, хороший "певун"! Раньше всех проснулся он на сосне, где провел ночь. Осмотрелся, долго щелкал отрывисто и коротко, водя по сторонам головой и прислушиваясь. Темнота дышала покоем, однотонно шумели вершины да пошевеливалась в ветвях неподалеку ночевавшая глухарка. Он щелкал все чаще и чаще; увлекся, уже горел, сокращая промежутки между следовавшими один за другим звуками до тех пор, пока они не слились в сплошное пощелкивание, а скирканье полилось само собой. Тогда глухарь распустил веером хвост, свесил крылья, оттопырил перья бороды и шеи. Двигаясь боком по горизонтальному суку сосны, он пел восторженно, в радостном самозабвении, лишь изредка прислушиваясь, не скрипит ли другой глухарь, вызывая на драку, и поворачивался то туда, то сюда.

Странные это были песни! Они могли родиться только в лесу и только в лесу были понятны! Потрескивание веток и скрип вершин были их основным мотивом. "Деревянные звуки", как окрестил их Севка. Но они следовали один за другим такой волнующей, задорной вереницей, в ее захлебывающемся, страстном ритме было столько огня и весеннего трепета, что песни попеременно обдавали мальчика то жаром, то холодом. В каком - то безумном упоении, в полубреду он несся сказочной пляской, громадными прыжками по мягким мхам, мимо куч хвороста, продираясь сквозь ветви. Старый "певун" позабыл о врагах и опасностях — песни лились одна за другой. Севка уже слышал совсем ясно каждый звук, отчетливо различал металлический скрип оттачиваемой косы в звучном скриканье и вдруг впереди себя увидел темный силуэт человека, прыгавшего так же, как он. Это был Гриша. Весь жар, все упоение сразу исчезли у Севки. Глухарь пел в Гришиной стороне, и, хотя Севке по жребью принадлежал первый выстрел, он считал нужным уступить. Бесшумно, под песни, теми же большими прыжками, он стал удаляться в свою сторону и остановился шагах в восьмидесяти.

Глухарь продолжал петь. Как ни вслушивался Севка, он все же не мог разобрать и тени намека на то, что там, в темноте, при каждом скриканьи охотник делает свои прыжки, шаг за шагом приближая неминуемую смерть к влюбленному, все позабывшему певцу. "Молодец Гришка! Хорошо подскакивает". А песни сменялись песнями! Все еще спало. Лес молчал, словно выжидая, чем это окончится. Вдруг весь остров дрогнул от громового удара, молния выстрела осветила ветви. Шарахнулось в вершинах эхо, и что - то большое, тяжелое, беспорядочно - торопливо хлопая крыльями и ломая ветви, грузно повалилось на землю. Оборвалась песня... Послышался короткий шорох шагов и затих...

Сердце билось так, словно хотело вырваться из груди, и дымящееся ружье лихорадочно прыгало в руках, когда Гриша, не чуя под собою ног, подбежал к упавшему глухарю. Тот лежал в куче опавших ветвей, вздрагивая, все тише и тише встряхивая крыльями. Певун был очень тяжелый; мальчику он показался не менее полупуда (по взвешивании дома птица вытянула свыше пяти килограммов). Гриша приподнял глухаря, ухватил за шею. В густых перьях пальцы его совсем утонули. Он сразу как - то сжался от жалости, когда почувствовал теплоту большой сильной птицы, судорожно вздрагивавшей в агонии. Озябшая рука мальчика оторвалась от ледяных стволов ружья и быстро согрелась, впитывая потоки этого живительного тепла. А источник его уже иссякал — жизнь покинула крепкое, теперь бессильно повисшее, глухариное тело. И это охота, о

которой они столько мечтали! Исподтишка подскакал на десяток шагов к осторожной, чуткой птице, все позабывшей в любовном волнении, горячо изливавшимся в этих неказистых песнях. Выстрелил, когда глухарь повернулся самым слабым "убойным" местом и скиркал в полном упоении. Он убил его в самые светлые минуты глухаринной жизни! "Так просто, нехитро и скверно!" Гриша совсем разочаровался в охоте на току — его охватило запоздалое чувство раскаяния. И так всегда! Хуже всего было то, что он, наверное, застрелит второго, если услышит! Точно стреляет не он, а кто - то другой, завладевший его ружьем, его глазами, его руками! Он бережно уложил птицу в мешок, боясь помять хотя бы одно перышко, и со словами: "С меня довольно" сел на пенек. Сосны качались и пели свою вековую песню...

Два глухаря с шумом сорвались один за другим в севкиной стороне и сели где - то далеко. Он невзначай спугнул их, прокрадываясь лесом. Эти молодые птицы еще не начали петь и сидели молча.

Как будто начинало светлеть. Трубачи - журавли вдруг протрубили рассвет, заунывно, протяжно и долго чередовались их голоса с откликами леса. Редела темнота, резче рисовались силуэты деревьев... Вальдшнеп заикался вдали и невидимкой протянул над островом. "Утренняя тяга" — Гриша знал о ней только по книгам. Вот он вздрогнул от неожиданности: близко и грубо захлопала глухарка, втора отозвалась далеко в стороне. Они просили новых песен от глухаря, а он уже окоченел и никогда не разбудит своим щелканьем настороженной тишины этого токовища.

XIII. Заря над болотами. Второй глухарь

Тем временем Севка осторожно продвигался все дальше и дальше. В двух местах, заметив его, испуганно квохтали глухарки, слетел встревоженный вальдшнеп. Потом бекас затоковал над лесом, и только, когда стало ясно, что победа за народившимся днем, когда мутная заря занялась над болотами, только тогда он снова услышал дрожью тела отозвавшееся щелканье певуна - глухаря. Снова безумие овладело мальчиком, снова в душе что - то запело могуче и волнующе - радостно. Севка летел вдоль болота, жадно хватаясь за каждое скирканье. О, он теперь в совершенстве знал этот лесной танец и минутами в радужном, ликующем бреду ему казалось, что в руках у него не ружье, а упругий лук, за спиной не мешок, а колчан со звонкими стрелами. И сам он — родившийся в лесах, убаюканный елями, одетый в меха и прокопченные кожи стрелок из древнего бродячего племени, а вовсе не Севка и не гимназист Н - ской первой гимназии. Под песни он обегал упавшие деревья, под песни обходил открытые поляны. Казалось, весь мир со всеми его красотами сосредоточился сейчас в непрерывном треске и скрипе глухаря. Севка даже не слышал, как из царапины, пересекавшей всю щеку, сочилась, подсыхая, кровь.

Песня за песней — прыжки за прыжками! Все ближе и ближе. Справа послышалось менее смелое, более слабое пощелкивание второго глухаря. "Вот задача! К которому идти? Лучше к левому: и ближе, и чаще играет!" Жестокая ошибка! Он убедился в этом через двадцать минут, но уже было слишком поздно. Севка пересек оставшуюся часть острова; дальше начиналась вода по моховому болоту. На каждой остановке ноги его медленно засасывала топь. Перед тем, как подскакивать, он с трудом вытаскивал из зыбуна свои огромные сапоги. Потом вода стала глубже, идти еще труднее, он промок, измучился и все - таки спугнул глухаря, певшего в группе сосен на маленьком острове! Все вышло неожиданно и просто. Сначала глухарка, сидевшая на маленькой сосенке, заметила охотника по всплескам воды. "Ко - ко - ко - ко", — пронеслось над болотом. Глухарь продолжал петь, не внимая предостережению. Снова проквохтала глухарка и с шумом полетела на остров. "Ах ты, черт!" — вырвалось у Севки. А глухарь все пел и пел, но вдруг, когда мальчик совсем этого не ожидал, певец оборвал "игру".

В наступившей тишине отчетливо бултыхнул сапог лодскакивавшего Севки. Так он попал в ловушку, а глухарь надолго замолк. Мальчик, как истукан, застыл в самой невообразимой позе. Его левая нога медленно утопала, погружаясь в бурую жижу торфяного болота, скрытую под тонким, мягким слоем мха. Вот она увязла по щиколотку... до половины голени... почти до колена... Глухарь словно издевался. "Тэк", — как бы вопросительно щелкал он и долго - долго прислушивался. "Тэк", — и снова молчание... "Тэ - ке, тэ - ке"... Руки, ноги, спина ныли от неподвижности и напряжения. "Вот запоет... вот запоет", — думалось Севке, когда глухарь учащал щелканье. Мальчик смотрел в воду, чтобы не испугать птицы блеском глаз. Стоя в тридцати шагах от сосен, он мог бы теперь увидеть глухаря, который вытягивал длинную темную шею из - за ветвей, скрывавших его до сих пор. "Тэ - ке... тэ - ке", — все реже, короче и нерешительнее пощелкивал глухарь и, загремев крыльями, ринулся в ту сторону, куда полетела глух арка. Севка дернул увязнувшие ноги, неуклюже повернулся, упустил нужный момент и выстрелил, когда уже было поздно. Глухарь без взмаха крыльев проплыл над камышами, березками и плавно летел к темным елям острова, провожаемый взорами Севки, полными и восхищения, и отчаяния, и злости. Но что это? Картина вдруг переменялась (лесная охота полна неожиданностями!): глухарь, нелепо свернувшись, сунулся вниз, и голубое облачко дыма поднялось ему навстречу от земли из - за еловых лап. От изумления Севка даже не расслышал выстрела, и только раскаты эха достигли его сознания. Гриша уже копошился у болота, доставая упавшую птицу.

Совсем рассвело. Большой улит с песнями летал над трясинной. Маленький длинноносый бекас неугомонно "блеял" и дребезжал над островом, носясь взад и вперед, взад и вперед, то ныряя вниз, то поднимаясь кверху. Он тоже токовал, и его маленькое сердечко было полно радости весны и бодрости при виде тихой, золотистой зари. Всюду пели дрозды.

Севка, поникший, усталый, вспенивая сапогами воду, тащился к острову. Он так и не видел, как токовали его глухари, и не увидит — даже последний, игравший справа, уже полетел в сопровождении подруги к пустынному, спокойному клюквеннику.

"На, вот, бери своего красавца!" — улыбаясь, говорил забрызганный грязью Гриша и кровавыми руками протягивал поднятого из воды глухаря. Зеленоватые перья на широкой груди птицы своим сильным металлическим блеском напоминали крепкие латы; большой беловатый клюв был по краю измазан сосновой смолой. Севка бережно принял намокшую, но еще теплую прекрасную птицу. Сложные чувства, в которых

он сам не мог бы дать отчета, волновали его в эту минуту. "Но, как поют - то! А? Как поют! — восторженно повторял он. — Никогда бы не поверил, что этакий скрип может волновать и захватывать!" Гриша страшно возмутил своего друга, заявив, что ожидал большего от этой охоты. После длительного спора, уже покинув "глухариный остров", они порешили на том, что Гришу охладил первый выстрел, давшийся без неудач и тревожных волнений.

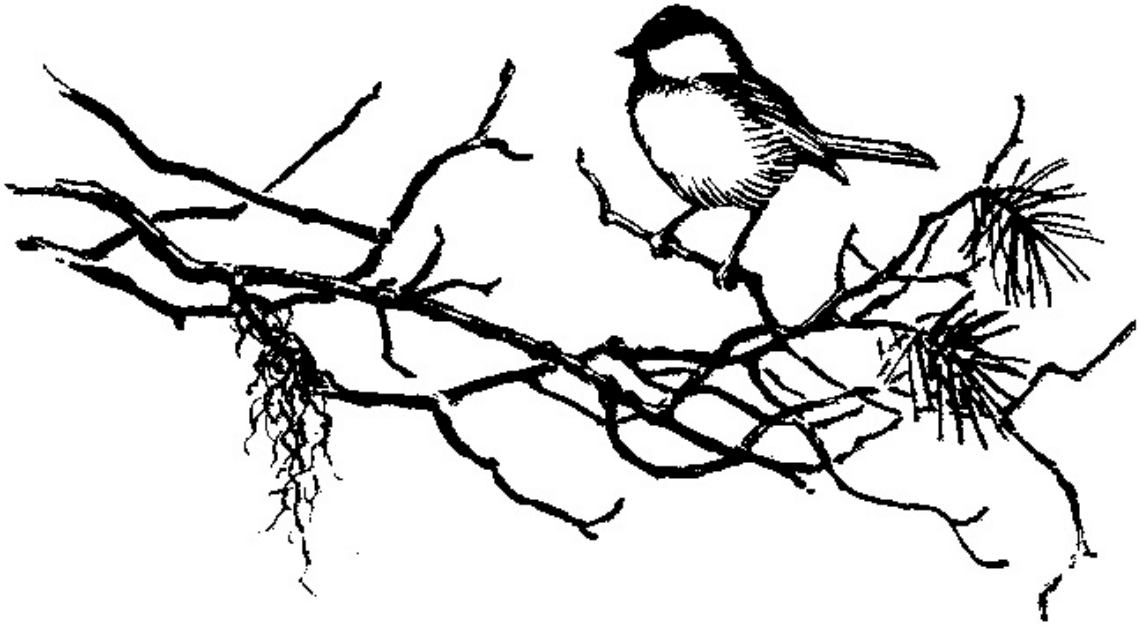

XIV. Обратный путь

В дорогу и к дому! Оба измучились, оба были голодны, оба приберегали остаток сил на много километров тяжелого пути. Они торопливо тронулись, но долго оглядывались туда, где за темным узором ветвей скрылась их уютная зимница, извилистый брод среди камышей, их зеленый шалаш у вывороченной с корнем сосны, весь "глухариный остров" с его волнующими незабываемыми переживаниями. Ведь эти места стали совсем своими, почти обжитыми, по - особому милыми. Как жалко было от них оторваться!

Солнце глянуло из - за вершин. На небе ни следа облаков. День обещал быть ясным, веселым. Оба с грустью думали, что тихие зори и теплые дни будут чередой сменяться теперь над лесом, а они засядут за парту над задачами и латынью далеко отсюда среди каменных стен города. Не для них огласятся тока задорным бормотанием тетеревов, нежно закукуют кукушки, будут греметь зяблики, зеленой дымкой одеваться березы и расцветать медуница, покачивая голубыми головками.

Оленье болото, разлившееся после дождей, как и следовало ожидать, снова доставило ребятам немало хлопот. Севке пришлось трижды пересекать его спокойную гладь и снова изобразить верблюда, оседланного Гришей. Они насвистывали марш и углублялись под сень бора, бросив прощальный взгляд на пустынную ширь болота, через которую только что закончили "блестящую" переправу. Снова сосняки сменялись ельниками, ельники - вересковыми пустошами, пустоши - низинами, и два исхудавших голодных путника отмеривали километр за километром по тропинкам безлюдной дороги.

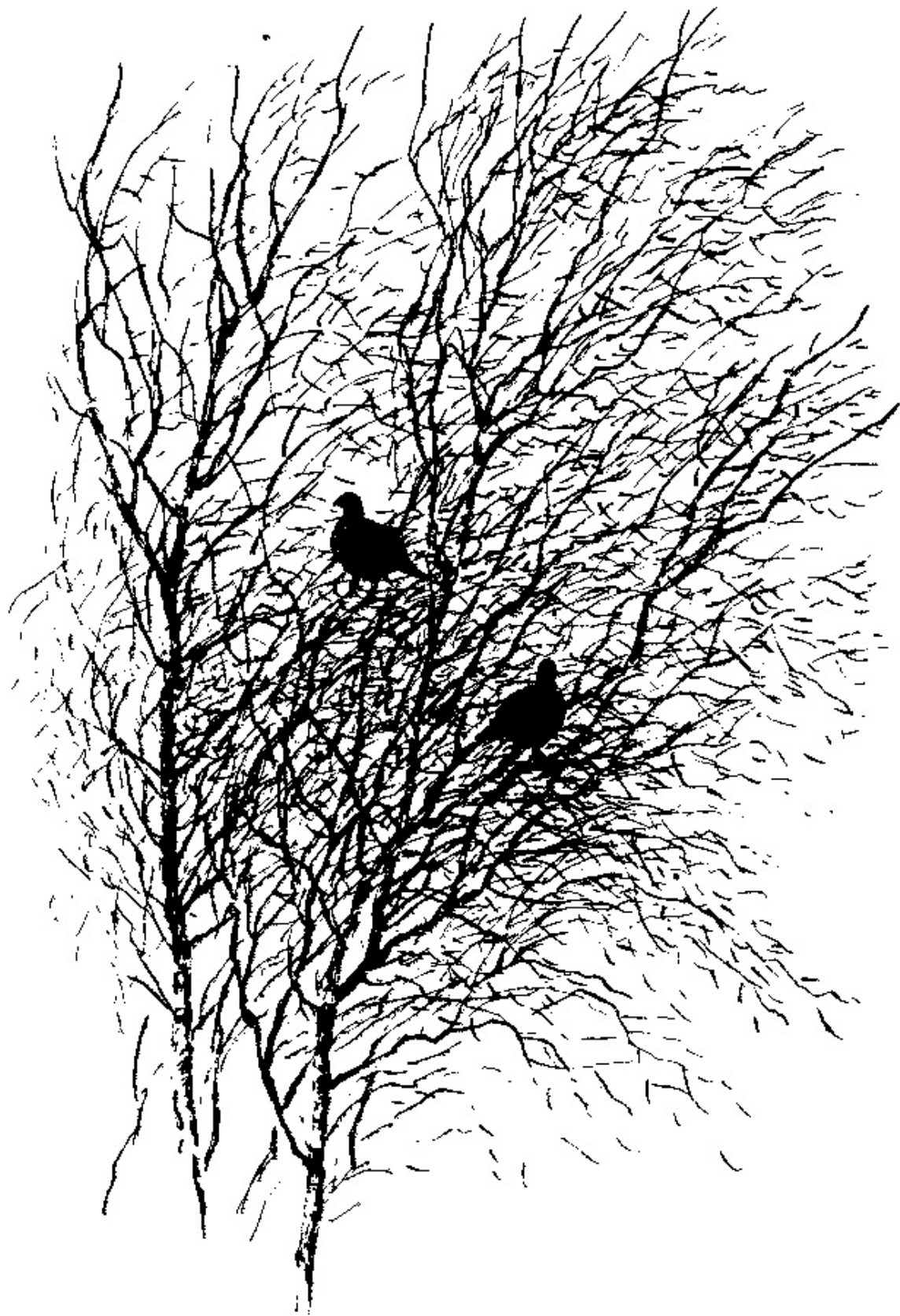
Гаичка

Леса отогревались, оживали, нежились на солнце. Упруго разгибались и тянулись к свету ветви кустарников — их долгую - долгую зиму крепко прижимало к земле холодное одеяло снега. Казалось, гибкие ветви сладко потягиваются, расправляя онемевшие от неподвижности члены. Опять в траве засновали ящерицы, проснулись бабочки, забегали жужелицы. Зашуршала подсыхшая прошлогодняя листва, приподнимаемая ростками ранних цветов. Леса оживали, переливчатым птичьим хором провожали уходивших друзей. Сколько песен, и как сладко звучали они! Но тоскливыми нотками, грустью прощания откликались радостные трели в сердцах мальчиков.

Спросите ребят, что было в этом чувстве от детской безотчетной любви к природе, что от жгучего желания увидеть, узнать, исследовать, которое с годами не исчезает, а только ширится и растет? Они и сами тогда не смогли бы ответить. Но через много лет, когда оба стали серьезными учеными, они считали школу ранних своих походов самым ценным и увлекательным курсом, который им удалось пройти. В этой школе было все, чего не доставало в гимназии.

Севка шел впереди; его "сапоги - скороходы" вышагивали уверенно и широко, хотя левая нога прихрамывала. Лосиный рог с пятью отростками покачивался за его спиной, а к груди прильнул глухарь, словно примирившись к человеку, которого так боялся при жизни. Сзади тащился Гриша. Он никак не мог сосредоточиться на ходьбе: то у дороги находил

шкурку ежа, съеденного лисицей, то набирал в карманы узорные рыжеватые листья папоротников, пахучие ветки багульника. Он забегал вправо и влево от дороги, отставал все дальше и дальше от Севки, пока громкий окрик не заставлял его пускаться бегом.

Молодые тетерки

Впрочем, воодушевления наших путников хватило ненадолго. Истощенные недоеданием, они тащились довольно вяло уже тогда, когда заметили тетерок, щипавших сережки на молодых березах. Оба едва брели, Севка волочил ноги, прихрамыва все сильнее и сильнее, когда показалась окраина знакомого "рябчиного болота". Обоим, по выражению Севки, "сильно подвело живот", и неудивительно, что не менее часа они "паслись" на клюквеннике, жадно поедая кислые ягоды, сильно щипавшие рот. Клюква не насытила их, а только раздражила голод и несколько утолила жажду. Знакомая пара рябчиков, как и пять дней тому назад, сорвалась с ягодника и скрылась в чаще леса. На этот раз ребята не стали повторять свой опыт, а тронулись в путь, чтобы поскорее добраться до речки, где наметили сделать первый привал.

Следы кулика - черныша

След норки

Дорога казалась бесконечной. Севка стонал, прихрамывая все сильнее и сильнее, проклиная погреб, испортивший ему ногу. Гриша понемногу перестал бегать в стороны от дороги и, поникнув головой, шагал упрямо, как автомат, оставив Севку далеко позади. Как тяжелы были ружья, глухари и этот несносный рог! Скорее бы речка. Солнце пекло, жара совсем разморила ребят. Леса уже не сменяли друг друга; нет, они тихо, медленно ползли мимо, были скучны и однообразны...

След хорька

Вода неожиданно и весело блеснула из - за деревьев. Друзья предполагали, что издали услышат шум потока, но Боровая не предупредила их на этот раз. Она уже снесла и подарила Волге все избытки снежной влаги, посветлела, сменила бурный рокот на нежное журчание.

Мост, покрытый песком и кучами гнилого листа, уже виднелся на небольшой глубине под поверхностью воды. Обсыхающие песчаные берега были щедро разрисованы следами птиц и зверьков. У Гриши глаза разбежались при виде этих узоров, и даже Севка повеселел и ожил, заслышав ласковый, баюкающий говор воды. Скоро дым костра потянулся с поляны у брошенного шалаша охотника.

Последняя горсточка пшена металась по котелку, тщетно пытаясь заполнить белую муть и сделать питательной воду, неистово клокодавщую над огнем. Севка сидел у костра, уныло соображая, что вряд ли им суждено сегодня насытиться. Гриша сбросил мешок, ружье и, отдохнув немного, отправился рисовать следы. Здесь было много давно знакомых отпечатков. Вот тетерев купался в сухом песке кротовины и бродил, собира камешки, там бегал по грязи кулик - черныш, спустилась к речке водяная крыса, но... "Вот это что - то странное..." - Гриша почти уткнулся носом в землю, изучая отметинки, имевшие сходство со следом хорька, но отличавшиеся большей округлостью. Поблизости не было хороших отпечатков лапок "незнакомца" - мальчику пришлось долго идти вдоль речки, прежде чем он встретил превосходный свежий след. Гриша бросил взгляд на только что оконченный рисунок, как слабый шорох привлек его внимание. Длинный, низкий на ногах рыже - бурый зверек остановился у воды шагах в двадцати от мальчика и с любопытством его осматривал. Маленький хищник вытягивал длинную шею, во все стороны вертел подвижной мордочкой. Ярко белело пятно его губ. Потом зверек бесшумно скользнул в воду и быстро, темной змеей, переплыл речку. "Норка", - невольно вскрикнул Гриша и кинулся за ружьем. Он почему - то всегда считал этого хищника за чрезвычайную редкость и не смел даже мечтать о встрече с ним.

Норка

У костра рядом с Севкой сидел охотник, тот самый, который повстречался им при первой переправе через Боровую. Гриша даже не поздоровался с ним, а, схватив ружье, пустился через мост за речку. Все было пусто и тихо там, куда переплыла норка. Только у кочек, где зверек вышел на берег, виднелся влажный след и отпечатки лапок, такие же, как зарисованные Гришей. По возвращении его ожидала новая неожиданность: Севка сидел около пня и свирепо скоблил чешую с щуки свыше килограмма весом. "Откуда это?" — "Да вот знакомый нас с тобой угощает!" Тут только Гриша заметил, что из сырого холщового мешка, привязанного к поясу охотника, торчат пестрые хвосты щук. Ружье и щуки — это как - то не вязалось в представлениях ребят. Охотник, по его словам,

с раннего утра бродил вдоль берега и стрелял рыб, выходявших к траве и на мелководье для нереста. Икромет уже близился к концу — добыча стрелка оказалась небольшой. Для ребят было новостью, что в хорошее утро, при удаче, этим способом можно добыть более пуда отборных щук. Уха вышла на славу. Все ели и похваливали. Рыбак, он же охотник, за неимением ложки черпал варево гришиной кружкой. Повеселевшие ребята с шутками вспоминали его улетевших селезней и охотничью неудачу.

Солнце далеко ушло по дневному пути, воздух посвежел; нужно было собираться в дорогу. Крестьянин первым отправился к дому, еще раз повторив мальчикам приглашение приходить на будущую весну. "Придем, придем! Небошь, как птица полетит, так, гляди, и мы нагрянем", — кричал в ответ Севка, перебираясь через речку.

Двухчасовой отдых и щучья уха заметно подкрепили ребят. Правда, ноги их ныли и усталость ломила все тело, но уже не было той слабости, при которой вялые, стоившие больших усилий шаги были так коротки и неверны. Ребята шли бодро и подгоняли друг друга воспоминаниями о том, какой душистый хлеб у Архиповых, какое вкусное густое молоко.

Уже в сумерках они вошли в деревню, как в свой дом, поднялись по знакомому скрипящему крыльцу, долго потешались над хозяевами, никогда не видевшими глухарей и рога сохатого. Оба дивились, что аппетит, во время пути рисовавшийся безграничным, слишком быстро нашел успокоение.

Они проспали, и на следующий день вышли около полудня. Снова в Рожновке на Гришу напали собаки, потом женщина, приоткрыв оконце, внимательно осмотрела ребят и скороговоркой произнесла не то в избу, не то им вслед: "С ружьем лесовать^[13] — прибытку не видать! Умная - то голова всегда ногам покою не дает". Должно быть, ребята, действительно, еще не "размялись" и шагали не слишком бойко. Севка хотел было буркнуть что - то сердитое, но быстро нашелся и ответил тоже скороговоркой: "Тетенька, тебе курочки прибыток, а нам — петушки!" — и потряс глухарем, распахнув его широченные крылья. Гриша молча прибавил шаг.

В Митине опять за друзьями гнались ватагой ребяташки, звонко, "а разные лады голосили — "охотники, охотники...". Они спорили, что за "корягу" тащит "большой", т. е. Севка. Глухарь интересовал их не менее лосиного рога, они считали его за "орла". Молодой парень, чинивший деревянную борону у крайней избы деревни, бросил работу, ткнул топор в полено и крикнул задорно, глядя куда - то в поле: "Было у отца два сына, один - то умный, а другой — охотник..." Уж сколько раз Севке за его

короткий охотничий век приходилось слышать эту убогую остроу! Давно бы пора притерпеться, перестать ее замечать. А он все еще злился, больше всего на себя самого, что не может оставаться равнодушным. "Вот, замечал я, ходишь на лыжах — слова тебе никто не скажет, А возьми с лыжами ружье — каждый старается подковырнуть. Завидно им на охотников что ли?" — спросил он Гришу. В ответ только скворец на большой ветле за гумном свистнул протяжно, как пастух, потом прищелкнул, закричал уткой и весело затряс крылышками.

Теплым душистым вечером подходили они к Волге, уже слышали свистки пароходов, уже видели блеск горящих на закате городских окон и дым парохода - парома, подымавшийся прямо из - за крыш села. Река разлилась, паром приставал вблизи церкви. Солнце опускалось за синюю тучу, мягкие тени легли от межевых столбов; жаворонки спешили допеть прощальные, вечерние песни. Как сговорившись, мальчики остановились и оглянулись на пройденный путь. За зелеными коврами озимей мягко поблескивала свежевспаханная земля, желтело жниво, уползая в низины.

А дальше, над красноватой и рыжей чащей кустарников, сосны, взявшись за руки, убегали вереницей к далекой синей ленте лесов. Сине - туманная, мгlistая лента... Она осталась все такой же заманчивой, полной загадок; она звала вернуться! Глаза мальчиков сделались влажными, они отвернулись друг от друга; что - то подступало к горлу...

Золотистые, розовые, пылающие облака с длинными взмахами крыльев, с легкими перьями, хохлами и хвостами целой стаей поднялись над лесом, загорелись ликующими красками жар - птиц. Потом разделились на десятки мелких огненных птичек, разлетелись в стороны и медленно потухли. Солнце, солнце! Оно вдохнуло жизнь даже в клочья тумана и пляской зоревых птиц превратило глубину неба в сказочное большое токовище. Закат горел, его радужные краски тоже пели весне, как все живое в эти лучшие дни лучшего времени года. Понутив головы, ребята повернулись и медленно пошли к перевозу. "Э, не унывай, Гришуха! Уж и покажем мы "им" будущей весной! — Севка хлопнул по плечу молчаливого товарища. — Соберемс пораньше, продовольствия наберем побольше, валенки возьмем, полущубки... и заживем!"

Да, хорошо бы вернуться! Еще раз увидеть брод, свой зеленый шалаш и с песней глухаря испить живой воды, весеннего хмельного зелья!

Пароход, в черных клубах дыма, дал последний свисток. Плыли потемневшие луга, в ночь убегала река. На корме чей - то тихий голос затянул песню. Свежий трепет жизни, легкая печаль напева были сейчас как - то особенно близки — они проникли в самые тайники души. Севка с

Гришей сидели, затаив дыхание, тесно прижавшись друг к другу.

Правый горный берег быстро приближался. Уже башни и стены кремля стали видны в темном небе над венцом горы, перетянутой тонким пояском огоньков. Вот и отчий дом — старинный город, верный страж над широкими раздольями Волги. А за ним, во все стороны, в полумраке вешней ночи русские бескрайние поля, поля и деревни с томным зовом гармоники, с песнями девушек у околицы и над десятками неисхоженных верст свежий шелест - ропот вековых лесов, переполненных всяческой жизнью.

Любимый край, милая природа, милее их нет во всем свете!

Примечания.

Повесть написана в конце 1922 - начале 1923 г. В неопубликованном варианте предисловия к третьему изданию А. Н. Формозов писал: "Осенью 1922 г. из своего приволжского города [Нижегорода] я перебрался в Москву слушать лекции и учиться в ее прославленном университете. После тяжелых лет войны и разрухи жизнь в столице едва только налаживалась. С Девичьего поля я ходил пешком в университет на Моховую, жил в промерзшем зале Дарвиновского музея, где стены часто покрывались сверкающим налетом инея. Там, кутаясь в полушубок, дыханием отогревая застывшие руки, я написал эту книжку, охваченный воспоминаниями о чудесной природе Заволжья. Тогда мне казалось - я навсегда расстался с ее приветливыми лесами. Далекие гудки паровозов, порою похожие на пароходные свистки, напоминали мне о Волге и невольно заставляли вздрагивать. Эпиграф, взятый из "Садко" А. К. Толстого, как нельзя лучше передает мое настроение того времени".

Первое издание книги появилось в Ленинграде в издательстве "Синяя птица" в 1923г. Тексту было предпослано предисловие директора Дарвиновского музея проф. А. Ф. Котса. Книга имела успех. Автору были дороги доброжелательные отзывы видного биолога и охотоведа С. А. Бутурлина ("Охотник", 1924, № 7, с. 29), украинского зоолога В. Г. Аверина ("Природа и охота на Украине", 1924, № 1 - 2, с. 380) и особенно канадского зоолога и писателя Э. Сетона - Томпсона, чьими книгами А. Н. Формозов зачитывался в гимназические годы. В письме от 11 августа 1924 г. Сетон - Томпсон писал: "Мой дорогой юный друг, я только что получил Вашу книгу "Шесть дней в лесах". Текст, увы, мне недоступен, но, если он столь же хорош, как иллюстрации, то это, несомненно, нечто стоящее. Я вижу душу увлеченного натуралиста в каждом штрихе, и это больше, чем просто интерес спортсмена - охотника, который также виден от начала до конца" ("Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биол.", 1975, т. 80, вып. 1, с. 33).

В 1927 г. книга была переиздана Государственным издательством в Москве. И это издание вызвало много положительных откликов (см. рец. в журн. "Книга и профсоюзы", 1927, № 9, с. 49 - 50; "Знание - сила", 1927, № 10, с. 254; "Искра", 1928, № 3, с. 38; "Друг детей", 1927, № 11 - 12, с. 24; "Методический путеводитель", 1927, № 12, с. 61 - 62; и др.). Среди этих

отзывов отмечу написанный известным писателем Н. П. Смирновым ("Известия" от 11 октября 1927 г., № 233). В 1930 г. в Харькове напечатан перевод "Шести дней в лесах" на украинский язык ("Тиждень у лісах. Пригоди юних натуралістів").

В третий раз книга была издана в 1948 г. Московским обществом испытателей природы в серии "Среди природы" (вып. 5). Как отмечается в цитированном варианте предисловия, на мысль переиздать книгу натолкнул автор М. М. Пришвин (он был знаком с А. Н. Формозовым с 20 - х годов по сотрудничеству в журнале "Охотник". О позднейших встречах упоминается в повести М. М. Пришвина "Неодетая весна" в его собрании сочинений, т. 6. М., 1956, с. 315 - 317). А. Н. Формозов пишет: "Признанный певец нашей природы, старый волшебник слова М. М. Пришвин... говорил мне [о книге]...: "Вернитесь к ней... Есть в ней то, что дает книге долголетие... Посмотрите новыми глазами, переработайте". Автор считал, что этот совет выполнен им лишь частично. "Пришлось ограничиться исправлением только немногих явно ошибочных мест, особенно резавших глаза, оставив книгу такой же первой "пробой пера", полной молодого увлечения и литературной неопытности. Слишком трудно возвращаться в зрелом возрасте к написанному на заре ученой и научно - художественной деятельности".

В основном правка шла по двум линиям. Названия глав, первоначально чересчур длинные и несколько вычурные, были сделаны простыми и короткими (например, вместо "Обстоятельства, омрачавшие весенние прогулки Гриши. Глухариный заговор" стало "Весенняя вылазка и планы похода", вместо "О тишине, глухарином токе и грохоте выстрела. Журавли провозглашают рассвет" стало "Глухари поют"). Характеристика города и обитателей деревни, как чего - то враждебного природе и юным охотникам, была смягчена. Показательно изменение концовки. Во втором издании (с. 112): "Близился город. Захлебываясь дымом, горбатым чудищем засел он в седловины гор, тускло мигал красными веками фонарей и кашлял хриплыми осипшими гудками паровозов". В третьем издании: "Вот и отчий дом - старинный город, верный страж над широкими раздольями Волги". Эту правку не следует воспринимать как вынужденную. На первом варианте книги отразились и антиурбанистические мотивы, свойственные литературе 20 - х годов, и настроения оторванного от природы и попавшего в чужой город человека. Убрать этот оттенок автор хотел сам.

С третьего издания книги был сделан перевод на польский язык ("Szes dni w lasach"), вышедший в Варшаве в 1951 г. в издательстве "Nasza Ksegarnia".

Все издания были иллюстрированы автором. Состав рисунков несколько менялся. Здесь воспроизводится текст третьего издания с восстановлением по второму посвящения и одной вынужденной купюры. Рисунки даны главным образом по третьему изданию.

В основе рассказа - подлинные, события, но черты автора приданы образам обоих юных натуралистов. На глухариные тока в Заволжье А. Н. Формозов ездил уже не мальчиком, а юношей в 1921 и 1922 гг., один раз с отцом, а другой - со своим товарищем Георгием Дмитриевичем Шапошниковым (1902 - 1963), впоследствии инженером авиационной промышленности. Любопытно, что в архиве А. Н. Формозова хранится вырезка из газеты "Нижегородская коммуна" со статьей "Лесники - убийцы". В ней описывается примерно то же, что пережили герои повести. Произошло это уже после революции, но в тех самых заволжских лесах, где А. Н. Формозов охотился в гимназические годы.

---

notes

Примечания

Николай Елпидифорович Формозов (1871 -1928) родился в Арзамасе, окончил семинарию в Нижнем Новгороде, после чего служил в этом городе в ряде учреждений. Сотрудничал в газете "Волгарь" и в "Нижегородской земской газете". Был страстным охотником. От него Александр Николаевич унаследовал любовь к природе и, вероятно, стремление выразить впечатления от своих встреч с нею в художественных очерках.

Эпиграф из стихотворения А. К. Толстого "Садко" (1872) (см.: Толстой А. К. Полное собрание стихотворений "Советский писатель", 1937, с. 320).

Агафангел Васильевич - подлинное имя преподавателя латинского языка в Нижегородской I мужской гимназии - А. В. Надеждина.

Эрнст Томпсон - Сетон (1860 - 1946) - канадский биолог и писатель - натуралист. Его книги о животных издавались на русском языке с 1901 г. В 1910 г. вышло 12 - томное собрание его сочинений. А. Н. Формозов переписывался с Сетон - Томпсоном в 1922 - 1929 гг. и был горд тем, что тот одобрил его работу. Вильям Лонг (1876 - 1952) - американский писатель - анималист. На русском языке его рассказы о животных издавались неоднократно, начиная с 1900 г.

Цитируется книга Л. П. Сабанеева "Охотничий календарь. Справочная книга для ружейных и псовых охотников". М., 1904, с. 22 - 29.

Цитируется стихотворение А. Н. Майкова "Поле зыблется цветами..." (1857) (см.: Майков А. Н. Избранные произведения (библиотека поэта, большая серия). Л., 1977, с. 132).

Нельзя было отнести к группе "летующих" только малого пестрого дятла. Он, как и большинство дятлов, принадлежит к группе кочующих птиц, т. е. тех, которые, не улетаю на зиму из наших краев, все же двигаются из леса в лес, из рощи в рощу в зависимости от наличия корма

У белки точно так же, как у зайца, бурундука, лесных мышей, крупные отпечатки задних конечностей располагаются впереди передних. Во время прыжка зверек сжимается в комок и закидывает далеко вперед сильно вытянутые задние лапки. Передние в это время сокращены и слабо опираются на снег. Прыжки белки были длиной от 35 до 80 сантиметров, смотря по тому, двигался зверек медленно или спешил.

В настоящее время весенняя охота на глухарей строго регламентирована. Отстрел глухарей на токах разрешен только в хорошо организованных охотничьих хозяйствах по путевкам.

10

Гонобобль - так за Волгой называют голубику.

11

Борть - улей, выдолбленный в живом дереве, стоящем на корню.

Зимница называется так потому, что только зимой служит приютом дровосекам, углежогам и охотникам.

За Волгой вместо слов "охота", "охотиться" еще в большом ходу равнозначные старинные слова "лесня". "лесовать". Они указывают, что именно лес давал прежде основные продукты охотничьего промысла.